

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

Факультет политологии

Кафедра истории и теории политики

На правах рукописи

БЕКЛЯМИШЕВ
Владимир Олегович

Исторические аналогии в политическом дискурсе

Специальность 5.5.1 – История и теория политики

диссертация
на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель
Доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАН
А.Ю. ШУТОВ

Москва, 2023

Оглавление

Введение.....	Ошибка! Закладка не определена.
Глава 1. Теоретико-методологические основы изучения исторических аналогий в предметном поле политических наук.....	21
§ 1.1. Историческая аналогия как предмет политологических исследований: определение, структура, функции	22
§ 1.2. Понятие «исторической аналогии»: категориальный анализ.....	39
Глава 2. Проблемные аспекты основных подходов к изучению исторических аналогий.....	56
§ 2.1. Исторические аналогии в контексте выработки и принятия политических решений.....	57
§ 2.2. Исторические аналогии в контексте политической коммуникации.....	74
Глава 3. Апробация методов изучения исторических аналогий во внутри- и внешнеполитических дискурсах.....	90
§ 3.1. Исторические аналогии в президентских дискурсах России, Грузии и Франции об операции по принуждению Грузии к миру в августе 2008 г. ...	91
§ 3.2. Исторические аналогии в медиадискурсе (на примере освещения «первой волны» пандемии COVID-19 в российских и американских СМИ).....	107
Заключение	141
Список литературы	146

Введение

Актуальность исследования. Первая половина 1980-х гг. ознаменовалась т. н. «мнемоническим поворотом» в гуманитарных и социальных науках. Методологическое различение истории (научной дисциплины) и коллективной памяти (совокупности социальных механизмов, в том числе способствующих формированию политических идентичностей) позволило очертить границы новой междисциплинарной области («memory studies»), в рамках которой начали изучаться коллективно разделяемые представления о прошлом и формирующие их коммеморативные практики¹. Причинами возросшего интереса к коллективной памяти стали глубокие геополитические трансформации второй половины XX века — распад колониальной системы и советского блока, которые сопровождались всплесками национализма, формированием новых политических сообществ, актуализацией вопросов «исторической вины» и ответственности, а также общее ускорение темпов социальных изменений, порождавшее массовое ощущение «разрыва» между прошлым и настоящим в отсутствии убедительных универсалистских образов будущего².

К началу 1990-х гг. изучение различных практик политического использования прошлого выделилось в отдельное направление исследований, разрабатываемое, в том числе, и в отечественной политической науке³. Рассматривая «историческую политику» в контексте отраслевых политик — интенсивно развивающегося направления современной политологии — российские политологи обрели возможность осваивать это проблемное поле, опираясь на методологический аппарат собственной дисциплины. Через призму данной оптики коллективные представления о прошлом нередко видятся, в первую очередь, объектом конкурентной борьбы, в которой участвуют разные

¹ Сафронова Ю.А. Историческая память: введение: учебное пособие. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2019. С. 21.

² Нора П. Всемирное торжество памяти [Электронный ресурс] – режим доступа. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html> (дата обращения: 01.12.2021).

³ Термин «историческая политика» популяризирован в русскоязычном академическом дискурсе историком А.И. Миллером. См.: Миллер А.И. Россия: власть и история // Pro et Contra. № 3–4. 2009. С. 6–23. Критический разбор употреблений данного понятия и смежных с ним терминов можно найти у А.Ю. Бубнова. См.: Бубнов А.Ю. Историческая политика и борьба интерпретаций коллективного прошлого в публичной сфере // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2017. № 4. С. 3–12.

политические акторы, стремящиеся утвердить собственные интерпретации истории в качестве доминирующих⁴. При этом, как правило, за скобки выносятся тот факт, что сами акторы «исторической политики», в свою очередь, также находятся в пространстве коллективной памяти и в той же степени подвержены ее влиянию. Диалектический характер этой ситуации отчетливо виден при рассмотрении функциональной роли исторических аналогий, часто включаемых в политические дискурсы⁵.

С одной стороны, прямые и косвенные параллели с прошлым служат инструментом *легитимации* властных решений. С другой стороны, они же используются в процессе *выработки* политик, причем «легитимность и осмысленность ссылок на прошлое... при обсуждении политических проблем редко ставится под вопрос»⁶.

Научная проблема. В рамках исследования предполагается сосредоточиться на том, каким конкретно образом коллективно разделяемые представления о прошлом включаются в политические дискурсы⁷, обретая в них свой убеждающий потенциал. В этой связи нами рассматриваются два модуса восприятия прошлого, один из которых предполагает конструирование исторических нарративов в целях легитимации властных решений, а другой — извлечение из прошлого, воспринимаемого эссенциалистски, неких «уроков» и «дорожных карт». Чтобы понять, как эти модусы соотносятся на практике, требуется соответствующая методология, в центр которой была бы помещена историческая аналогия, взятая в качестве «связующего звена» между прагматическими интересами политических акторов, рамками разных сегментов политического дискурса, коллективными представлениями о прошлом и механизмами индивидуального мышления.

⁴ См.: Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. 2019. № 9. С. 285–312.

⁵ Как образно выразился американский политик и дипломат А. Хейг, «международные конфликты привлекают аналогии, как мед привлекает медведей». Цит. по: Houghton D.P. Historical analogies and the cognitive dimension of domestic policymaking // Political Psychology. 1998. Vol. 19. Issue 2. P. 282.

⁶ Примечательно, что этот тезис И. Нойманн сформулировал применительно именно к российскому случаю. Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004. С. 100.

⁷ Вслед за Н.Д. Арутюновой мы рассматриваем дискурс как «текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами». Арутюнова Н.Д. Логический анализ языка. Семантика начала и конца. М.: Индрик, 2002. С. 136–137.

Степень научной разработанности проблемы. Начало изучению аналогии как логической операции и, одновременно с тем, риторического приема было положено еще в античной Греции⁸. Уже у Аристотеля, рассмотревшего прецедентный случай «война фиванцев с фокейцами» (как предпосылку вывода о негативных последствиях потенциальной войны афинян с фиванцами), можно найти самые первые рассуждения об *исторических* аналогиях и особенностях их построения⁹.

Опуская изложение продолжительной истории *использования* аналогий с прошлым для постижения закономерностей мира политики, зафиксируем, что *изучение* исторических аналогий в политическом дискурсе берет начало лишь в середине 1960-х гг., когда американский историк Г. Фейс, работавший в Госдепартаменте США, впервые поставил вопрос о влиянии «того, что может быть названо «историческими воспоминаниями» (historical recollections) на некоторые из выдающихся решений американской дипломатии военного времени»¹⁰. Вывод о том, что «исторические воспоминания... предоставляют лицам, принимающим решения, противоречивые уроки и указания»¹¹, впоследствии был развит гарвардским историком Э. Мэем, обобщившим многочисленные примеры использования исторических аналогий при принятии внешнеполитических решений как во время Второй мировой войны, так и в последующий период¹².

В середине 1970-х гг. большое влияние на социальные науки оказали достижения «когнитивной революции»: теория «когнитивной метафоры» Дж. Лакоффа и М. Джонсона, теория «структур знаний» Р. Шэнка и Р. Абельсона и «теория перспектив» Д. Канемана и А. Тверски¹³. Идеографический подход к

⁸ Томова Н.А. Аналогия // Философская антропология. 2020. № 1. С. 103.

⁹ Аристотель. Первая аналитика // Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль. 1978. С. 248–249.

¹⁰ Feis H. Some notes on historical record-keeping, the role of historians, and the influence of historical memories during the era of the Second World War / The historian and the diplomat: The role of history and historians in American foreign policy. NY: Harper & Row. 1967. P. 91.

¹¹ Op. cit. P. 118.

¹² May E. «Lessons» of the past: the use and misuse of history in American foreign policy. NY: Oxford University Press. 1973. 220 p.

¹³ Abelson R. P. Script processing in attitude information and decision-making / Cognition and social behavior. Hillsdale (NJ): L. Erlbaum. 1976. P. 33–45; Kahneman D., Tversky A. Availability: a heuristic for judging frequency and probability

изучению исторических аналогий, предполагавший описание отдельных случаев из политической практики, был потеснен новым, политико-психологическим, в рамках которого для изучения роли параллелей с прошлым при принятии решений стали использовать экспериментальные методы¹⁴.

В это же время изучение исторических аналогий оформилось как изолированный сегмент проблемного поля на стыке реалистической парадигмы в теории международных отношений и психологической теории принятия решений¹⁵. Фундаментальный вклад в этот синтез внес американский политолог Р. Джервис, включивший изучение исторических аналогий в свою «теорию восприятия» — как микроуровень анализа МО¹⁶. Дальнейшее развитие его идей связано с именами израильского политического психолога Я. Верцбергера и американского политолога Ю.Ф. Хонга¹⁷. Выработанные ими подходы остаются доминирующими в западной политической науке до сих пор.

Отдавая дань интеллектуальной моде, вышеуказанные авторы стали обозначать разрабатываемое ими направление исследований как «когнитивный подход». Во избежание терминологической путаницы уточним, что предмет и методы этих исследований не имеют ничего общего с когнитивными исследованиями («cognitive science»), развивавшимися параллельно. Здесь и далее в тексте, употребляя термин «когнитивный» применительно к изучению исторических аналогий в политическом дискурсе, мы придаем ему исключительно то значение, которое было выработано в работах Р. Джервиса, Я. Верцбергера, Ю.Ф. Хонга и их последователей.

// Cognitive Psychology. 1973. Vol. 5. Pp. 207–232; Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС. 2004. 256 с.

¹⁴ Gilovich, T. Seeing the past in the present: The effect of associations to familiar events on judgments and decisions // Journal of Personality and Social Psychology. 1981. Vol. 40. Issue 5. Pp. 797–808; Spellman B., Holyoak K. If Saddam is Hitler then who is George Bush? Analogical mapping between systems of social roles // Journal of Personality and Social Psychology. 1992. Vol. 62. Issue 6. Pp. 913–933.

¹⁵ Kamali Y., Jooshani S. S. Reasoning in Foreign Policy Making from the Analogy Perspective: The Case Study of Iran's Nuclear Issue // Asian Politics & Policy. 2019. Vol. 11, Issue 2. P. 209.

¹⁶ Jervis R. Perception and misperception in international politics. NJ: Princeton University Press. 1976. 464 p.

¹⁷ Vertzberger Y. I. Foreign policy decision-makers as practical-intuitive historians: applied history and its shortcomings // International Studies Quarterly. 1986. Vol. 30. Issue 2. Pp. 223–247; Khong Y. Analogies at War: Korea, Munich, Dien Bien Phu, and the Vietnam Decisions of 1965. NJ: Princeton University Press. 1992. 286 p.

Примерами таких «когнитивных» исследований являются работы, посвященные влиянию параллелей с прошлым на выработку стратегии США в ирако-кувейтской войне 1990–1991 гг.¹⁸, переговоры представителей Госдепартамента США с руководством Югославии¹⁹, подготовку ответа на террористическую атаку 9/11 или вторжение международной коалиции во главе с США в Ирак²⁰. В сферу внимания авторов, изучающих исторические аналогии, попадали самые разные кейсы²¹, в том числе, относящиеся к области политической истории²². Несколько реже предпринимались попытки применить «когнитивный» подход для изучения роли параллелей с прошлым в процессе выработки внутриполитических решений²³.

С конца 1980-х гг. приоритет был отдан изучению роли исторических аналогий в борьбе за «символическое» доминирование, то есть утверждение определенных интерпретаций политической реальности в качестве «самоочевидных»²⁴. Смена акцентов позволила не только осветить ряд функций

¹⁸ Macdonald S. Hitler's Shadow: Historical Analogies and the Iraqi Invasion of Kuwait // *Diplomacy & Statecraft*. 2002. Vol. 13. Issue 4. Pp. 29–59.

¹⁹ Hehir A. The impact of analogical reasoning on us foreign policy towards Kosovo // *Journal of Peace Researches*. 2006. № 43. Issue 1. Pp. 67–81.

²⁰ Angström J. Mapping the competing historical analogies of the war on terrorism the Bush presidency // *International Relations*. 2011. Vol. 25. Issue 2. Pp. 224–242; Jespersen Ch. Analogies at war // *Pacific Historical Review*. 2005. Vol. 74. Issue 3. Pp. 411–426; Prémont K., David Ch.-Ph., Boucher V. The Clash of Historical Analogies and Their Influence on Decision-Making: The Case of Iraqi Reconstruction Under George W. Bush // *Diplomacy & Statecraft*. 2018. Vol. 29. Issue 2. Pp. 298–327.

²¹ Dyson St., Preston T. Individual Characteristics of Political Leaders and the Use of Analogy in Foreign Policy Decision Making // *Political Psychology*. 2006. Vol. 27. Issue 2. Pp. 265–288; Garofano J. Historical Analogies and the Use of Force // *Journal of Cold War Studies*. 2004. Vol. 6. Issue 2. Pp. 64–68; Kamali Y., Jooshani S. S. Reasoning in Foreign Policy Making from the Analogy Perspective: The Case Study of Iran's Nuclear Issue // *Asian Politics & Policy*. 2019. Vol. 11. Issue 2. Pp. 208–226; Kornprobst M. Comparing Apples and Oranges? Leading and Misleading Uses of Historical Analogies // *Millennium*. 2007. Vol. 36. Issue 1. Pp. 29–49; Levy J. S. Learning and foreign policy: sweeping a conceptual minefield // *International Organization*. 1994. Vol. 48. Issue 2. Pp. 279–312; Record J. Making War, Thinking History: Munich, Vietnam and Presidential Use Of Force From Korea to Kosovo. Annapolis: Naval Institute Press. 2002. 201 p.; Samman A. Crisis theory and the historical imagination // *Review of International Political Economy*. 2015. Vol. 22. Issue 5. Pp. 966–995.

²² Houghton D. Spies and Boats and Planes: An Examination of U.S. Decision-Making during the Pueblo Hostage Crisis of 1968 // *Journal of Cold War Studies*. 2015. Vol. 17. Issue 4. Pp. 4–40; Saltzman I. Z. Making war, thinking history: David Ben-Gurion, analogical reasoning and the Suez Crisis // *Israel Affairs*. 2016. Vol. 22. Issue 1. Pp. 45–68; Tierney D. Pearl harbor in reverse: moral analogies in the Cuban missile crisis // *Journal of Cold War Studies*. 2007. Vol. 9. Issue 3. Pp. 49–77.

²³ Houghton D. Historical analogies and the cognitive dimension of domestic policymaking // *Political Psychology*. 1998. Vol. 19. Issue 2. Pp. 279–303.

²⁴ Edwards J.A. Staying the course as world leader: Bill Clinton and the use of historical analogies // *White House Studies*. 2007. Vol. 7. Issue 1. Pp. 53–71; Kaarbo J., Kenealy D. Precedents, parliaments, and foreign policy: historical analogy in the House of Commons vote on Syria // *West European Politics*. 2017. Vol 40. Issue 1. Pp. 62–79; Leira H. Political change and historical analogies // *Global Affairs*. 2017. Vol. 3. Issue 1. Pp. 81–88; Link J. Historische Analogien: Strukturen und Funktionen // *Kulturrevolution. Zeitschrift Für Angewandte Diskurstheorie*. 1991. Vol. 24 Pp. 3–9; Paris R. Kosovo and the Metaphor War // *Political Science Quarterly*. 2002. Vol. 117. Issue 3. Pp. 424–451; Rosenfeld G. D. An American Führer? Nazi Analogies and the Struggle to Explain Donald Trump // *Central European History*. 2019. № 52, Pp. 554–587; Taylor

исторических аналогий, не рассматривавшихся ранее, но и глубже осмыслить их роль в обосновании т. н. «гуманитарных интервенций» и формировании международной повестки дня²⁵.

В начале 2000-х гг. исторические аналогии стали предметом внимания представителей конструктивистских подходов в теории международных отношений. Анализируя роль «уроков прошлого» во внешней политике, М. Расмуссен, Д. Юрглевичуте, Ч. Хеммер и др. авторы последовательно проблематизировали феномены международной субъектности, интересов и идентичностей²⁶.

A., Rourke J. T. Historical Analogies in the Congressional Foreign Policy Process // *The Journal of Politics*. 1995. Vol. 57. Issue 2. Pp. 460–468.

²⁵ Akrivoulis D. E. Metaphors Matter: The Ideological Functions of the Kosovo–Holocaust Analogy // *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*. 2015. Vol. 17. Issue 2. Pp. 222–242; Baines G. Vietnam analogies and metaphors: the cultural codification of South Africa's Border War // *Safundi*. 2012. Vol. 13. Issue 1-2. Pp. 73–90; Bates B. Circulation of the World War II/Holocaust analogy in the 1999 Kosovo intervention: Articulating a vocabulary for international conflict // *Journal of Language and Politics*. 2009. Vol. 8. Issue 1. Pp. 28–51; Bourdon J. Outrageous, inescapable? Debating historical analogies in the coverage of the Israeli–Palestinian conflict // *Discourse & Communication*. 2015. Vol. 9. Issue 4. Pp. 1–16; Davis J. W. Abusing the Holocaust Analogy? // *Security Studies*. 2006. Vol. 15. Issue 4. Pp. 706–712; Desch M. C. The Myth of Abandonment: The Use and Abuse of the Holocaust Analogy // *Security Studies*. 2006. Vol. 15. Issue 1. Pp. 106–145; Droumpouki A. M. Trivialization of World War Two and Shoah in Greece: uses, misuses and analogies in light of the current debt crisis // *Journal of Contemporary European Studies*. 2013. Vol. 21. Issue 2. Pp. 190–201; Finney P. On Memory, Identity and War // *Rethinking History*. 2002. Vol. 6. Issue 1. Pp. 1–13; Fischer N. Palestinian non-violent resistance and the Apartheid Analogy // *Interventions International Journal of Postcolonial Studies*. 2020. Vol. 23. Issue 2. Pp. 2–16; Kirkwood S. History in the service of politics: constructing narratives of history during the European refugee «crisis» // *Political Psychology*. 2019. Vol. 40. Issue 2. Pp. 297–313; Levy D., Sznajder N. Human Rights and Memory. University Park: The Pennsylvania State University Press, 2010. 192 p.; Stein A. Whose memories? Whose victimhood? Contests for the holocaust frame in recent social movement discourse // *Sociological Perspectives*. 1998. Vol. 41. Issue 3. Pp. 519–540.

²⁶ Aydın-Düzgit S. De-Europeanisation through discourse: a critical discourse analysis of AKP's election speeches // *South European Society and Politics*. 2016. Vol. 21. Issue 1. Pp. 45–58; Berrocal M. Constructing threat through quotes and historical analogies in the Czech and the US «Ukraine Discourse» // *Journal of Language and Politics*. 2019. Vol. 18. Issue 6. Pp. 870–892; Cameron E. Securitization, memory and the (historic) debate on Scottish independence / *Memory and Securitization in Contemporary Europe*. London, NY: Palgrave Macmillan. 2018. Pp. 51–75; Dasic M., Nedeljkovic S., Zivojinovic D. Historical analogies in foreign policy decision making: Case of Serbia – U.S. relations after 2000 // *Serbian political thought*. 2018. Vol. 62. Pp. 119–139; Dreyer N. Genocide, Holodomor and Holocaust Discourse as Echo of Historical Injury and as Rhetorical Radicalization in the Russian–Ukrainian Conflict of 2013–18 // *Journal of Genocide Research*. 2018. Vol. 20. Issue 4. Pp. 545–564; Gaufman E. Memory, media, and securitization: Russian media framing of the Ukrainian crisis // *Journal of Soviet and Post-Soviet Politics and Society*. 2015. Vol. 1. Issue 1. Pp. 141–175; Hemmer Ch. Historical Analogies and the Definition of Interests: The Iranian Hostage Crisis and Ronald Reagan's Policy Toward the Hostages in Lebanon // *Political Psychology*. 1999. Vol. 20. Issue 2. Pp. 267–289; Jurgelevičiūtė D. Istorinių analogijų vaidmuo užsienio politikos procese // *Politologija*. 2011. Vol. 62. Issue 2. Pp. 43–73; Jutila M. Securitization, history, and identity: Some conceptual clarifications and examples from politics of Finnish war history // *Nationalities Papers*. 2015. Vol. 43. Issue. 6. Pp. 927–943; Klymenko L. Understanding the Donbas War in Terms of World War II: A Metaphor Analysis of the Armed Conflict in Eastern Ukraine // *Formerly Global Review of Ethnopolitics*. 2020. Vol. 19, Issue 5. Pp. 483–500; Makhortykh M. #NoKievNazi: Social media, historical memory and securitization in the Ukraine crisis / *Memory and Securitization in Contemporary Europe*. London, NY: Palgrave Macmillan. 2018. Pp. 219–247; Makhortykh M. Historical memory and securitisation of the Russian intervention in Syria // *International Politics*. 2020. Vol. 57. Pp. 1063–1081; Rasmussen M. The history of a lesson: Versailles, Munich, and the social construction of the past // *Review of International Studies*. 2003. Vol. 29. Issue 4. Pp. 499–519.

Весомый вклад в изучение исторических аналогий был внесен политическими лингвистами²⁷. В отечественной интеллектуальной традиции включаемые в политические дискурсы параллели с прошлым, как правило, интерпретируются в категориях теории прецедентности («исторические» прецедентные имена и ситуации в материалах российских СМИ изучались М.Н. Крыловой, Е.А. Нахимовой и Д.А. Шевцовой)²⁸. Кроме того, следует упомянуть О.А. Солопову (впервые в российской политической лингвистике использовавшую понятие «историческая метафора»)²⁹ и Е.В. Сергееву, предпринявшую единственную на сегодняшний день попытку проанализировать западные подходы к изучению исторических аналогий³⁰.

Смежным направлением является изучение исторических аналогий в медиадискурсах³¹. К сожалению, российские филологи нечасто обращаются

²⁷ Carpenter R. America's tragic metaphor: Our twentieth-century combatants as frontiersmen // *Quarterly Journal of Speech*. 1990. Vol. 76. Issue 1. Pp. 1–22; Delouis A. When history becomes a metaphor for the present and the future: recent far-right discourse about immigration in the UK [online] // *Lexis*. 2014. Vol. 8: <https://journals.openedition.org/lexis/205>; Hellsten I. Door to Europe or outpost towards Russia? Political metaphors in Finnish EU-journalism // *Journalism at the Crossroads. Perspectives on Research*. Tartu. 1997. Pp. 121–141; Lakoff G. Metaphor and War: The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf // *Peace Research*. 1991. Vol. 23. Pp. 25–32; Zinken J. Ideological imagination: intertextual and correlational metaphors in political discourse // *Discourse & Society*. 2003. Vol. 14. Issue 4. Pp. 507–523; Дулесов Е.П. Милитарная метафора в дискурсе русских националистов начала XX в. / *Язык и литература в научном диалоге*. Ижевск. 2016. С. 24–30.

²⁸ Аблеев С.Р., Кузьминская С.И. Исторические прецедентные феномены как медийный манипулятивный инструмент / *Цивилизационный суверенитет России: проблемы и дискуссии*. М.: ИПЛ, 2017. С. 160–166; Крылова М.Н. «Молчит, как партизан». Прецедентные сравнения из сферы истории // *Русская речь*. 2017. № 6. С. 31–35; Нахимова Е.А. Имена русских царей как прецедентное поле в современных российских СМИ // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2009. № 2. С. 12–19; Нахимова Е.А. Прецедентное имя Керенский в современных отечественных СМИ // *Политическая лингвистика*. 2008. Т. 1. № 24. С. 48–55; Нахимова Е.А. Прецедентное поле «монархии» в отечественных СМИ // *Лингвокультурология*. 2008. № 2. С. 163–171; Нахимова Е.А. Прецедентное поле «Смутное время» в современных СМИ // *Известия Уральского государственного университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры*. 2008. Т. 60. № 24. С. 118–126; Шевцова Д.А. Образы будущего в колумнистике газеты «Московский комсомолец» // *Научный диалог*. 2016. Т. 8. № 56. С. 97–106.

²⁹ Солопова О.А. Лингвополитическая прогностика: сопоставительное исследование моделей будущего России в политических дискурсах России, США и Великобритании XIX в. (1855–1881) и XXI в. (2000–2014): дис. ... доктора филологических наук: 10.02.20. Екатеринбург. 2016; Солопова О.А. Метафорическое моделирование образов прошлого, настоящего и будущего в дискурсе парламентских выборов в России (2003 год) и Великобритании (2001 год): дис. ... канд. филологических наук: 10.02.20. Екатеринбург: 2006; Солопова О.А. Образ будущего в политическом дискурсе // *Политическая лингвистика*. 2006. № 19. С. 210–215; Солопова О.А. Кризис «настоящего» в российском политическом дискурсе // *Политическая лингвистика*. 2007. № 22. С. 67–73.

³⁰ Сергеева Е.В. Исторические аналогии как элемент коммуникации риска в политическом дискурсе / *Историческое сознание и социальная память в условиях конфликта цивилизаций: сборник статей международной научной конференции*. Саратов. 2015. С. 110–116.

³¹ Axelrod R., Forster L. How historical analogies in newspapers of five countries make sense of major events: 9/11, Mumbai and Tahrir Square // *Research in Economics*. 2017. Issue 71. Pp. 8–19; Bennett W.L., Lawrence R.G. News icons and the mainstreaming of social change // *Journal of Communication*. 1995. Vol. 45. Issue 3. Pp. 20–39; Edy J.A. Journalistic uses of collective memory // *Journal of Communication*. 1999. Vol. 49. Issue 2. Pp. 71–85; Edy J.A., Daradanova M. Reporting through the lens of the past: from challenger to Columbia // *Journalism*. 2006. Vol. 7. Issue 2. Pp. 131–151; Kitzinger J. Media templates: patterns of association and the (re)construction of meaning over time // *Media, Culture & Society*. 2000.

к этому явлению, ограничиваясь лишь констатацией факта существования такого инструмента воздействия на общественное мнение³².

Несколько в стороне от магистральных направлений изучения исторических аналогий сформировался небольшой корпус политико-психологических и политико-социологических работ, посвященных воздействию образов прецедентных событий на общественное сознание, включая протестные установки³³. Исследуется и обратная зависимость — например, влияние поколенческой принадлежности на «восприимчивость» к тем или иным историческим аналогиям³⁴.

Отдельно следует рассмотреть блок исследований, выполненных в рамках изучения культуры памяти³⁵. К ним можно отнести оригинальную попытку установить связь между доминирующим «режимом историчности» и спецификой использования исторических аналогий³⁶, а также ряд работ, посвященных формированию конкретных параллелей в историческом сознании³⁷. Так, в

Vol. 22. Issue 1. Pp. 61–84; Lee F.L., Chan J.M., Leung D.K. When a historical analogy fails: Current political events and collective memory contestation in the news // *Memory Studies*. 2019. Vol. 12. Issue 2. Pp. 130–145.

³² Белковский С.В. Использование исторических материалов в современной газетной публицистике [Электронный ресурс] // Медиаскоп. 2013. № 2. Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/node/1368> (дата обращения: 01.12.2021); Болотнова Н.С. Регулятивность в публичном аргументативно-полемиическом медиадискурсе информационно-медийной языковой личности // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016. Т. 7. № 172. С. 138–145; Газизов Р.Р. Манипулятивные технологии региональных СМИ: тенденции и направления развития в политическом дискурсе 2007–2008 гг. // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2009. Т. 151. Кн. 5. Ч. 1. С. 92–98; Дьяченко Д.В. Понятие исторического факта и специфика редакторской работы с ним [Электронный ресурс] // Медиаскоп. 2016. Вып. 3. Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/?q=node/2148> (дата обращения: 01.12.2021); Олешкевич В.В. Журналистский текст и его влияние на адресата (на примере дела «Pussy Riot») // Труды института бизнес-коммуникаций. Т. 9. СПб.: СПбГУПТД. 2021. С. 82–88.

³³ Chayinska M., McGarty C. The Power of Political Déjà Vu: When Collective Action Becomes an Effort to Change the Future by Preventing the Return of the Past // *Political Psychology*. 2021. Vol. 42. Issue 2. Pp. 201–217; Smeekes A., Van Acker K., Verkuyten M., Vanbeselaere N. The legacy of Nazism: Historical analogies and support for the far right // *Social Influence*. 2014. Vol. 9. Issue 4. Pp. 300–317.

³⁴ Schuman H., Scott J. Generations and collective memories // *American Sociological Review*. 1989. Vol. 54. Issue 3. Pp. 359–381; Eyerman R. The past in the present: culture and the transmission of memory // *Acta Sociologica*. 2004. Vol. 47. Issue 2. Pp. 159–169; Schuman H., Rieger C. Historical analogies, generational effects, and attitudes toward war // *American Sociological Review*. 1992. Vol. 57. Pp. 315–326.

³⁵ Собственная школа, изучающая проблематику политического использования прошлого, сформировалась на кафедре истории и теории политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова (А.Ю. Шутов, А.Ю. Бубнов, Д.А. Аникин, А.В. Комплеев и др.). Ее теоретические наработки были положены в основу настоящего исследования.

³⁶ Sangar E. Défendre Duffer's Drift: l'influence de la mémoire collective et du régime d'historicité sur le choix des enseignements historiques en temps de crise [online] // *Temporalités*. URL: <http://journals.openedition.org/temporalites/3085>.

³⁷ Steinberg J. The Copenhagen Complex // *Journal of Contemporary History*. 1966. Vol. 1. Issue 3. Pp. 23–24; Zaslavsky A. The dark forces: Popular analogies in Russian politics // *Demokratizatsiya*. 2001. Vol. 9. Pp. 75–89; Rosenfeld G.D. Who was “Hitler” before Hitler? Historical analogies and the struggle to understand Nazism, 1930–1945 // *Central European History*. 2018. Vol. 51. Issue 2. Pp. 249–281; Новикова А.А. Историческая память о деятелях реставрации Мэйдзи

частности, Я. Зерубавель рассмотрела аналогию с обороной Масады в исторической культуре Израиля³⁸, а Д.А. Аникин и А.В. Гордон проанализировали роль нескольких исторических параллелей в дискурсах предреволюционной России³⁹. К этой же категории работ может быть отнесено монографическое исследование С.Е. Эрлиха, предметно рассмотревшего образ декабристов как историческую аналогию в дискурсах российских оппозиционных сообществ с середины XIX в. до современности⁴⁰.

Проведенный обзор литературы позволяет сделать вывод о том, что несмотря на продолжительную (полувековую) традицию изучения исторических аналогий в политическом дискурсе данное проблемное поле по-прежнему объединено лишь изучаемым предметом, оставаясь глубоко фрагментированным в методологическом плане. Фактическое отсутствие обобщающих исследований не позволяет концептуализировать понятие «исторической аналогии» и соотнести его со смежными терминами.

В качестве дополнительного измерения проблемы может быть выделен тот факт, что подавляющая часть работ в области изучения исторических аналогий (в том числе тексты Я. Верцбергера, Ю.Ф. Хонга и др.) не переводилась на русский язык и де-факто неизвестна в России. В свою очередь, отечественные авторы, хоть и сталкиваются с проблематикой исторических аналогий при изучении эмпирического материала, в методологическом плане, как правило, ограничиваются постановкой исследовательского вопроса. Каких-либо целенаправленных попыток концептуализировать понятие «историческая

(сводный реферат) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература (реферативный журнал). Сер. 9. «Востоковедение и африканистика». 2015. № 1. С. 192–204.

³⁸ Zerubavel Y. Boundaries, bridges, analogies and bubbles: Structuring the past in Israeli mnemonic culture // *Journal of Israeli History*. 2020. Vol. 38. Issue 1. Pp. 5–23; Зерубавель Я. Смерть памяти и память смерти: Масада и Холокост как исторические метафоры / История и коллективная память: сборник статей по еврейской историографии. М.: Гешарим. 2008. С. 193–231.

³⁹ Аникин Д.А. Легитимация политического порядка в предреволюционном обществе и механизмы политики памяти // *Манускрипт*. 2016. Т. 12–2. № 74. С. 19–21. Гордон А.В. Великая французская революция как явление русской культуры (к постановке вопроса) / Исторические этюды о Французской революции. Памяти В.М. Далина (к 95-летию со дня рождения). М.: ИВИ РАН, 1998. С. 219–245.

⁴⁰ Эрлих С.Е. Метафора мятежа: декабристы в политической риторике путинской России. СПб.: Нестор-История, 2009. 272 с.

аналогия» в предметном поле политической науки в русскоязычном сегменте академического дискурса обнаружить не удалось.

Актуальность проблематики изучения исторических аналогий в предметном поле современной политологии, вкупе с дефицитом обобщающих исследований по данному вопросу, обусловили выбор темы, объекта и предмета диссертации.

Объект исследования — исторические аналогии во внутри- и внешнеполитических дискурсах.

Предмет исследования — функциональная роль исторических аналогий в политическом дискурсе.

Цель исследования — выявить закономерности проведения исторических аналогий и особенности их функционирования в разных сегментах внутри- и внешнеполитических дискурсов.

Задачи исследования:

- Концептуализировать понятие «историческая аналогия» в рамках политической науки;
- Осуществить категориальный анализ, соотнеся понятие «историческая аналогия» со смежными терминами из других областей знания с целью вычленить его специфическое содержание;
- Охарактеризовать и рассмотреть методы изучения исторических аналогий в контексте выработки и принятия политических решений;
- Реконструировать и сопоставить подходы к изучению исторических аналогий в контексте политической коммуникации;
- Проанализировать исторические аналогии, включенные в дискурсы президентов России, Грузии и Франции об операции по принуждению Грузии к миру (2008 г.);
- Проанализировать исторические аналогии о «первой волне» пандемии COVID-19 (март-апрель 2019 г.) в дискурсах ведущих американских и российских печатных СМИ.

Обоснование границ исследования. Диссертационное исследование не затрагивает общих вопросов мышления по аналогии, традиционно изучаемых формальной логикой и шире — философией познания. Вне рассмотрения также осталась специфика функционирования исторических аналогий за рамками политических дискурсов, например, в педагогике или исторической науке⁴¹. Кроме того, не освещались случаи институциональных заимствований из прошлого, не опосредованных языком («policy learning»)⁴².

Гипотеза исследования. Исторические аналогии широко представлены в разных сегментах политического дискурса, выполняя ряд различных функций, связанных как с выработкой политических решений, так и с их последующей легитимацией. При этом частота встречаемости исторических аналогий, как и их репертуар, будут зависеть от сегмента дискурса и его прагматики.

Теоретико-методологическая основа исследования.

Методы сбора данных.

Для проведения исследования были сформированы две выборки текстов, одна из которых репрезентирует внешнеполитический, а другая — внутривнутриполитический дискурс.

В первую выборку вошли материалы, размещенные на официальных сайтах президента Российской Федерации (kremlin.ru), президента Французской Республики (elysee.fr) и ежедневном новостном ресурсе «Civil.ge», принадлежащем неправительственной организации «Ассоциация ООН Грузии» за период с 1 августа по 1 октября 2008 г. (данные с официального сайта президента Грузии за указанный период оказались удалены). При необходимости уточнить

⁴¹ См., напр.: Улбутов Д.И., Крот Н.С. Определение исторических аналогий как показатель сформированности исторического мышления старшеклассников // Педагогика и психология образования. 2019. № 1. С. 77–91; Райко Д.Н. Аналогии на уроках истории: от установления подобия к раскрытию закономерностей и освоению социального прогнозирования // Школьные технологии. 2016. № 5. С. 124–128; Myson I. Helping students put shape on the past; systematic use of analogies to accelerate understanding // Teaching History. 2006. Vol. 122. Pp. 26–33; Drie van J., Bostel van C. Historical Reasoning: Towards a Framework for Analyzing Students' Reasoning about the Past // Educational Psychology Review. 2008. Vol. 20. Pp. 87–110; См. Мазур Л.Н. Аналогии исторической метод / Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. М.: Аквилон. 2014. С. 15–16.

⁴² Подробнее см.: Сунгуров А.Ю. Как возникают политические инновации: «фабрики мысли» и другие институты-медиаторы. М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 52–55.

ту или иную интерпретацию привлекались материалы с сайтов МИД России, Госдепартамента США, информационных ресурсов Южной Осетии и т. д.

Вторую выборку сформировали материалы с официальных сайтов ведущих российских («Известия», «Коммерсантъ», «Российская газета» и «Ведомости»)⁴³ и американских («The New-York Times», «The Washington Post» и «The Wall-Street Journal») федеральных газет, посвященные пандемии COVID-19 за период с 1 марта по 30 апреля 2020 г. Кроме того, дополнительно была проанализирована рубрика «Коронавирус в России» на портале «РИА Новости», портал телеканала «Fox News», а также другие источники, позволяющие уточнять контексты употребления каждой исторической аналогии.

Методы анализа информации.

Общую рамку исследования задают концепции «исторической культуры» и «культуры памяти», разрабатывавшиеся, в частности, Л.П. Репиной, что позволяет рассматривать исторические аналогии как один из способов актуализации коллективной памяти в политическом дискурсе.

Теоретическая часть исследования выполнена в русле классической программы герменевтики, предполагающей реконструкцию, описание и критический анализ ранее выработанных подходов к изучению исторических аналогий, установление связей между основными понятиями, выявление «сквозных» исследовательских вопросов.

В свою очередь, эмпирическая часть исследования выполнялась в конструктивистском ключе (конструктивистская позиция в данном случае заключается в том, что «прошлое существует только в тех уроках, которые мы извлекаем из него»)⁴⁴ с опорой на методологический инструментарий «динамического фрейм-анализа» (Д. Яноу и М. ван Хульст),

⁴³ Лидеры рейтингов федеральных газет за март и апрель 2020 г., подготовленного группой компаний «Медиалогия». См.: Федеральные СМИ: март 2020 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/federal/7383/> (дата обращения: 12.09.2021); Федеральные СМИ: апрель 2020 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/federal/7455/> (дата обращения: 12.09.2021).

⁴⁴ Rasmussen M. The history of a lesson: Versailles, Munich, and the social construction of the past // Review of International Studies. 2003. Vol. 29. Issue 4. P. 502.

теорию «конструктивизма правил» (Н. Онуф) и теорию «секьюритизации» (Б. Бузан, О. Уивер и др.).

Научная новизна. Настоящее исследование является первым систематическим изложением теоретических подходов к изучению исторических аналогий в отечественной политической науке, выполненным на диссертационном уровне, намечает новый ракурс в изучении феномена политического использования прошлого.

Диссертантом предложена оригинальная типология подходов к изучению исторических аналогий, уточнена роль «субъекта» аналогии, выделены три типа исторических аналогий, впервые систематизированы функции исторических аналогий в политическом дискурсе.

Осуществлена концептуализация понятия «историческая аналогия» в предметном поле современной политической науки, рассмотрены его отличия от смежных терминов, выработанных в русле психологии, политической лингвистики, культурологии и других дисциплин.

Впервые осуществлена теоретическая реконструкция основных подходов к изучению исторических аналогий, описаны их ключевые понятия и внутренняя структура. Определены границы применимости каждого из этих подходов, выявлены общие проблемные вопросы, позволяющие рассматривать их как единую систему взглядов.

Подробно проанализированы подходы к изучению исторических аналогий в контексте политической коммуникации, обоснована демаркация коммуникативных и дискурсивных подходов, продемонстрирована связь между структурой коллективной памяти сообщества и репертуаром исторических аналогий встречающихся в политических дискурсах.

Разработана и апробирована отечественная методология изучения исторических аналогий во внешнеполитических дискурсах с использованием методологических решений Н. Онуфа. Реконструирован спектр исторических аналогий, использовавшихся в президентских дискурсах России, Грузии и

Франции в период операции по принуждению Грузии к миру и последующего процесса урегулирования, выявлена их функциональная роль.

Подробно рассмотрены особенности использования исторических аналогий в медиадискурсах России и США, построенных вокруг первой волны пандемии COVID-19. Выделены и охарактеризованы основные стратегии оспаривания исторических аналогий.

В рамках диссертационного исследования были получены следующие выводы, **выносимые на защиту**:

1. Историческая аналогия представляет собой *процедуру переноса признаков, характеризующих некую ситуацию (период, явление) в прошлом, на современную ситуацию или гипотетическую ситуацию в будущем, осуществляемую на основании их сходства*. Ее также можно охарактеризовать как один из четырех способов актуализации коллективной памяти в политическом дискурсе — наряду с коммеморацией исторических событий (их означиванием в современном политическом контексте), экстраполяцией исторических тенденций и ретроспективным рассмотрением современных проблем (конструированием нарратива об их предпосылках).

Применительно к анализу политического дискурса представляется целесообразным дополнить структуру аналогии, выработанную в рамках формальной логики, еще одним элементом — *субъектом*, который может быть как *индивидуальным*, так и *коллективным*. Различение исторических аналогий, опирающихся на индивидуальную и на коллективную память, позволяет выделять два уровня их изучения — уровень индивидуального мышления и уровень политической коммуникации.

2. Понятие исторической аналогии вплетено в систему смежных концептов и терминов, выработанных в русле различных дисциплин, однако обладает собственным уникальным содержанием. В отличие от когнитивной метафоры, сфера-источник которой является универсальным концептуальным доменом, исторические аналогии осуществляют перенос признака между пространствами, имеющими конкретные временные и географические координаты. Схожим

фиксируются различия между исторической аналогией и когнитивной «схемой», исторической аналогией и прецедентным феноменом, исторической аналогией и символом.

3. Согласно предложенной автором типологии, помещение исторических аналогий в проблемное поле политической науки осуществляется одним из трех способов, каждый из которых предполагает собственную методологию и отражает стоящую за ней систему взглядов. В рамках *«когнитивных» подходов*, анализирующих дискурс принятия политических решений, историческая аналогия рассматривается как фактор, оказывающий влияние на процесс выработки сценариев и выбора стратегии. Большая часть теоретических наработок, сформулированных в рамках *«когнитивно-нормативного»* подхода, де-факто дублирует выводы о построении аналогий, уже известные из формальной логики. В свою очередь, проблемой *«когнитивно-дескриптивных»* подходов является недостаточная верифицируемость их выводов. Даже подтверждение того, что лицо, принимающее решение, находилось под влиянием исторической аналогии, не дает оснований утверждать, что на него одновременно не оказывали влияния другие, в том числе неизвестные исследователю, обстоятельства.

4. В рамках *коммуникативных подходов*, анализирующих политико-идеологические дискурсы, исторические аналогии рассматриваются как инструмент оказания убеждающего воздействия на оппонента или третьих лиц. В свою очередь, *конструктивистские подходы* акцентируют внимание на роли исторических аналогий как своего рода «языка» описания политической реальности. Поскольку результаты ранее проведенных эмпирических исследований не позволяют однозначно подтвердить способность исторических аналогий влиять на политические установки и стереотипы, более продуктивными, на наш взгляд, оказываются конструктивистские подходы (методологии, разработанные в русле «конструктивизма правил» или теории секьюритизации).

5. Исследование подтвердило, что исторические аналогии включаются во внешнеполитические дискурсы (при том условии, что им свойственна диалогичность) с целью «заимствовать из прошлого» (де-факто — вырабатывать)

новые неформальные правила взаимодействия между политическими акторами в условиях изменившейся международной среды. На рассматривавшемся примере президентских внешнеполитических дискурсов об операции России по принуждению Грузии к миру (2008 г.) установлено, что исторические аналогии являются легитимным и активно используемым способом политической актуализации прошлого, однако их удельный вес в президентских дискурсах различается (наиболее часто к историческим аналогиям прибегал президент Грузии, кроме того, спектр его исторических аналогий был наиболее широк).

Используя параллели с прошлым для символического кодирования самого факта вооруженного противостояния в период проведения операции по принуждению Грузии к миру, признания Россией суверенитета Южной Осетии и Абхазии, а также иных последовавших за этим изменений в системе международных отношений, стороны конфликта сигнализировали формально не вовлеченным в конфликт акторам о своих ожиданиях, равно как и о взятых на себя в одностороннем порядке обязательствах.

Одновременно с тем, в рамках монологических президентских дискурсов, ориентированных на национальную аудиторию, исторические аналогии успешно выполняли функцию секьюритизации, прежде всего способствуя конструированию тех или иных «референтных объектов». В первом случае «сферой-источником» аналогий служила глобальная политическая память (широко известные, во многом деконтекстуализированные, исторические события, такие как «мюнхенский сговор», «холодная война» или террористические атаки 11 сентября), а во втором случае — национальная память соответствующих стран.

6. Сравнительный анализ российского и американского сегментов медиадискурса о первой волне пандемии COVID-19 (2020 г.) продемонстрировал, что включение исторических аналогий в медиадискурс, как правило, осуществляется в целях установления интерпретативного доминирования. Параллели с прошлым оказывают влияние на приоритизацию проблем, формирование образов отдельных акторов и оценку эффективности проводимой ими политики. И в российском, и в американском случаях конструирование образа

первой волны пандемии COVID-19 было осуществлено посредством исторических параллелей с крупными эпидемиями, вооруженными конфликтами и экономическими потрясениями, «репертуары» которых во многом пересекались. При этом обращают на себя внимание количественная диспропорция исторических аналогий (доля которых в американском сегменте медиадискурса оказалась выше) и разная степень критичности по отношению к выводам, полученным посредством исторических аналогий (оказалась выше в российском случае).

В ходе исследования медиадискурса также были выделены четыре стратегии оспаривания исторических аналогий: опровержение релевантности исторической аналогии (через утверждение о несоответствии соотносимых признаков в двух сопоставляемых ситуациях или, реже, через указание на вероятностный характер любого трандуктивного умозаключения); проведение исторической аналогии с опорой на другую «сферу-источник»; пересмотр прецедентного нарратива (критика нарратива о событии, взятом в качестве «сферы-источника», позволяет поставить под сомнение и выводы, полученные посредством проведения аналогии), выведение альтернативных «уроков» (через указание на то, что переносимый признак является не единственным).

Научно-практическая значимость диссертационной работы определяется тем, что ее выводы позволяют усовершенствовать концептуальные подходы к исследованию практик политического использования прошлого. Они создают задел для более всестороннего осмысления роли образов прошлого в политическом дискурсе, свидетельствуют о необходимости изучения разных форм «исторической политики» не только на макро-, но и на микроуровне. Кроме того, результаты исследования пригодны для использования в подготовке актуальных учебных курсов для студентов и аспирантов.

Основные результаты, положения и выводы диссертации опубликованы в 21 научной публикации (общим объемом 10,2 п. л.), размещенных в рецензируемых изданиях, 5 из которых (объемом 3,7 п. л.) входят в перечень журналов,

рекомендованных диссертационным советом МГУ имени М.В. Ломоносова (МГУ.23.04)⁴⁵.

Основные положения исследования были апробированы диссертантом при подготовке рабочей программы дисциплины «Историческая политика современной России», а также в ходе реализации трех исследовательских проектов, выполнявшихся в составе научных коллективов⁴⁶.

Отдельные положения, выносимые на защиту, представлены диссертантом на 6 научно-исследовательских конференциях всероссийского и международного уровней⁴⁷.

Диссертация обсуждена на заседании кафедры истории и теории политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова и рекомендована к защите.

Структура диссертации соответствует цели, задачам и логике исследования и состоит из введения, трех глав, включающих шесть параграфов, заключения и списка литературы из 323 наименований.

⁴⁵ Аникин Д.А., Беклямишев В.О. Исторические аналогии в дискурсе Русской православной церкви Московского патриархата о внутривославном кризисе 2018–2019 гг. // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2023. № 1. С. 3–16; Беклямишев В.О. Исторические аналогии в президентских дискурсах России, Грузии и Франции о Пятидневной войне в августе 2008 года // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2022. № 1. С. 77–92; Беклямишев В.О. К вопросу об изучении исторических аналогий в политическом дискурсе: описание проблемного поля // Вестник Московского университета. Серия 12: «Политические науки». 2021. № 6. С. 92–107; Беклямишев В.О. Вторая мировая война, «испанка» или Чернобыль? Пандемия COVID-19 в зеркале исторических аналогий (по материалам американского и российского медиадискурса) // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 2. С. 84–96. doi.org/10.18384/2224-0209-2020-2-1002; Беклямишев В.О., Буров А.С. Особенности «рассудочно-эмпирического» типа исторического сознания современной молодежи (на примере исторической аналогии между современной Россией и «брежневским» СССР) // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2020. № 2. С. 105–114.

⁴⁶ «Исторические аналогии как фактор восприятия политической реальности в молодежной среде» (РФФИ, ЭИСИ № 19-011-33046); «Конструирование исторической памяти о военных конфликтах в сетевых сообществах: базовые нарративы, типы идентичности, политические риски» (РФФИ № 19-011-00833 А); «Институционально-правовые и дискурсивные основания интерпретации истории в публичном поле. К вопросу о феномене исторической политики» (внутренний конкурс «Проектные научные коллективы Российского государственного гуманитарного университета» в 2021 г.).

⁴⁷ Международная конференция «Вопросы национальной и культурной идентичности в России и Германии: личность, общество и государство в исторической и философской мысли», ФРГ, г. Мюнхен, 27–29 ноября 2019 года; Международная научно-практическая конференция «История современности. Информационные ресурсы, методы и исследовательские практики в России и за рубежом», г. Москва, РГГУ, 28–29 ноября 2019 года; II Всероссийский исторический форум «История, культура и память», г. Ростов-на-Дону, Южный федеральный университет, 4 июня 2021 года; IX Международная научно-практическая школа-конференция молодых ученых «История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды», г. Москва, Институт российской истории РАН, 11–14 октября 2021; Международная научно-практическая конференция «Будущее нашего прошлого–7: историческая память и коммеморативные практики», г. Москва, РГГУ, 25–26 ноября 2021; IV Международная историческая школа Российского исторического общества, г. Екатеринбург, УРФУ, 30 сентября – 4 октября 2022.

Глава 1. Теоретико-методологические основы изучения исторических аналогий в предметном поле политических наук

С середины 1960-х гг. понятие «историческая аналогия» включалось в разные академические дискурсы, а его содержательное наполнение определялось потребностями конкретных исследований. Следствием этого стал методологический плюрализм, преодоление которого является одной из задач настоящего исследования. В первой главе предпринимается попытка выработать рамочное определение термина «историческая аналогия» и типологизировать подходы к изучению стоящего за ним явления.

Выполнение этой задачи было осуществлено в несколько этапов. Во-первых, была проанализирована практика использования термина «историческая аналогия» в научной литературе. Во-вторых, уточнена структура исторической аналогии. В-третьих, предложена типология основных подходов к изучению исторических аналогий, в основу которой положен анализируемый исследователем аспект политической реальности (если историки или лингвисты рассматривают параллели с прошлым как «самодостаточный» предмет, то в рамках политической науки ключевым является вопрос о том, как через посредство изучения исторических аналогий приобретает новое знание о закономерностях мира политики). В-четвертых, обозначены теоретические развилки, с которыми неизбежно сталкивается исследователь при выборе того или иного из выделенных подходов. Наконец, в-пятых, очерчены внешние границы проблемного поля.

Последовательно фиксируя различия между этим данным термином и понятиями, выработанными политической лингвистикой, когнитивной психологией, культурологией и сравнительной политологией, был обоснован «суверенитет» выбранной исследовательской области, отсутствие термина-синонима, полностью описывающего все аспекты рассматриваемого нами предмета.

§ 1.1. Историческая аналогия как предмет политологических исследований: определение, структура, функции⁴⁸

Причины, побуждающие политических акторов обращаться к прошлому в разных коммуникативных ситуациях, крайне многообразны. На макроуровне историческая память может рассматриваться как дискурсивная конструкция, посредством которой в политическую и общественную жизнь вносится ценностное измерение (отсылки к национальной истории придают «высший, непрагматический смысл нашей жизни, конкретным политическим действиям»)⁴⁹. Одновременно с тем, на микроуровне, посредством отсылок к прошлому осуществляется легитимация властных решений, делигитимация оппонентов, точечная мобилизация поддержки и достигаются иные тактические задачи. Также не может игнорироваться и аспект передачи опыта, стремление отыскать в прошлом те или иные исторические «уроки». Все это побуждает нас взглянуть на феномен политического использования прошлого более широко, не сводя его лишь к частным формам «символической политики» или инструментам нациестроительства.

При этом репертуар дискурсивных средств обращения к прошлому весьма ограничен. Он сводится к четырем основным стратегиям, наиболее изученной из которых является *коммеморация*, то есть переозначивание исторического события, персоналии или явления с учетом актуального политического контекста. Вторая стратегия — это *ретроспективное рассмотрение* некой проблемы в ее историческом контексте, конструирование нарратива, в котором наблюдаемому противоречию подыскиваются те или иные исторические «предпосылки» (отметим вскользь, что смещение фокуса на «обусловленность» проблемы некими событиями в прошлом зачастую служит инструментом, позволяющим

⁴⁸ Содержание фрагмента данного параграфа диссертации прошло апробацию в статьях автора: Аникин Д.А., Беклямишев В.О. Исторические аналогии в дискурсе Русской православной церкви Московского патриархата о внутриправославном кризисе 2018–2019 гг. // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2023. № 1. С. 3–16; Беклямишев В.О. К вопросу об изучении исторических аналогий в политическом дискурсе: описание проблемного поля // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2021. № 6. С. 92–107; Беклямишев В.О., Буров А.С. Особенности «рассудочно-эмпирического» типа исторического сознания современной молодежи (на примере исторической аналогии между современной Россией и «брежневским» СССР) // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2020. № 2. С. 105–114.

⁴⁹ Пахалюк К.А. Политика памяти как ценность и дискурс // Новое прошлое. 2020. № 4. С. 234

деперсонализировать ответственность за отказ от ее решения). В-третьих, может быть выделена *экстраполяция* исторических тенденций в будущее — как с целью политического прогнозирования, так и в целях легитимации той или иной политики.

В свою очередь, четвертым способом обращения к прошлому в политическом дискурсе является рассматриваемая нами *историческая аналогия*. Согласно определению, служащему отправной точкой наших рассуждений, аналогия представляет собой «умозаключение, в котором от сходства двух вещей в известном числе свойств мы заключаем к сходству в других свойствах». В формальной логике принято различать строгие и нестрогие аналогии, приводящие к достоверным и вероятностным заключениям соответственно.⁵⁰ К последним могут быть отнесены и рассматриваемые нами исторические аналогии.

С тем, чтобы сформулировать определение понятия «историческая аналогия», был проведен анализ определений, ранее использовавшихся в научной литературе. Его результаты показали, что в большинстве случаев определение «исторической аналогии» дается через перечисление ее функций в политическом дискурсе, поэтому в итоговую таблицу (Таблица 1) вошли не все выявленные дефиниции, а лишь те из них, которые претендуют на номинативность.

Определение	Источник	Область знаний, к которой относится работа
[историческая аналогия и историческая метафора] основаны на предпосылке переноса, которая предполагает разрыв между прошлым и настоящим или будущим, но, по крайней мере, некоторое соответствие между событиями или процессами в два разных момента времени	Vertzberger Y. I. Foreign policy decision-makers as practical-intuitive historians: applied history and its shortcomings // International Studies Quarterly. 1986. Vol. 30. Issue 2. P. 230	Теория международных отношений, политическая психология
Вывод о том, что если два или более события, разделенные во времени, совпадают в одном	Khong Y. Analogies at War: Korea, Munich, Dien Bien Phu, and the Vietnam Decisions of 1965.	История международных отношений

⁵⁰ Челпанов В.Г. Учебник логики. М.: Научная Библиотека. 2010. С. 120–121.

отношении, то они могут совпадать и в другом	Princeton, New York. 1992. Pp. 6–7	
когнитивная операция , которая происходит, когда субъект не только воспринимает сходство между ситуацией 1 и ситуацией 2, но и приходит к выводу, что факторы, которые привели к результату в ситуации 1, также присутствуют в ситуации 2, и что результат, аналогичный наблюдаемому в ситуации 1, вероятно, повторится и в ситуации 2	Houghton D.P. Historical analogies and the cognitive dimension of domestic policymaking // Political Psychology, 1998. Vol. 19, Issue 2. P. 282	Политическая психология
проекция образа прошлого (источник) на образ настоящего или будущего (мишень)	Pehar D. Historical rhetoric and diplomacy - an uneasy cohabitation / Language and Diplomacy. Ed by Kurbalija J., Slavik H. 2001. P. 117	Теория международных отношений; политическая лингвистика
мощный « когнитивный ярлык » (shortcut)	Mintz A., DeRouen K. Understanding Foreign Policy Decision Making. NY. Cambridge University Press. 2010. 103	Теория международных отношений
исторические аналогии не являются причиной принятия политиками решений, но конструируют реальность — придают значение прошлым событиям и текущей внешней политике	Jurgelevičiūtė D. Istorinių analogijų vaidmuo užsienio politikos procese // Politologija. 2011. Vol. 2. Issue 62. P. 51	Теория международных отношений
лингвистическое утверждение, когнитивный процесс или способ аргументации , который сопоставляет два объекта — или набора объектов — чтобы выявить сходство между ними... Историческая аналогия отличается тем, что объекты сравнения являются историческими	Rosenfeld G. D. Who was “Hitler” before Hitler? Historical analogies and the struggle to understand Nazism, 1930–1945 // Central European History. 2018. Vol. 51. Issue 2. P. 352	История
аналогическое рассуждение включает в себя процесс вывода, посредством которого признаки нового явления или текущего события выводятся путем распознавания аналогичных признаков в другом событии. Если это событие является историческим	Kamali Y., Jooshani S. S. Reasoning in Foreign Policy Making from the Analogy Perspective: The Case Study of Iran’s Nuclear Issue // Asian Politics & Policy. 2019. Vol. 11, Issue 2. P. 211	Теория международных отношений

событием, оно рассматривается как «историческая аналогия»		
[историческая] аналогия предполагает деконтекстуализацию ситуации-аналога и ее обобщение, чтобы вывести на передний план модель повторения истории, которая применяется затем к ситуации-цели	Zerubavel Y. Boundaries, bridges, analogies and bubbles: Structuring the past in Israeli mnemonic culture // Journal of Israeli History. 2020. Vol. 38 Issue 1. P. 12	История
историческая аналогия... состоит из двух частей: известного прошлого события и незнакомого текущего события	Banjeglav T., Moll N. Outbreak of war memories? Historical analogies of the 1990s wars in discourses about the coronavirus pandemic in Bosnia and Herzegovina and Croatia // Southeast European and Black Sea Studies. 2021. Vol. 21. Issue 3. P. 354	Сравнительная политология, политическая психология

Таблица 1. Основные определения понятия «историческая аналогия»

Анализ определений позволяет сделать вывод о том, что понятием «историческая аналогия» в литературе обозначается не одно, а несколько различающихся явлений, которые объединяет общая **структура**:

- **«когнитивные» аналогии** — индивидуальные ментальные операции;
- **«стратегические» аналогии** (в терминологии Ф. Тейлора и Дж. Рурка)⁵¹ — речевые акты, оказывающие влияние на третьих лиц, участвующих в обсуждении (или, в контексте массовой коммуникации, — на неограниченно широкую аудиторию);
- **коллективно-разделяемые аналогии** — аналогии между событиями в прошлом и настоящем, «разделяемые на уровне общества, которые могут быть построены с помощью целенаправленной политической риторики об исторической виктимизации некой группы для мобилизации индивидов на защиту будущего своей группы» (для их обозначения

⁵¹ Taylor A., Rourke J. T. Historical Analogies in the Congressional Foreign Policy Process // The Journal of Politics. 1995. Vol. 57. Issue 2. Pp. 460–468.

М. Чаинская и С. Макгартти предложили изящный термин «political déjà vu»⁵².

В формальной логике структура трандуктивного умозаключения описывается как трехчастная⁵³. Любая аналогия включает в себя предпосылки и заключение, находящиеся в определенной связи между собой. Предпосылками аналогии выступают суждения о двух предметах или группах предметов (разделяют, соответственно, «анalogии свойств» и «анalogии отношений»), имеющих не тождественные, а лишь сходные признаки, которые называются «уподобляемыми». Один из предметов называется «сферой-источником», а другой — «сферой-мишенью». Известно, что у сферы-источника есть признак, относительно которого неизвестно, обладает им сфера-мишень или не обладает. Собственно, заключение по аналогии — и есть суждение, в котором утверждается наличие данного признака (он называется «переносимым»).

В структуре исторической аналогии сферой-источником будет являться нарратив о прецедентном явлении, событии или процессе, который содержится в личной памяти индивида или коллективной памяти сообщества. В свою очередь, сферой-мишенью — явление, ситуация или процесс в настоящем или будущем, на которую осуществляется перенос некоего признака. Некоторые авторы дополняют эту структуру четвертым элементом — «уроками», то есть прагматическими выводами, получаемыми в результате установления аналогии⁵⁴. Если с точки зрения формальной логики данный аспект не значим, то для целей нашего исследования он представляет непосредственный интерес.

⁵² Chayinska M., McGarty C. The Power of Political Déjà Vu: When Collective Action Becomes an Effort to Change the Future by Preventing the Return of the Past // Political Psychology. 2021. Vol. 42. Issue 2. P. 203.

⁵³ Иванов Е.А. Логика: учебник. М.: БЕК, 1998. С. 230.

⁵⁴ Экономист А. Самман указывал: «Для того чтобы извлечь урок из прошлого кризиса, необходимо сначала разобраться в причинно-следственных связях этого кризиса. Но для того, чтобы рассказ о кризисе послужил уроком для современных акторов... причинно-следственная цепочка, построенная для прошлого кризиса, должна быть перенесена во время настоящего. Такая транспозиция осуществляется на основе аналогического рассуждения, поскольку очевидное сходство между двумя кризисами позволяет считать “уроки”, извлеченные из одного, применимыми в другом». Samman A. Crisis theory and the historical imagination // Review of International Political Economy. 2015. Vol. 22. Issue 5. P. 982.

Кроме того, на наш взгляд, целесообразно отдельно выделить «субъект» аналогии, который может быть как индивидуальным, так и коллективным. От этого будет зависеть не только тип исторической аналогии («когнитивные» и «стратегические» аналогии устанавливаются индивидуальными субъектами, в то время как коллективно-разделяемые аналогии конституируют коллективный субъект), но и методология ее изучения.

Первая попытка типологизировать подходы к изучению исторических аналогий была предпринята в середине 2000-х гг., когда норвежские политологи А. Брандстрем, Ф. Байнандер и П. Харт разграничили «когнитивное» и «политическое» направления в изучении исторических аналогий⁵⁵. В основу предложенной ими демаркации были положены функции, выполняемые параллелями с прошлым в политическом дискурсе: в первом случае анализировалась роль аналогий в процессе выработки политических решений, во втором случае — в легитимации ранее выбранного курса. Будучи результатом обобщения наблюдений за несколькими случаями принятия внешнеполитических решений в условиях ограниченности во времени, данная типология не учитывала как минимум два блока функций исторических аналогий, связанных с актуализацией политических идентичностей и трансляцией сигналов в целях выработки неформальных правил.

В более поздней типологии, предложенной литовской политологом Д. Юрглевичуте, выделялись «когнитивное», «когнитивно-инструментальное», «инструментальное» и «конструктивистское» направления⁵⁶. Они были разделены на основании функциональной роли, отводимой языку — от вынесения этого вопроса за скобки (инструментальное направление) до акцентирования роли языка в процессе социального конструирования реальности (конструктивистское направление). Не отрицая значимости этой типологии, отметим, что она порождает ложное впечатление, будто бы изучение исторических аналогий выступает для

⁵⁵ Brändström A., Bynander F., Hart P. Governing by Looking Back: Historical Analogies and Crisis Management // Public administration. 2004. Vol. 82. Issue 1. P. 193.

⁵⁶ Jurgelevičiūtė D. Istorinių analogijų vaidmuo užsienio politikos procese // Politologija. 2011. Vol. 2. Issue 62. P. 45.

исследователя самоцелью и может осуществляться в отрыве от анализа политической реальности.

На наш взгляд, наиболее продуктивным основанием для демаркации подходов к изучению исторических аналогий представляется все же **анализируемый исследователем предмет**, то есть тот самый сегмент политической реальности, изучение которого побуждает обращаться к рассмотрению исторических параллелей.

Речь в таком случае может идти о (1) факторах, оказывающих влияние на процесс выработки и принятия политических решений; (2) факторах, способствующих установлению «символического доминирования» в процессе непосредственной или опосредованной коммуникации; (3) процессах конструирования макрополитической идентичности и выработки неформальных правил.

Предлагаемая нами типология, построенная на этом основании, включает в себя три категории подходов:

- **«КОГНИТИВНЫЕ»**, интерпретирующие историческую аналогию как один из способов выработки и принятия политических решений;
- **«КОММУНИКАТИВНЫЕ»**, в которых историческая аналогия рассматривается как способ утверждения актором своего способа интерпретации реальности в качестве доминирующего;
- **«КОНСТРУКТИВИСТСКИЕ»**, в рамках которых исторические аналогии служат инструментом социального конструирования реальности, включая идентичности и интересы самих акторов.

Некоторые из этих категорий объединяют несколько подходов, различающихся как методологически, так и на уровне постановки задач. Например, логические подходы подразделяются на **нормативные** (цель которых — выработка «оптимальных» путей принятия политических решений по аналогии) и **дескриптивные** (оценивающие вклад исторических аналогий в процесс принятия политических решений на практике). Последние, в свою очередь, также могут быть

демаркированы. Часть дескриптивных подходов направлена на выявление исторических аналогий, ставших причиной принятия конкретных политических решений (исследовательский вопрос в данном случае может быть сформулирован, например, так: «Какие исторические аналогии использовались руководством администрации президента Л. Джонсона при принятии решения о наземном вторжении США в Северный Вьетнам?»), а другая — на выявление общих закономерностей при принятии решений по аналогии⁵⁷.

Таким же образом могут быть разделены и конструктивистские подходы — на одном «полюсе» будет располагаться т. н. «история уроков» (в терминологии М. Расмуссена), предполагающая, что идентичность и интересы акторов конструируются посредством исторических аналогий (постструктуралистская оптика), а на другом — подходы, рассматривающие параллели с прошлым как инструмент, посредством которого политические субъекты осуществляют социальное конструирование реальности (см. § 2.2).

Выбор методологического подхода предопределяет интерпретацию исследователем сферы-источника, сферы-мишени и субъекта исторической аналогии. Например, с точки зрения логически-нормативного подхода историческая аналогия представляет собой попытку извлечения «уроков прошлого» на основании «объективных» исторических знаний, поэтому, описывая сферу-источник, Р. Нойштадт и Э. Мэй оперировали понятием «реестр» («некий резервуар исторических данных, отложенных “про запас” в памяти того или иного человека»)⁵⁸. Предполагалось, «что чем больше массив исторических знаний, освоенных политиком, тем лучше он понимает альтернативы, открывающиеся в ходе исторического развития»⁵⁹ (на наш взгляд, это, по меньшей мере, не единственный критерий).

⁵⁷ Kamali Y., Jooshani S. S. Reasoning in Foreign Policy Making from the Analogy Perspective: The Case Study of Iran's Nuclear Issue // Asian Politics & Policy. 2019. Vol. 11. Issue 2. P. 210.

⁵⁸ Нойштадт Р., Мэй Э. Современные размышления о пользе истории для тех, кто принимает решения. М.: «Ad Marginem», 1999. С. 297.

⁵⁹ Там же.

В рамках «когнитивно-дескриптивных» подходов сфера-источник будет рассматриваться уже как «феноменологическая история, то есть субъективное восприятие и понимание событий прошлого»⁶⁰. Этот отказ от позитивистского толкования исторических фактов не означает одновременного отказа от признания эвристической полезности исторических параллелей — их прогностическому потенциалу находится альтернативное объяснение: «Те, кто верит, что история повторяется, будут стремиться повторить прошлое, усваивая уроки истории и переживая их заново. Это создает впечатление, что история действительно повторяется, побуждая все больше людей поступать так же»⁶¹.

Если исследователи-«когнитивисты» просто не отрицают обратного влияния сферы-мишени на сферу-источник («трудно сказать, насколько интерпретация Америкой своего вмешательства в Первую мировую войну повлияла на межвоенную внешнюю политику и насколько изоляционизм той эпохи повлиял на историю войны»),⁶² при этом вынося его за скобки, то конструктивистская позиция акцентирует и проблематизирует это влияние. По справедливому замечанию М. Расмуссена, «прошлое было не менее сложным, чем настоящее», однако оно «упрощается» дискурсивно, так как «путем конструирования простого прошлого мы упрощаем настоящее и тем самым создаем императив действовать определенным образом»⁶³.

Интерпретация сферы-мишени также зависит от выбранного исследователем ракурса. Первоначально, в рамках «нормативного» подхода, под ней понималась некая проблемная ситуация, сведений о которой недостаточно (или же они противоречат друг другу), что побуждает лицо, принимающее решение, проводить параллель с прошлым в целях «когнитивной экономии». Дальнейшие исследования показали, что сферой-мишенью могут являться не только проблемные ситуации, но

⁶⁰ Vertzberger Y. I. Foreign policy decision-makers as practical-intuitive historians: applied history and its shortcomings // *International Studies Quarterly*. 1986. Vol. 30. Issue 2. P. 223.

⁶¹ *Op. cit.* P. 243.

⁶² Jervis R. *Perception and misperception in international politics*. NJ: Princeton University Press. 1976. P. 225.

⁶³ Rasmussen M. The history of a lesson: Versailles, Munich, and the social construction of the past // *Review of International Studies*. 2003. Vol. 29. Issue 4. P. 502.

и отдельные акторы⁶⁴, причем как индивидуальные, так и коллективные, по отношению к которым таким образом вырабатываются определенные установки. Например, историческая аналогия с «крестоносцами» в польском медиадискурсе конструирует стереотипно окрашенный образ «немцев»⁶⁵, а в турецком — маркирует цивилизационный конфликт по линии «Восток – Запад»⁶⁶.

В конструктивистской оптике исторические аналогии не просто структурируют сферу-мишень, а помогают акторам переопределять свои интересы⁶⁷. В период с августа 1985 г. по ноябрь 1986 г. администрация Р. Рейгана при посредничестве Израиля осуществила сделку с Ираном, организовав тайные поставки оружия в обмен на освобождение нескольких заложников, ранее захваченных в Ливане. Поскольку эти шаги противоречили публично заявленной политике по сдерживанию Ирана путем ограничения его доступа к международному рынку оружия, их раскрытие привело к крупному внутривластному скандалу («Иран-контрас»). По мнению Ч. Хеммера, проанализировавшего процесс выработки этого решения (поступиться внешнеполитическими приоритетами ради освобождения заложников) в ближнем кругу президента, «Рейган определял свой президентский курс через противопоставление тому, что он считал слабостями администрации Картера», поэтому активно извлекал уроки из предыдущего иранского кризиса с заложниками 1979–1981 гг. и «не желал признавать, что он может оказаться таким же слабым, каким оказался Картер»⁶⁸. Из этого следует вывод, что «аналогия с проблемами Картера во время кризиса с заложниками не помогла Рейгану «решить проблему» освобождения заложников; а вместо этого сделала решение данной конкретной проблемы главной целью президента»⁶⁹.

⁶⁴ Spellman B.A., Holyoak K. J. If Saddam's Hitler then who is George Bush? Analogical mapping between systems of social roles // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1992. Vol. 62. Issue 6. Pp. 914–915.

⁶⁵ Zinken J. Ideological imagination: intertextual and correlational metaphors in political discourse // *Discourse & Society*. 2003. Vol. 14. Issue 4. P. 516.

⁶⁶ Aydın-Düzgit S. De-Europeanisation through discourse: a critical discourse analysis of AKP's election speeches // *South European Society and Politics*. 2016. Vol. 21. Issue 1. P. 54.

⁶⁷ Hemmer Ch. Historical analogies and the definition of interests: the Iranian hostage crisis and Ronald Reagan's policy toward the hostages in Lebanon // *Political Psychology*, 1999. Vol. 20. Issue. 2. P. 270.

⁶⁸ Op. cit. P. P. 285.

⁶⁹ Op. cit. P. 270.

Ключевым элементом исторической аналогии, как отмечалось ранее, является процесс переноса признака, заключение или «проекция». В зависимости от выбранного методологического подхода он может рассматриваться и как индивидуальная ментальная операция, и как коммуникативный акт, и даже как совокупность единообразных ментальных операций, обусловленных считыванием группой лиц одного и того же «мнемонического триггера» (термин Я. Зерубавель). Если с позиции «когнитивных» и коммуникативных подходов (объединенных презумпцией методологического индивидуализма) проекция дискретна (историческая аналогия проводится в конкретном ситуативном или коммуникативном контексте), то с точки зрения сторонников постструктуралистских подходов аналогия оказывает воздействие непрерывно, определяя идентичность и интересы акторов на большом временном горизонте.

К теоретическим развилкам может быть отнесен и вопрос об интерпретации субъекта исторической аналогии. На практике индивидуальный уровень и уровень социальных групп не могут рассматриваться в отрыве друг от друга, поскольку исторические аналогии проводятся (и воспринимаются) отдельными людьми, но при этом вырабатываются в пространстве многоуровневой коммуникации, где зачастую сложно установить субъект-объектные отношения.

Столкнувшись с этим противоречием, Р. Нойштадт и Э. Мэй подчеркивали, что их методы «годятся как для отдельных людей, так и для организаций»⁷⁰. Однако отказ от принципа методологического индивидуализма требует автоматического отказа и от психологических подходов, чего, как правило, на деле не происходит. Многие исследователи пытаются анализировать и индивидуальный, и коллективный уровни принятия решений одновременно, используя при этом один и тот же методологический инструментарий. На это направлена конструктивистская критика. «Если вы согласитесь... что уроки прошлого формируют мировоззрение всей президентской администрации, — подчеркивал М. Расмуссен, — то они не могут больше рассматриваться как зависящие от

⁷⁰ Нойштадт Р., Мэй Э. Современные размышления о пользе истории для тех, кто принимает решения. М.: «Ad Marginem», 1999. С. 326.

конкретных лиц... “Официальный разум” существует в условиях, радикально отличающихся от условий существования индивидуального разума... когнитивная психология не может объяснить действия государства»⁷¹. Иными словами, по мнению Расмуссена, изучать историческую аналогию с конструктивистских позиций — значит проблематизировать ее субъект.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает прагматический аспект исторических аналогий. Попытки систематизировать их функции предпринимались неоднократно, однако речь, как правило, шла о систематизации функций в рамках одного или, реже, двух смежных подходов. Например, Ю.Ф. Хонг, рассматривавший только «когнитивные» аналогии, указывал, что они позволяют политику, столкнувшемуся с неизвестной ситуацией, определить ее сущность, ставки каждой из сторон конфликта, возможные способы действий, варианты развития событий, моральную правоту собственной позиции и потенциальные риски⁷². В свою очередь, А. Брандстрем, Ф. Байнандер и П. Харт, попытавшиеся осуществить синтез когнитивного и инструментального подходов, дополнили перечень Кхонга функциями целенаправленного воздействия на аудиторию (Таблица 2).

Функция	Механизм и способ воздействия	Индикаторы
1. «Фильтр»	Механизм: спонтанный; когнитивный. Воздействие: предоставление исторического «сценария», который помогает тем, кто принимает решения, разобраться с текущим кризисом (проблемой)	Наличие совместно выработанных исторических ссылок в причинно-следственных рассуждениях политиков, высказанных в процессе дискуссии
2. «Учитель»	Механизм: целенаправленный; когнитивный или инструментальный (в зависимости от площадки и аудитории). Воздействие: предоставление исторического «сценария» как руководящих принципов, определяющих, как надлежит действовать в предполагаемой ситуации	Наличие конкретных исторических ссылок в заявлениях о целях (в процессе обсуждения и / или в стандартных рабочих процедурах исполнительных органов)

⁷¹ Rasmussen M. The history of a lesson: Versailles, Munich, and the social construction of the past // Review of International Studies. 2003. Vol. 29. Issue 4. P. 503.

⁷² Khong Y. Analogies at War: Korea, Munich, Dien Bien Phu, and the Vietnam Decisions of 1965. NJ: Princeton University Press. 1992. P. 10.

3. «Тюрьма»	Механизм: спонтанный; когнитивный или инструментальный. Влияние: фреймирование, т. е. преждевременное сужение спектра вариантов способа действия	Непропорционально частое повторение и / или ее чрезмерно обобщенное употребление
4. «Слепое пятно»	Механизм: спонтанный или целенаправленный; когнитивный. Влияние: дискурсивное ограничение: «забытые» аналогии, вынесенные политическими акторами «за скобки»	Заметное (очевидное) отсутствие в обсуждениях и текстах политиков конкретных аналогий (это предполагает, что аналитик знает о возможных альтернативных аналогиях)
5. «Оружие»	Механизм: целенаправленный; инструментальный. Влияние: средство политического убеждения, воздействия и легитимации, которое акторы используют во время взаимодействия с другими сторонами в процессе принятия решений	Стратегически используется при общении с восприимчивой аудиторией и избегается на других площадках (или представляется другим аудиториям только когда санкционировано критической массой большинства)
6. «Травма»	Механизм: спонтанный; когнитивный / эмоциональный. Влияние: ссылки на крайне острые эпизоды в прошлом, которые являются «оголенным нервом» в памяти сообщества и лиц, принимающих решения. При активации в настоящем они повышают уровень стресса и могут затмить многие другие соображения	Широкое использование высоко эмоционального языка и символических актов. Озабоченность наихудшими сценариями и моральными проблемами

Таблица 2. «Когнитивные» и «когнитивно-инструментальные» функции исторических аналогий⁷³

На наш взгляд, основным изъяном данной типологии — помимо неполноты — является отказ от разделения на функции и эффекты исторических аналогий. Под функциями мы подразумеваем те случаи, когда субъект, проводящий аналогию, действует целерационально, ожидая получить некий заранее спланированный результат. В свою очередь, «эффект» будет означать, что историческая аналогия оказывает воздействие подспудно. Добавим, что в некоторых случаях эффект может являться обратной стороной функции. Например, при «стратегическом» использовании аналогии она будет выполнять убеждающую

⁷³ Brändström A., Bynander F., Hart P. Governing by Looking Back: Historical Analogies and Crisis Management // Public administration. 2004. Vol. 82. Issue 1. P. 194.

функцию («оружие», в терминологии А. Брандстрем, Ф. Байнандера и П. Харта), одновременно оказывая эффект на тех, на кого направлена («тюрьма»).

Опираясь на ранее разработанную типологию подходов к изучению исторических аналогий, мы полагаем возможным существенно расширить перечень их функций и эффектов. Они могут быть разделены на четыре категории: «когнитивные», «эмотивные», «убеждающие» и «конструктивистские». К «когнитивным» следует отнести познавательную функцию, ограничивающий эффект, прогностическую функцию, проективную функцию и функцию проверки гипотез. К «эмотивным» — оценочную и терапевтическую функции. К «убеждающим» — фреймирующую, (де)легитимирующую и мобилизующую функции. К «конструктивистским» — функцию укрепления идентичности, функцию создания «темпорального пузыря», эффект определения целей / интересов и функцию выработки международных правил. Каждая из этих функций может оказывать влияние самостоятельно или же, в зависимости от ситуации, они могут дополнять друг друга.

Подробное описание выделяемых нами функций и эффектов исторических аналогий в политическом дискурсе содержится в Таблице 3.

Категория	Функция / эффект	Механизм
«Когнитивные»	Познавательная функция	Историческая аналогия помогает определить сущность неизвестной ситуации (акторов, причинно-следственные механизмы, ставки каждой из сторон конфликта и т. д.) ⁷⁴
	Ограничивающий эффект (соответствует функции фреймирования)	Проведение аналогии ограничивает восприятие неизвестной ситуации, не позволяя взглянуть на нее под другим углом, выбрать другие варианты действий ⁷⁵

⁷⁴ Khong Y. Analogies at War: Korea, Munich, Dien Bien Phu, and the Vietnam Decisions of 1965. NJ: Princeton University Press. 1992. P. 10.

⁷⁵ Brändström A., Bynander F., Hart P. Governing by Looking Back: Historical Analogies and Crisis Management // Public administration. 2004. Vol. 82. Issue 1. P. 194.

	Прогностическая функция	Аналогия позволяет прогнозировать развитие ситуации, предоставляя лицу, принимающему решение, «дорожную карту» ⁷⁶
	Проективная функция	Аналогия предлагает актору различные «рецепты» (варианты решений) и позволяет сравнить их позитивные и негативные последствия ⁷⁷
	Функция проверки гипотез	«Уроки», извлеченные из исторической аналогии, можно использовать для проверки объективности иных гипотез и выводов о неизвестной ситуации ⁷⁸
Эмотивные	Оценочная функция / эффект	Аналогия позволяет этически атрибутировать акторов ⁷⁹ или конкретные способы действия ⁸⁰
	Терапевтическая функция / эффект	Аналогия позволяет снизить уровень неопределенности, показав, что ситуация не является исключительной, ⁸¹ снять субъективную ответственность лица, принимающего решение ⁸²
Убеждающие	Фреймирующая функция	Аналогия позволяет участвовать в борьбе за «интерпретационное доминирование», навязывая свое видение реальности в качестве «объективного» ⁸³
	(Де)легитимирующая функция	Аналогия позволяет придать тем или иным действиям легитимность (либо, напротив, делегитимировать их), ⁸⁴ (де)легитимировать политические институты ⁸⁵
	Мобилизующая функция	Использование аналогии может способствовать мобилизации при осуществлении коллективных действий ⁸⁶

⁷⁶ Hemmer Ch. Historical analogies and the definition of interests: the Iranian hostage crisis and Ronald Reagan's policy toward the hostages in Lebanon // *Political Psychology*. 1999. Vol. 20. Issue. 2. P. 268.

⁷⁷ Khong Y. Op. cit. P. 10

⁷⁸ Vertzberger Y. I. Foreign policy decision-makers as practical-intuitive historians: applied history and its shortcomings // *International Studies Quarterly*. 1986. Vol. 30. Issue 2. P. 226.

⁷⁹ Spellman B.A., Holyoak K. J. If Saddam's Hitler then who is George Bush? Analogical mapping between systems of social roles // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1992. Vol. 62. Issue 6. P. 924.

⁸⁰ Tierney D. Pearl harbor in reverse: moral analogies in the Cuban missile crisis // *Journal of Cold War Studies*. 2007. Vol. 9. Issue 3. P. 49.

⁸¹ Angström J. Mapping the competing historical analogies of the war on terrorism the Bush presidency // *International Relations*. 2011. Vol. 25 Issue 2. Pp. 224–242.

⁸² Vertzberger Y. I. Op. cit. P. 227.

⁸³ Paris R. Kosovo and the Metaphor War // *Political Science Quarterly*. 2002. Vol. 117. Issue 3. P. 425.

⁸⁴ Vertzberger Y. I. Op. cit. P. 229

⁸⁵ Smeekes A., Van Acker K., Verkuyten M., Vanbeselaere N. The legacy of Nazism: Historical analogies and support for the far right // *Social Influence*. 2014. Vol. 9. Issue 4. P. 301.

⁸⁶ Chayinska M., McGarty C. The Power of Political Déjà Vu: When Collective Action Becomes an Effort to Change the Future by Preventing the Return of the Past // *Political Psychology*. 2021. Vol. 42. Issue 2. P. 202.

Конструктивистские	Эффект укрепления идентичности	Регулярное использование аналогии может способствовать укреплению идентичности ⁸⁷ формировать субъектность акторов ⁸⁸
	Функция создания «темпорального пузыря»	Использование исторической аналогии позволяет создать «квазионтологию», в рамках которой сторонам, разделяющим принципиально различные точки зрения на современную ситуацию, будет комфортнее поддерживать диалог ⁸⁹
	Эффект определения целей / интересов	Аналогия может сконцентрировать внимание на том или ином аспекте ситуации, побудив рассматривать решение этой проблемы в качестве цели ⁹⁰
	Функция выработки международных правил	Историческая аналогия может способствовать извлечению из прошлого определенного набора правил ⁹¹

Таблица 3. Функции исторических аналогий в политическом дискурсе

Резюмируя, следует отметить, что существуют по меньшей мере четыре формы обращения к прошлому в политическом дискурсе. В первую очередь, это конструирование нарративов о тех или иных исторических событиях, их *коммеморация*, то есть означивание в современном контексте. Во-вторых, это помещение тех или иных современных проблем в их исторический контекст, конструирование нарратива, в котором наблюдаемой проблеме соответствуют те или иные исторические предпосылки (что, помимо прочего, позволяет ставить или, наоборот, снимать с повестки дня вопросы о вине и ответственности). В-третьих, отдельно может быть выделена экстраполяция исторических тенденций, в том числе, с целью политического прогнозирования (обширная критика данного метода заслуживает отдельного рассмотрения).

⁸⁷ Hemmer Ch. Historical analogies and the definition of interests: the Iranian hostage crisis and Ronald Reagan's policy toward the hostages in Lebanon // *Political Psychology*. 1999. Vol. 20, Issue. 2. P. 270.

⁸⁸ Rasmussen M. The history of a lesson: Versailles, Munich, and the social construction of the past // *Review of International Studies*. 2003. Vol. 29. Issue 4. P. 516.

⁸⁹ Mallard G. From Europe's past to the Middle East's future: The constitutive purpose of forward analogies in international security // *American Journal of Cultural Sociology*. 2018. Vol. 6. Issue 3. P. 538.

⁹⁰ Hemmer Ch. Op. cit. P. 270.

⁹¹ Jurgelevičiūtė D. Istorinių analogijų vaidmuo užsienio politikos procese // *Politologija*. 2011. Vol. 2. Issue 62. Pp. 43–73.

В свою очередь, непосредственный интерес для нас представляет четвертый метод обращения к прошлому в политическом дискурсе — историческая аналогия. Многочисленные определения этого понятия, выявленные в исследовательской литературе по политическим наукам, противоречат друг другу, что, с одной стороны, сигнализирует о наличии нескольких стратегий изучения аналогий и путей их концептуализации, а с другой стороны — побуждает нас заимствовать рамочное определение из смежной области — формальной логики. Таким образом, на наш взгляд, историческая аналогия представляет собой процедуру переноса признаков, характеризующих некую ситуацию в прошлом, на современную ситуацию или гипотетическую ситуацию в будущем, осуществляемую на основании их сходства.

Интерпретируя аналогию как перенос признака, мы оказываемся перед необходимостью ответить на возникающие в этой связи вопросы: кто и с какой целью осуществляет этот перенос? Поставленные вопросы подводят нас к понятию субъекта аналогии. Это может быть отдельный человек, обращающийся к своей личной памяти или историческим знаниям с целью принятия решения (когнитивная аналогия), или его легитимации задним числом в контексте публичной коммуникации (стратегическая аналогия). Однако, если одна и та же аналогия устойчиво воспроизводится в дискурсе, оказывая существенное влияние на политическое восприятие некой социальной группы, в том числе побуждая ее к коллективным действиям (коллективно-разделяемая аналогия), то справедливым будет предположить, что для анализа данных случаев требуются разные методологические подходы.

На наш взгляд, наиболее продуктивным основанием для демаркации этих подходов представляется анализируемый исследователем предмет, то есть тот самый сегмент политической реальности, изучение которого побуждает обращаться к рассмотрению исторических параллелей. В таком случае можно выделить «когнитивные» подходы, интерпретирующие историческую аналогию как один из способов выработки и принятия политических решений, «коммуникативные» подходы, в которых историческая аналогия рассматривается

как способ утверждения актором своего способа интерпретации реальности в качестве доминирующего, и «конструктивистские» подходы, в рамках которых исторические аналогии служат инструментом социального конструирования реальности, включая идентичности и интересы самих акторов (подробная реконструкция этих подходов осуществлена в Главе 2).

Наконец, особый интерес для нас представляет вопрос о функциях исторических аналогий в политическом дискурсе. Обобщив результаты ранее проведенных исследований, мы выделили четыре блока таких функций: «когнитивные», «эмотивные», «убеждающие» и «конструктивистские» (дальнейшая разработка данного вопроса на конкретном эмпирическом материале осуществляется в Главе 3).

§ 1.2. Понятие «исторической аналогии»: категориальный анализ⁹²

Периодически сталкиваясь с историческими аналогиями при анализе эмпирического материала, представители разных дисциплин стремятся описывать эти явления в понятийных категориях, принятых в соответствующих областях знания. Поскольку различения «когнитивных», «стратегических» и коллективно-разделяемых аналогий при этом, как правило, не проводится, складывается ситуация, в которой одновременно сосуществует целый ряд терминов, используемых как синонимы понятия «историческая аналогия», но при этом имеющих разный объем и содержание.

В политико-лингвистических исследованиях фигурирует понятие «историческая метафора», в рамках лингвокультурологии его соотносят с понятием «прецедентный феномен», а в когнитивной психологии — со «схемой». Следует упомянуть также термины «символ», «символический мост», «нарративный шаблон» и другие, в разное время использовавшиеся для обозначения рассматриваемого нами явления. Ставя знак равенства между исторической аналогией и одним из этих синонимов, мы неоправданно сужаем или

⁹² Содержание фрагмента данного параграфа диссертации прошло апробацию в статье автора: Беклямишев В.О. К вопросу об изучении исторических аналогий в политическом дискурсе: описание проблемного поля // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2021. № 6. С. 92–107.

расширяем его, поэтому, прежде чем перейти к теоретической реконструкции основных подходов к изучению исторических аналогий, следует разметить границы самого этого понятия.

Для этого все «синонимичные» термины, встреченные в исследовательской литературе, были соотнесены с тремя типами исторической аналогии — «когнитивным» (ментальной операции), «стратегическим» (речевой акт) и коллективно-разделяемым (дискурсивная конструкция). Полученные результаты представлены в Таблице 4.

Термин-«синоним»	Область знания	Тип исторической аналогии
«Историческая метафора»	Когнитивная лингвистика	«Когнитивный», «стратегический»
«Когнитивная схема»	Когнитивная психология	«Когнитивный»
«Опыт»	Сравнительная политология, теория международных отношений	«Когнитивный»
Прецедентный феномен	Лингвокультурология	«Стратегический»
«Символ»	Семиотический дискурс-анализ	«Стратегический»
«Символический мост»	Культурология	Коллективно-разделяемый
«Нарративный шаблон»	Культурология, социальная психология	Коллективно-разделяемый

Таблица 4. Сопоставление «синонимических» понятий с типами исторических аналогий

1.2.1. Историческая метафора

Понятие «историческая метафора» является скорее омонимом, чем синонимом исторической аналогии. Его распространение в середине 1980-х гг. было обусловлено повышенным интересом к когнитивной теории метафоры, изложенной Дж. Лакоффом и М. Джонсоном в их совместной работе «Метафоры, которыми мы живем»⁹³. В их типологии когнитивных метафор упоминаются и т. н.

⁹³ Артамонова Ю.Д., Демчук А.Л. Когнитивная теория метафоры в современной российской политологии: Методологические проблемы // Политическая наука. 2017. № 2. С. 17.

«структурные метафоры», то есть «те случаи, когда один концепт метафорически структурирован в терминах другого»⁹⁴.

В то время как сам Дж. Лакофф предпочитал разделять исторические аналогии и когнитивные метафоры⁹⁵, многие лингвисты и социальные психологи, обращавшиеся к изучению исторических аналогий как инструменту убеждающей коммуникации, не делали различия между ними⁹⁶. Так же рассуждали и некоторые другие авторы, например К. Шимко, подчеркивавший, что «в чисто когнитивном смысле разница между аналогиями и метафорами очень мала... как метафоры, так и аналогии являются инструментами понимания, формами “ментальной экономии”, которые используют сравнение, чтобы сделать незнакомое знакомым»⁹⁷.

Вместе с тем большинство авторов все же различают эти понятия.

Во-первых, в своих более поздних работах Дж. Лакофф особо подчеркивал, что сферу-источник структурной метафоры задает «телесный опыт индивида», а не «абстрактные концептуальные структуры» (к которым относятся культурный опыт и коллективная память)⁹⁸.

Во-вторых, у исторической аналогии как сфера-источник, так и сфера-мишень принадлежат одному домену («within-domain»), тогда как структурная метафора предполагает проекцию между различными концептуальными доменами («between-domain»)⁹⁹.

В-третьих, структурные метафоры обращаются к сфере-источнику, которая находится «вне времени и пространства», тогда как исторические аналогии — это отношения между пространствами, имеющими указанные («deictic») координаты¹⁰⁰.

⁹⁴ Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004. С. 35.

⁹⁵ Lakoff G. Metaphor and War: The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf // Peace Research. 1991. Vol. 23. Pp. 25–32.

⁹⁶ См. напр.: Paris R. Kosovo and the Metaphor War // Political Science Quarterly. 2002. Vol. 117. № 3. P. 424–451.

⁹⁷ Shimko K. L. Metaphors and Foreign Policy Decision Making // Political Psychology. 1994. Vol. 15. Issue 4 P. 660.

⁹⁸ Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind. Press Chicago, London: The University of Chicago. 1987. P. 268.

⁹⁹ Ghilani D., Luminet O., Flassbeck C., etc. Looking forward to the past: An interdisciplinary discussion on the use of historical analogies and their effects // Memory Studies. Vol. 10. 2017. P. 275.

¹⁰⁰ Chilton P. Analysing political discourse: theory and practice. London & NY. 2004. P. 149.

В-четвертых, метафоры в первую очередь структурируют проблему, тогда как аналогии «предоставляют более конкретную информацию», позволяющую делать выводы, «которые используются при решении проблем»¹⁰¹. Другими словами, метафорическое рассуждение используется для постановки проблемы, но не для решения проблемы. Например, «полунасмешливые, полусерьезные упоминания Ельцина о себе как о "царе Борисе Первом", намекающие на образ Петра Первого, не преподают никаких уроков», а следовательно, не могут рассматриваться в качестве исторических аналогий¹⁰².

Следует добавить, что граница между историческими аналогиями и метафорами очень проницаема. Со временем, при непрерывном использовании, некоторые исторические аналогии могут приобретать черты структурных метафор¹⁰³. Например, употребляющие такие обороты как, например, «тroyанский конь» или «пороховой погреб Европы», могут попросту «не осознавать, что проводят аналогию»¹⁰⁴.

1.2.2. Когнитивная схема

Теория схем («scripts») была разработана в 1920–1930-е гг. психологом Ф.К. Бартлеттом, который определял их как «структуру знаний, организованную на основе опыта и определяющую интерпретацию новой поступающей информации»¹⁰⁵. В 1970-х данный подход был развит и популяризирован Р. Шанком и Р. Абельсоном¹⁰⁶, основная идея которых заключалась в том, что людям свойственно сопоставлять новые ситуации со «структурами знаний», хранящимися в индивидуальной памяти. Предполагалось, что приобретенное

¹⁰¹ Kamali Y., Jooshani S. S. Reasoning in Foreign Policy Making from the Analogy Perspective: The Case Study of Iran's Nuclear Issue // Asian Politics & Policy. 2019. Vol. 11. Issue 2. P. 211.

¹⁰² Zaslavsky A. The dark forces: Popular analogies in Russian politics // Demokratizatsiya. 2001. Vol 9. P. 77.

¹⁰³ Hellsten I. Door to Europe or outpost towards Russia? Political metaphors in Finnish EU-journalism / Journalism at the Crossroads. Perspectives on Research. Tartu. 1997. P. 124.

¹⁰⁴ Vertzberger Y. I. Foreign policy decision-makers as practical-intuitive historians: applied history and its shortcomings // International Studies Quarterly. 1986. Vol. 30. Issue 2. P. 239.

¹⁰⁵ Подробнее см.: Wagoner B. Bartlett's concept of schema in reconstruction // Theory & Psychology. 2013. Vol. 23. Issue 5. Pp. 553-575.

¹⁰⁶ Подробнее см.: Abelson R.P. Script processing in attitude information and decision-making / Cognition and social behavior. Hillsdale, NJ: Erlbaum. 1976.

таким образом «понимание» новой ситуации является основой для последующего выбора линии поведения¹⁰⁷.

В 1981 г. стэнфордский социальный психолог Т. Гилович впервые предпринял попытку соотнести рассматриваемые им исторические аналогии и теорию «схем»¹⁰⁸. Со временем интерпретация «когнитивной» исторической аналогии как «схемы» укоренилась в литературе — например, политолог К. Шимко уже ставил знак равенства между аналогиями, «схемами» и «сценариями»¹⁰⁹. Эта позиция разделялась и социальным психологом Я. Верцбергером, который выделял два вида схем: «действующие лица», которые представляют собой когнитивные структуры, воплощающие личностные характеристики и типичное поведение конкретных «стандартных персонажей», таких как Гитлер, Чемберлен, Чингисхан, и «сценарии», представляющие собой «гипотетические когнитивные структуры, которые при активации организуют понимание новых ситуаций, основываясь на предшествующих событиях»¹¹⁰.

Хотя понимаемая таким образом схема действительно схожа с исторической аналогией, по мнению Ю.Ф. Хонга, принципиальная разница между двумя понятиями состоит в том, что «аналогия специфична и конкретна, а схема абстрактна и универсальна»¹¹¹. Так, например, «если бы Трумэн рассуждал, что неспособность остановить Северную Корею будет иметь те же последствия, что и вторжение Японии в Маньчжурию, он рассуждал бы по аналогии. Если бы он абстрагировался от специфики Маньчжурии, чтобы сформировать аксиому о том, что неконтролируемая агрессия означает позднее всеобщую войну, эта аксиома была бы схемой»¹¹².

¹⁰⁷ Shimko K. L. Metaphors and Foreign Policy Decision Making // *Political Psychology*. 1994. Vol. 15. Issue 4. Pp. 660–661.

¹⁰⁸ Gilovich, T. Seeing the past in the present: The effect of associations to familiar events on judgments and decisions // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1981. Vol. 40. Issue 5. Pp. 797–808.

¹⁰⁹ Shimko K. L. *Op. cit.* Pp. 660–661.

¹¹⁰ Vertzberger Y. I. Foreign policy decision-makers as practical-intuitive historians: applied history and its shortcomings // *International Studies Quarterly*. 1986. Vol. 30. Issue 2. P. 231.

¹¹¹ Khong Y. *Analogies at War: Korea, Munich, Dien Bien Phu, and the Vietnam Decisions of 1965*. NJ: Princeton. 1992. P. 46.

¹¹² *Op. cit.*

Другими словами, схема представляет собой не опыт в чистом виде, а скорее то, что *выводится из опыта*, является результатом его обобщения. «То, что человек узнает из ключевых событий международной истории, является важным фактором в формировании схем, которые затем определяют интерпретацию поступающей информации», — писал Р. Джервис¹¹³. С этой точки зрения проведение исторической аналогии предшествует схеме, а схема, в свою очередь, не исчерпывает собой всех последствий проведения исторической аналогии. Хотя «схемы, сценарии и исторические аналогии можно рассматривать как структуры знаний, функциональные свойства которых гораздо более схожи, чем различны»,¹¹⁴ такое отождествление является по большому счету упрощением.

1.2.3. Прецедентный феномен

В отечественной традиции исторические аналогии часто рассматриваются как прецедентные феномены, то есть «готовые интеллектуально-эмоциональные блоки», знакомые подавляющему большинству членов определенного лингвокультурного сообщества и помогающие его представителям ориентироваться в ментальном и вербальном пространстве¹¹⁵.

Теория прецедентности была впервые обоснована лингвистом Ю.Н. Карауловым, который в 1987 г. ввел в оборот понятие «прецедентный текст»¹¹⁶. Переноса положения этой теории из филологии в сферу коллективной памяти, мы сталкиваемся с теми же «пагубными постулатами», которые ранее были подвергнуты Дж. Оликом «процессо-реляционной» критике¹¹⁷.

Достаточно обратить внимание на предпосылку о существовании некой «историосферы» (в терминологии Г.Г. Слышкина)¹¹⁸, откуда всеми носителями языка, якобы, черпаются единообразно трактуемые феномены, «считываемые» при

¹¹³ Jervis R. Perception and misperception in international politics. NJ.: Princeton University Press. 1976. P. 220.

¹¹⁴ Khong Y. Op. cit. P. 46.

¹¹⁵ Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. 3-е изд., стер. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 220.

¹¹⁶ Ахмедова С.Н.к. Феномен прецедентности в современных лингвистических исследованиях // Филология и литературоведение. 2015. № 2 [Электронный ресурс] URL: <https://philology.snauka.ru/2015/02/1186> (дата обращения: 25.01.2022).

¹¹⁷ Олик Дж., Хлевнюк Д. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. 2012. № 1. С. 44.

¹¹⁸ Шапошникова И.В. «Методология лингвистических исследований в России» второй Сибирский лингвистический семинар руководителей научных проектов и школ // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. № 4 (2). С. 189–190.

минимальном уровне эрудиции¹¹⁹. Представляется очевидным, что она не выдерживает никакой эмпирической проверки. Попытка проанализировать случаи употребления прецедентного имени «Наполеон» в русскоязычных СМИ продемонстрировала семь совершенно разных подходов к его интерпретации (к сожалению, дальше простого перечисления этих вариантов исследование не продвинулось)¹²⁰. Аналогичным образом обстоит дело и с другими якобы «однозначно» трактуемыми прецедентными феноменами.

Интересующий нас вопрос о соотношении понятий «историческая аналогия» и «прецедентный феномен» остается предметом дискуссии. Если екатеринбургская исследовательница Е.А. Нахимова предлагает рассматривать их как синонимы, каждый из которых «используется в своей научной парадигме и отражает характерную для этой парадигмы систему взглядов»¹²¹, то челябинская лингвист О.А. Солопова обозначает дистанцию между ними, определяя исторические аналогии как «эксплицитные или имплицитные сравнения прошлого и будущего, базирующиеся на прецедентных именах и ситуациях»¹²². Мы можем отчасти согласиться со второй точкой зрения, принимая во внимание тот факт, что процесс (пере)означивания прецедентных ситуаций происходит непрерывно, зачастую одновременно с проведением соответствующей аналогии.

Взятая сама по себе теория прецедентности не способна «ухватить» мнемоническое измерение исторических аналогий. Как отмечал в этой связи филолог Д.Б. Гудков: «Мы не разделяем те события, которые происходили в действительном или в возможном мире... реальной ситуацией мы называем как, например, переход Суворова через Альпы, так и убийство Тарасом Бульбой своего сына»¹²³. Данное обстоятельство не позволяет нам согласиться с авторами,

¹¹⁹ Гудков Д.Б. Прецедентная ситуация и способы ее актуализации // Язык, сознание, коммуникация. М., 2000. Вып. 11. С. 41.

¹²⁰ Нахимова Е.А. Прецедентное имя Наполеон в отечественных СМИ // Политическая лингвистика. 2007. № 23. С. 109–111.

¹²¹ Нахимова Е.А. Интертекстемы, прецедентные имена, текстовые реминисценции и метафоры // Политическая лингвистика. 2006. № 19. С. 187.

¹²² Солопова О.А. Будущее России в экспортном исполнении // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: «Лингвистика». 2012. № 2 (261). С. 24.

¹²³ Гудков Д.Б. Прецедентная ситуация и способы ее актуализации // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. Вып. 11. М., 2000. С. 41.

утверждающими¹²⁴, будто бы теория прецедентности может послужить достаточной рамкой для изучения исторических аналогий.

1.2.4. Символ

Понятие «символ» принадлежит к одному из самых сложных и многозначных терминов в публичном и общественно-научном дискурсах. Во многом благодаря работам политолога О.Ю. Малиновой и ее коллег¹²⁵, случаи политического использования прошлого в отечественной традиции нередко рассматриваются как частные проявления «символической политики», то есть «борьбы за утверждение своего способа интерпретации социальной реальности в качестве доминирующего»¹²⁶. Вместе с тем, как отмечалось нами ранее, эта методологическая позиция не исчерпывает многообразия форм присутствия коллективно-разделяемых представлений о прошлом в сфере политики.

В контексте устоявшегося словосочетания «символическая политика» понятие «символическая» трактуется расширительно: «связывается с социально разделяемыми смыслами, опосредующими восприятие и поведение участников политических (в разных значениях этого понятия) отношений»¹²⁷. Поскольку, как отмечает О.Ю. Малинова, «благодаря своей способности “пронзать” срез культуры «по вертикали», [символы] оказываются основной несущей конструкцией темпоральных векторов политических репрезентаций: от настоящего — к прошлому и от прошлого — через настоящее — к будущему»¹²⁸, исторические аналогии, гипотетически, также могут быть интерпретированы как символы. Так, например, одна из возможных стратегий включения исторических аналогий в предметное поле семантического дискурса-анализа описана лингвистом Э. Гэри. Опираясь на трехчастную модель знака Ч. Пирса (включает в себя «знаконоситель», «репрезентируемый объект» и «интерпретанту» — набор

¹²⁴ Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политическом интердискурсе. Екатеринбург, 2006. С. 122.

¹²⁵ См.: Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 207 с.; «Символические аспекты политики памяти». СПб.: Издательство Европейского университета, 2021. 312 с.

¹²⁶ Малинова О.Ю. Проблема политически «пригодного» прошлого и эволюция официальной символической политики в постсоветской России // Политическая концептология. 2013. № 1. С. 115–116.

¹²⁷ Малинова О.Ю. Темпоральность и другие свойства символического в политике // Символическая политика. 2014. № 2. С. 8.

¹²⁸ Указ. соч. С. 13.

пресуппозиций, носителем которых является индивид), исследователь проанализировала историческую аналогию со Сталиным, подчеркнув, что «знаконоситель “Сталин” может в сознании большинства россиян относиться к одному и одному тому же репрезентируемому объекту — Сталину как биографической сущности, тогда как ассоциации по аналогии, которые он вызывает в воображении, будут определяться интерпретантой»¹²⁹.

Однако в таком случае не учитывается ключевое свойство исторической аналогии — прогностический потенциал, способность предоставлять политическим акторам своего рода «дорожные карты». Как отмечал исследователь коммуникаций Дж. А. Эди, хотя исторические аналогии имеют много общего с «концентрированными символами» (*condensation symbol*), представляющими собой «мощные символические ресурсы, которые ставят себе на службу различные политические акторы», они имеют дополнительную особенность, «которая делает их уникальными»: в то время как «концентрированные символы» фиксируют проблему, аналогии могут быть построены таким образом, «чтобы результаты определенных направлений действий в ответ на текущую проблему казались предсказуемыми»¹³⁰.

На наш взгляд, оптимальным следует признать способ соотнесения исторической аналогии и символа, предложенный израильским историком Я. Зерубавель. По ее мнению, символы способствуют «считыванию» тех или иных исторических аналогий, служа т. н. «мнемоническими триггерами» — прежде всего, в контексте массовой политической коммуникации. Мнемонические триггеры «могут представлять собой название войны (например, “Война Судного дня”), места (например, “Варшавское гетто”) или важной исторической даты (например, “29 ноября”)). Кроме того, к ним могут относиться известные цитаты или знаковые фотографии»¹³¹.

¹²⁹ Гэри Э. «Как это было»: семиотические подходы к изучению отсылок к советскому прошлому. Резюме // *Laboratorium. Журнал социальных исследований*. 2012. № 2. С. 246–247.

¹³⁰ Edy J.A. Journalistic uses of collective memory // *Journal of Communication*. 1999. Vol. 49. Issue 2. P. 78.

¹³¹ Zerubavel Y. Boundaries, bridges, analogies and bubbles: Structuring the past in Israeli mnemonic culture // *Journal of Israeli History*. 2020. Vol. 38. Issue 1. P. 12.

В этой же работе Зарабувель вводит понятие «символического моста», которым описывает сложную мнемоническую стратегию, «соединяющую исторические периоды, разделенные значительным историческим временем, подчеркивая символическую преемственность между ними»¹³². Примерами «символических мостов» служат отсылки к падению Масады в политической риторике Израиля¹³³ или обозначение солдат армии США как «frontiersmen», то есть «живущих в приграничной зоне», что, в свою очередь, отсылает к важному для американского исторического сознания нарративу об освоении Запада¹³⁴.

Дискурсивная стратегия «символического моста» не предполагает наличия сферы-мишени. Можно сказать, что его выстраивание требует регулярного проведения взаимно подкрепляющих друг друга исторических аналогий, постоянно актуализирующих связь между «мифом основания» и современностью¹³⁵.

1.2.5. Нарративный шаблон

В последние годы интерес отечественных авторов, занимающихся вопросами коллективной памяти, привлекла к себе концепция «нарративных шаблонов», предложенная американским политическим психологом Дж. Верчем. По мнению историка Ю.А. Сафроновой, это обусловлено тем, что в основе указанного подхода «находится желание переключить внимание исследователей с акторов коммеморативного процесса на структуры, его определяющие»¹³⁶.

«Глубинное отличие Путина от других западных лидеров, — постулирует Верч, — во многом основано на различиях между мнемоническими сообществами, к которым они принадлежат, и нарративными инструментами, используемыми

¹³² Op. cit. P. 9.

¹³³ Зерубавель Я. Смерть памяти и память смерти: Масада и Холокост как исторические метафоры // История и коллективная память: сборник статей по еврейской историографии. М.: Гешарим. 2008. С. 193–231.

¹³⁴ Carpenter R. America's tragic metaphor: Our twentieth-century combatants as frontiersmen // Quarterly Journal of Speech. 1990 Vol. 76. Issue 1. Pp. 1–22.

¹³⁵ Как отмечал С. Макдональд, при определенном стечении обстоятельств серия аналогий между событиями может складываться в более общий «сценарий», например – «новые 1930-е». Macdonald S. Rolling the Iron Dice: Historical Analogies and Decisions to Use Military Force in Regional Contingencies. London: Greenwood Publishing Group. 2000. P. 5.

¹³⁶ Сафронова Ю.А. В плену нарративных шаблонов? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.istorex.ru/post/сафронова-ю-а-в-плену-нарративных-шаблонов> (дата обращения: 25.01.2022).

этими сообществами»¹³⁷. С этой точки зрения концепция «нарративных шаблонов» приобретает внешнее сходство с конструктивистскими подходами к изучению исторических аналогий, также смещающими акцент с деятельности отдельных акторов на то, как «уроки прошлого» формируют «культуру безопасности»¹³⁸.

Указанное обстоятельство, как и формальное причисление Дж. Верча к авторам, изучающим исторические аналогии¹³⁹, побуждает нас подчеркнуть различие между нарративным шаблоном и предметом настоящего исследования. Историческая аналогия — это не нарративный шаблон. Они соотносятся между собой скорее как историческая аналогия и когнитивная схема, только если в ранее рассмотренном нами случае речь шла об индивидуальном сознании, то в работах Верча предлагается применить ту же логику к изучению массового сознания.

Это само по себе служит поводом для антиэссенциалистской критики: трактовка «нарративного шаблона» как своего рода константы, разделяемой всеми членами мнемонического сообщества, противоположна конструктивистской оптике, применяемой при изучении коллективно-разделяемых исторических аналогий.

На наш взгляд, концепция «нарративных шаблонов» во многом схожа с популярной в 1980-е – 1990-е гг. концепцией «стратегической культуры», разработанной Дж. Снайдером¹⁴⁰, а затем развитой А. И. Джонстоном и К. Греем¹⁴¹. Примечательно, что отдельные авторы, включая самого Джонсона¹⁴², пытались инкорпорировать коллективно-разделяемые исторические аналогии в рассматриваемые ими «стратегические культуры»¹⁴³, однако количество

¹³⁷ Верч Дж. Нарративные инструменты, истина и быстрое мышление в национальной памяти [Электронный ресурс]. URL: <http://gefter.ru/archive/24775> (дата обращения: 25.01.2022).

¹³⁸ Rasmussen M. The history of a lesson: Versailles, Munich, and the social construction of the past // *Review of International Studies*. 2003. Vol. 29. Issue 4. P. 516.

¹³⁹ См., напр.: Makhortykh M. Historical memory and securitisation of the Russian intervention in Syria // *International Politics*. 2020. Vol. 57. Pp. 1063–1081.

¹⁴⁰ Synder J. The Soviet Strategic Culture: Implications for Limited Operations. Santa Monica: RAND. 1977 [online] – URL: <https://www.rand.org/pubs/reports/R2154.html> (accessed: 25.01.2022).

¹⁴¹ Gray C. S. Strategic Culture as Context: The First Generation of Theory Strikes Back // *Review of International Studies*. 1999. Vol. 25. Pp. 49–69; Johnston A. I. Strategic Cultures Revisited: Reply to Colin Gray // *Review of International Studies*. 1999. Vol. 25. Pp. 519–523.

¹⁴² Johnston A. I. Thinking about Strategic Culture // *International Security*. 1995. Vol. 19. Issue 4. P. 46.

¹⁴³ Aldrich R. J. Strategic culture as a constraint: intelligence analysis, memory and organizational learning in the social sciences and history // *Intelligence and National Security*. 2017. Vol. 32. Issue 5. Pp. 625–635; Schmitt O. When are strategic

исследователей, разделяющих этот подход, так и не доказавший своей эвристической полезности, в последние годы существенно сократилось.

1.2.5. Исторический опыт

В 1974 г. американский политолог Х. Хекло, изучавший эволюцию британской и шведской моделей социального обеспечения, впервые применил понятие «обучаемой политики», акцентирующее внимание на том, что правительства «способны изменять текущие действия на основе интерпретации того, как осуществлялись их действия в прошлом»¹⁴⁴. Он предлагал понимать обучение как «относительно устойчивое изменение поведения, возникающее в результате опыта»¹⁴⁵.

Со временем эта теория вышла далеко за рамки изучения социальной политики. Как отмечают А. Минц и К. Деруэн, если доминирующие теории международных отношений обуславливают поведение государств «распределением ресурсов, членством в союзах или типом политического режима», то акцент на опыте «позволяет объяснять различия даже в тех случаях, когда эти факторы одинаковы»¹⁴⁶. Так, например, Р. Джервис связывал с политическим обучением восприятие внешних угроз¹⁴⁷, а Д. Рейтер статистически проанализировал влияние «уроков истории» на предпочтения государств при выборе между заключением военных союзов и политикой нейтралитета¹⁴⁸.

На наш взгляд, термин «опыт» (или «урок») соотносится с понятием «историческая аналогия» как макро- и микроуровни анализа. Изучение «когнитивных» исторических аналогий позволяет понять, как принимаются конкретные индивидуальные (или коллективные) решения, в то время как оптика «обучаемых политик» сфокусирована на крупных, прежде всего

narratives effective? The shaping of political discourse through the interaction between political myths and strategic narratives // *Contemporary Security Policy*. 2018. Vol. 39. Issue 4. Pp. 1–25.

¹⁴⁴ Bennett C.J., Howlett M. The lessons of learning: Reconciling theories of policy learning and policy change // *Policy Sciences*. 1992. Vol. 25. P. 276.

¹⁴⁵ Heclo H. *Modern social politics in Britain and Sweden: From relief to income maintenance*. New Haven, CT: Yale University Press. 1974. P. 306.

¹⁴⁶ Mintz A., DeRouen K. *Understanding Foreign Policy Decision Making*. NY. Cambridge University Press. 2010. P. 104.

¹⁴⁷ Jervis R. *Cooperation Under the Security Dilemma* // *World Politics*. 1978. Vol. 30. Issue 2. P. 190.

¹⁴⁸ Reiter D. Learning, realism, and alliances: the weight of the shadow of the past // *World Politics*. 1994. Vol. 46. Issue 4. P. 491.

институциональных изменениях. По мнению Д. Рейтера, объединение усилий социальной психологии (предметом которой являются аналогии) и теории организации позволяет рассчитывать на создание интегративной теории «извлечения уроков»¹⁴⁹, однако, на сегодняшний день это направление исследований не получило достаточного развития.

Вместе с тем многие выводы, сделанные в рамках теории «обучаемых политик», могут способствовать более глубокому пониманию конкретных случаев политического мышления по аналогии. Выделим среди них, например, тот факт, что существенное влияние на процесс «обучения» оказывают прагматические интересы конкретных групп. Едва ли нас удивит тот факт, что «кавалеристы сохраняют веру в эффективность своего рода войск даже после того, как уже несколько войн продемонстрировали растущие потери [кавалерии], вызванные возросшей огневой мощью»¹⁵⁰. Другими словами, разные организации и бюрократические структуры в одной и той же стране могут извлекать разные уроки из одного и того же исторического опыта, так как будут усваивать различные его аспекты в соответствии со своими показателями эффективности, определяемыми организационной субкультурой или внешним руководством¹⁵¹.

С этой точки зрения «политическое» обучение отличается как от индивидуального, так и от организационного обучения, изучаемого в теории менеджмента. Поскольку в процессе выработки политического курса участвуют многие акторы, каждый из которых преследует собственные интересы, их конкуренция (как и другие внешние факторы) способна серьезно повлиять на то, какие из «уроков истории» в конечном счете будут извлечены, а какие, напротив, забыты¹⁵². Примером служит рассмотренный С. Макдональдом эпизод. При разработке стратегии участия США в ирако-кувейтском вооруженном конфликте (1990–1991 гг.) и военные, и политические руководители опирались на опыт

¹⁴⁹ Op. cit.

¹⁵⁰ Jervis R. Perception and misperception in international politics. NJ: Princeton University Press. 1976. P. 222.

¹⁵¹ Lovell J. P. «Lessons» of US Military Involvement Preliminary Conceptualization In Foreign Policy Decision Making / Perception, Cognition and Artificial Intelligence. NY: Praeger. 1984. Pp. 129–157.

¹⁵² Batteau J., Princen S., Rigney A. Lessons from the past? Cultural memory in Dutch integration policy // European Journal of Political Research. 2018. Vol. 57. P. 755.

Вьетнама. При этом разделяемая ими аналогия не сближала позиций двух групп: для военных «урок Вьетнама» означал необходимость отсрочить вторжение в Ирак, чтобы успеть собрать силы для нанесения обезоруживающего удара по противнику, в то время как для гражданских политиков этот же опыт побуждал настаивать на скорейшем применении силы¹⁵³.

Как правило, неудача при реализации выбранной политики влечет за собой пересмотр прежних способов мышления и поведения, в то время как успех, напротив, способствует их закреплению¹⁵⁴. Победа также укрепляет власть тех, кто отстаивал приведшую к ней стратегию, а поражение – усилит их оппонентов, разделявших другие взгляды. Соответственно, сама структура организации будет всякий раз меняться таким образом, «чтобы ее часть (возможно, недавно созданная часть) была особенно заинтересована в том, чтобы предыдущее событие было взято в качестве модели для будущего»¹⁵⁵.

Как отмечают Дж. Каарбо и Д. Кенили, в ходе дебатов в Палате общин по вопросу об отправке британского военного контингента в Сирию историческая аналогия со вторжением международной коалиции в Ирак использовалась парламентариями, чтобы аргументировать необходимость «усилить роль парламента как сдерживающего фактора по отношению к исполнительной власти». Таким же образом аналогия с поражением США во Вьетнаме в 1970-е гг. стала инструментом включения в повестку дня вопроса о расширении полномочий законодательной власти в области безопасности. Из этого делается вывод, что «исторические уроки» могут рассматриваться в качестве механизма, посредством которого «опыт» преобразуется в институциональные изменения¹⁵⁶.

Завершая рассмотрение данного аспекта темы, следует констатировать, что понятие исторической аналогии вплетено в обширную систему смежных

¹⁵³ Macdonald S. Hitler's Shadow: Historical Analogies and the Iraqi Invasion of Kuwait // *Diplomacy and Statecraft*. 2002. Vol. 13. Issue 4. P. 33.

¹⁵⁴ Aldrich R. J. Strategic culture as a constraint: intelligence analysis, memory and organizational learning in the social sciences and history // *Intelligence and National Security*. 2017. Vol. 32. Issue 5. P. 630.

¹⁵⁵ Jervis R. *Perception and misperception in international politics*. NJ: Princeton University Press. 1976. Pp. 238–239.

¹⁵⁶ Kaarbo J., Kenealy D. Precedents, parliaments, and foreign policy: historical analogy in the House of Commons vote on Syria // *West European Politics*. 2017. Vol 40. Issue 1. P. 75.

концептов, некоторые из которых в ряде исследований используются как синонимы. Вместе с тем, в отличие от когнитивной метафоры, сфера-источник которой является универсальным концептуальным доменом (блок знаний, обеспечивающих понимание языковых значений, например, «война», «игра» и т. д.), исторические аналогии осуществляют перенос признака между пространствами, имеющими конкретные временные и географические координаты (сравнивается наблюдаемая ситуация и *конкретная* ситуация в прошлом). В меньшей степени выражены различия между исторической аналогией и когнитивной «схемой». Принципиальная разница между двумя понятиями опять же состоит в том, что аналогия специфична и конкретна, а «схема» абстрактна и универсальна. Она представляет собой не опыт в чистом виде, а скорее то, что выводится из опыта, является результатом его обобщения.

Неправомерно ставить знак равенства и между историческими аналогиями и прецедентными ситуациями или символами. Аналогии могут базироваться на прецедентных ситуациях (но не обязательно на них), в то время как узнаваемые символы способствуют «считыванию» тех или иных исторических аналогий, служат т. н. «мнемоническими триггерами».

Наконец, термины «опыт» или «урок» соотносятся с понятием «историческая аналогия» как макро- и микроуровни анализа. Изучение «когнитивных» исторических аналогий позволяет понять, как принимаются конкретные политические решения, в то время как оптика «обучаемых политик» сфокусирована прежде всего на институциональных изменениях.

Выводы первой главы

В первом параграфе понятие «историческая аналогия» подробно рассматривалось в предметном поле политической науки. Согласно выработанному нами определению, историческая аналогия — это процедура переноса признаков, характеризующих некую ситуацию (период, явление) в прошлом, на современную ситуацию или гипотетическую ситуацию в будущем, осуществляемую на основании их сходства. Она также может интерпретироваться как один из четырех возможных способов обращения к прошлому в политическом

дискурсе — наряду с конструированием образа исторического события (коммеморация), ретроспективным рассмотрением некой современной проблемы и экстраполяцией исторических тенденций.

Практика употребления термина «историческая аналогия» в научной литературе свидетельствует о том, что в зависимости от целей исследования им могут обозначаться и «когнитивные» (индивидуальная ментальная операция), и «стратегические» (речевой акт), и коллективно-разделяемые аналогии (дискурсивная конструкция). Все три случая объединяет общая структура, элементами которой являются сфера-источник (нарратив о прецедентном событии), сфера-мишень (ситуация в настоящем или будущем, на которые проецируется сфера-источник), процесс переноса признака, уроки (выводы, полученные в результате аналогии) и субъект.

Особое значение имеет вводимое нами понятие субъекта исторической аналогии. Это может быть как отдельный человек, обращающийся к своей личной памяти или историческим знаниям с целью принятия решения или его легитимации, так и социальная группа, идентичность которой актуализируется за счет воспроизведения одной и той же исторической параллели. Очевидно, что для анализа данных случаев требуются разные методологические подходы.

На наш взгляд, наиболее продуктивным основанием для демаркации этих подходов представляется анализируемый исследователем предмет, то есть тот самый сегмент политической реальности, изучение которого побуждает обращаться к рассмотрению исторических параллелей. В таком случае можно выделить «когнитивные» подходы, интерпретирующие историческую аналогию как один из способов выработки и принятия политических решений, «коммуникативные» подходы, в которых историческая аналогия рассматривается как способ утверждения актором своего способа интерпретации реальности в качестве доминирующего, и «конструктивистские» подходы, в рамках которых исторические аналогии служат инструментом социального конструирования реальности, включая идентичности и интересы самих акторов. Выбор подхода

влечет за собой принятие соответствующей оптики, при помощи которой исследователь рассматривает элементы исторической аналогии.

Во втором параграфе осуществляется категориальный анализ понятия историческая аналогия. Сделан вывод о том, что данное понятие вплетено в систему смежных концептов и терминов, выработанных разными дисциплинами, однако дистанция между ними свидетельствует об отсутствии понятия-синонима, которым описывались бы все аспекты рассматриваемого нами предмета. Например, в отличие от когнитивной метафоры, сфера-источник которой является универсальным концептуальным доменом, исторические аналогии осуществляют перенос признака между пространствами, имеющими конкретные временные и географические координаты. Существуют также различия между исторической аналогией и когнитивной схемой, исторической аналогией и прецедентным феноменом, исторической аналогией и символом.

Глава 2. Проблемные аспекты основных подходов к изучению исторических аналогий

Вторая глава посвящена теоретической реконструкции основных подходов к изучению исторических аналогий — «когнитивных», коммуникативных и конструктивистских. Представляется целесообразным сосредоточиться на уточнении границ рассматриваемой ими проблематики, внутренней структуре каждого подхода, их ключевых понятиях, наиболее значимых выводах.

В первом параграфе описываются исследовательские стратегии, рассматривающие исторические аналогии в контексте выработки и принятия политических решений. Предпринята попытка очертить круг характерных черт ситуации, в которой возрастает вероятность использования мышления по аналогии. Анализируются факторы, оказывающие влияние на уровень доверия к историческим аналогиям, а также предопределяющие выбор конкретной сферы-источника. Описываются «ошибки восприятия», обусловленные историческими аналогиями, ставится вопрос о соотношении их «когнитивных» и «стратегических» функций.

Во втором параграфе рассмотрены коммуникативные и конструктивистские подходы к изучению исторических аналогий¹⁵⁷. Различие между ними заключается в том, что первые анализируют роль исторических аналогий в контексте коммуникации, опираясь в том числе на социологическую методологию, в то время как вторые фиксируют взаимообуславливающую связь между репертуаром исторических аналогий, рамками дискурса и идентичностью сообщества. Особое внимание уделено процессу конструирования «события» (сферы-источника) как неперемennomу условию проведения исторической аналогии.

¹⁵⁷ Если в рамках «когнитивных» подходов под исторической аналогией понимается, в первую очередь, ментальная операция, то в коммуникативных и конструктивистских — речевой акт или дискурсивная конструкция. Признание важности опосредующей роли языка, характеризующее эти подходы, оправдывает их объединение в один смысловой блок.

§ 2.1. Исторические аналогии в контексте выработки и принятия политических решений

Поскольку за воспоминания о прошлом и проектирование будущего отвечают одни и те же структуры головного мозга»¹⁵⁸, человеку свойственно опираться на «прецедентные» события, чтобы ориентироваться в новых, неизвестных ситуациях¹⁵⁹. Вместе с тем целенаправленное, осознанное использование исторических аналогий (т. н. «рассудочно-эмпирическое мышление»)¹⁶⁰ — отличительная черта исторического сознания эпохи модерна. Как отмечал немецкий историк Р. Козеллек, с середины XVIII века, под влиянием распространившейся идеи «историзации», западноевропейские интеллектуалы предположили наличие некой «тайной связи между прошлым и будущим», поиск которой задал вектор их последующих исследовательских усилий¹⁶¹. Взгляд на историю, как сотканную из закономерностей, обуславливающих повторение одних и тех же сюжетных ходов, стал свойственен и политическому мышлению («опыт казни Карла I расширил столетием позднее горизонт ожиданий Тюрго, поторапливавшего Людовика XVI с реформами, которые должны были предохранить короля от той же участи»)¹⁶².

Во второй половине XX века исторические аналогии, используемые политическими акторами (как правило, руководителями государств и их советниками), начали изучаться в широком контексте выработки и принятия политических решений. Обозначая совокупность этих различных с методологической точки зрения исследований как «когнитивные» подходы, мы руководствуемся тем, что все они объединены исходным постулатом: параллели с прошлым служат «дорожными картами», помогающими лицам, принимающим

¹⁵⁸ Нестик Т.А. Социальная психология времени. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 2014. С. 318.

¹⁵⁹ Kamali Y., Jooshani S. S. Reasoning in Foreign Policy Making from the Analogy Perspective: The Case Study of Iran's Nuclear Issue // Asian Politics & Policy. 2019. Vol. 11. Issue 2. P. 209.

¹⁶⁰ Улбутов Д.И., Крот Н.С. Определение исторических аналогий как показатель сформированности исторического мышления старшеклассников // Педагогика и психология образования. 2019. № 1. С. 77–91.

¹⁶¹ Козеллек Р. «Пространство опыта» и «Горизонт ожиданий» - две исторические категории // Социология власти. 2016. № 28 (2). С. 152.

¹⁶² Там же. С. 153.

решения, выбирать, «какая конкретная политика наилучшим образом будет способствовать их интересам»¹⁶³.

Ранее (§ 1.1) уже поднимался вопрос о различении «когнитивно-нормативного» и «когнитивно-дескриптивных» подходов. В силу того, что в поведении лиц, принимающих решения, явно прослеживается тенденция «выбирать первую аналогию, которая приходит на ум... впечатляться поверхностными сходствами [и] редко исследовать [исторические аналогии] более глубоко или широко»¹⁶⁴, ряд исследователей видит своей задачей формирование культуры рассудочно-эмпирического мышления, выработку универсальных техник, помогающих выбрать наиболее точные, эвристически продуктивные аналогии.

Например, в авторском курсе, прочитанном Р. Нойштадтом и Э. Мэем в Гарвардской школе государственного правления имени Кеннеди, лицам, принимающим решения, при анализе некой проблемы рекомендовалось провести сортировку «известного», «неясного» и «предполагаемого», а затем постараться выявить как можно больше исторических аналогий и проанализировать их на предмет сходств и различий с наличной ситуацией¹⁶⁵. В свою очередь, Я. Верцбергер призывал «с подозрением относиться к аналогиям, которые "всплывают" в памяти», искать дополнительные события аналогичного типа (или использовать другие стратегии, включая дедукцию), чтобы проверить, приводят ли они к тем же выводам, и если позволяют время и обстоятельства, «позволить другим, по возможности профессиональным историкам, тщательно изучить ту же аналогию, чтобы увидеть, придут ли они к тем же выводам»¹⁶⁶.

Безусловно, эти рекомендации не являются исчерпывающими. По меньшей мере, оба автора упускают из виду, что установление сходства между ситуациями

¹⁶³ Hemmer Ch. Historical analogies and the definition of interests: the Iranian hostage crisis and Ronald Reagan's policy toward the hostages in Lebanon // *Political Psychology*. 1999. Vol. 20. Issue 2. P. 268.

¹⁶⁴ Khong Y. *Analogies at War: Korea, Munich, Dien Bien Phu, and the Vietnam Decisions of 1965*. NJ: Princeton. 1992. Pp. 30, 35.

¹⁶⁵ Нойштадт Р., Мэй Э. Современные размышления о пользе истории для тех, кто принимает решения. М., 1999. С. 121.

¹⁶⁶ Vertzberger Y. I. Foreign policy decision-makers as practical-intuitive historians: applied history and its shortcomings // *International Studies Quarterly*. 1986. Vol. 30. № 2. P. 244.

в прошлом и в настоящем должно осуществляться на основании *однородных существенных признаков*, а между сходными признаками и переносимым признаком должна существовать *закономерная связь*. Впрочем, даже при соблюдении этих трудновыполнимых условий вывод, сделанный на основании аналогии, будет иметь лишь вероятностный характер. Иными словами, историческая аналогия — прежде всего способ когнитивной экономии, а не достижения оптимального результата.

Отправной точкой в «когнитивно-дескриптивных» подходах служит утверждение о том, что «ошибки восприятия» (*misperceptions*) — неотъемлемый аспект принятия решений, поэтому задача состоит скорее в их изучении, нежели в искоренении. Ключевыми в этой связи становятся три вопроса: как лица, принимающие решения, учатся на уроках прошлого (т. е. каков процесс, посредством которого люди извлекают уроки из данного события); из каких событий лица, принимающие решения, извлекают наибольшую пользу (т. е. какие исторические события оказывают наибольшее влияние); какие именно уроки обычно извлекаются¹⁶⁷.

По мнению С. Макдональда, как правило, психологи изучают влияние исторических аналогий на уровне индивидуального сознания, а политологи — на уровне принятия решений в рамках групп¹⁶⁸. Согласиться с этим нельзя, поскольку, с одной стороны, существует политическая психология, анализирующее политическое поведение и сознание, в том числе и на уровне сообществ, а с другой стороны, в рамках политологического анализа может быть востребовано изучение процессов индивидуального принятия решений. Поэтому, на наш взгляд, с методологической точки зрения, «когнитивно-дескриптивные» подходы могут быть разделены, скорее, на психологический и исторический. Первый из них опирается на метод эксперимента, позволяющий получать сведения о том, как (в теории) функционирует рассудочно-эмпирическое мышление. В это

¹⁶⁷ Jervis R. Perception and misperception in international politics. Princeton University Press. 1976. P. 218.

¹⁶⁸ Macdonald S. Rolling the Iron Dice: Historical Analogies and Decisions to Use Military Force in Regional Contingencies. London: Greenwood Publishing Group. 2000. P. 5.

же время второй направлен на «реконструкцию» конкретных случаев принятия решения по аналогии, основываясь на анализе доступных источников.

Предполагается, что доверие к обнаруженным параллелям с прошлым располагает лиц, принимающих решения, «к определенным вариантам политики и отвращает от других»¹⁶⁹. Тем самым формируется последовательность, сформулированная Р. Джарвисом: событие в прошлом => извлеченные «уроки» => поведение актора в будущем¹⁷⁰. Разумеется, в реальности связь между проведением исторических аналогий и принятием политических решений носит, скорее, вероятностный характер, а само мышление по аналогии комбинируется с другими стратегиями (в том числе, описываемыми теорией рационального выбора), причем однозначно очертить круг факторов, оказывающих влияние на лиц, принимающих решения, в большинстве случаев невозможно. Вопрос о том, какой из факторов при принятии политического решения оказался в конкретном случае самым важным, всегда остается открытым, а любые попытки ответить на него могут рассматриваться лишь как конкурирующие версии (как писал Я. Верцбергер, характеризуя «когнитивную» методологию: «единственное утверждение, сделанное здесь, состоит в том, что этот подход *иногда* полезен для объяснения *некоторых* решений»)¹⁷¹.

Это замечание побуждает нас перейти к **первому вопросу**: очертить круг ситуаций, в которых обстоятельства принятия решения таковы, что рассудочно-эмпирическое мышление будет обладать преимуществом перед другими, более «затратными», интеллектуальными стратегиями, и вероятность его использования, соответственно, окажется наибольшей. Речь идет, в первую очередь, о кризисах и конфликтах, то есть тех случаях, для которых характерно «централизованное и изолированное от внешнего влияния руководство»¹⁷².

¹⁶⁹ Khong Y. Analogies at War: Korea, Munich, Dien Bien Phu, and the Vietnam Decisions of 1965. NJ: Princeton. 1992. P. 22.

¹⁷⁰ Jervis R. Op. cit. P. 222.

¹⁷¹ Vertzberger Y. I. Foreign policy decision-makers as practical-intuitive historians: applied history and its shortcomings // International Studies Quarterly. 1986. Vol. 30. Issue 2. P. 225.

¹⁷² Houghton D.P. Historical analogies and the cognitive dimension of domestic policymaking // Political Psychology. 1998. Vol. 19. Issue 2. P. 300.

Предполагается, что использование исторических аналогий наиболее вероятно в ситуациях, характеризующихся следующими параметрами:

- для принятия решения мало времени;
- поступающая информация неоднозначна (или может противоречиво интерпретироваться);
- ситуация характеризуется высоким уровнем риска и неопределенности;
- лицо, принимающее решения, не может рассчитывать на поддержку своего ближайшего окружения¹⁷³;
- проблема лежит в области национальной безопасности¹⁷⁴;
- общество переживает период повышенного интереса к своему прошлому («особое внимание в аналогических рассуждениях будет уделено тем историческим событиям, на которых либо уже заиклена общественность, либо которые наилучшим образом отражают преобладающие национальные настроения»)¹⁷⁵.

По мнению американского политолога Д.П. Хоутона, перечисленные факторы можно дополнить характеристикой самой рассматриваемой проблемы. Для проведения параллели с прошлым сфера-источник должна быть простой, локализованной во времени и однозначно интерпретируемой, поэтому исторические аналогии едва ли будут использоваться при анализе таких вызовов как «промышленный спад, инфляция или разрушающаяся инфраструктура»¹⁷⁶. Как подчеркивает Хоутон, если процесс, на который направлена аналогия, окажется продолжительным, то по мере его развертывания различия между прецедентным событием и рассматриваемой проблемой будут лишь нарастать, со временем

¹⁷³ По замечанию Я. Верцбергера, если позиции ЛПР в административной иерархии слишком высоки, чтобы получать оценку своего поведения со стороны, то оно может обратиться к более высокому авторитету — истории (харизматические лидеры чаще используют исторические аналогии). Однако тот же метод может оказаться предпочтителен и для лидера, чьи позиции слабы, так как он стремится не принимать рискованных решений и склонен перекладывать ответственность на «объективные законы истории».

¹⁷⁴ Прецедентные события в этой сфере более яркие и, следовательно, «доступные» (в терминологии Д. Канемана и А. Тверски).

¹⁷⁵ Vertzberger Y. I. Foreign policy decision-makers as practical-intuitive historians: applied history and its shortcomings // *International Studies Quarterly*. 1986. Vol. 30. Issue 2. P. 236.

¹⁷⁶ Houghton D. P. Historical analogies and the cognitive dimension of domestic policymaking // *Political Psychology*. 1998. Vol. 19. Issue 2. P. 283.

«сделав аналогию несостоятельной»¹⁷⁷. Из этого также следует, что исторические аналогии имеют наибольшее значение на ранних стадиях решения проблемы: по мере накопления новой информации потребность в них естественным образом снижается.

Отметим, что подобные рассуждения справедливы лишь при анализе случаев выбора стратегии в обстановке острой нехватки времени. Из практики известны многочисленные обратные примеры проведения аналогий между длительными историческими процессами (например, революциями)¹⁷⁸.

Второй вопрос, разрабатываемый в русле «когнитивных» подходов, связан с мыслительными процессами, обуславливающими проведение аналогии. Центральным понятием в этой связи становится проекция или «картирование» («mapping»), под которым С. Макдональд понимал нахождение «родовых соответствий» между сферой-мишенью и сферой-источником, а также извлечение дополнительной информации за счет обнаруженного сходства. Процесс картирования распадается на этапы атрибутивной идентификации (маркировка переменных в прецедентном и современном событии), атрибутивного сравнения (выведение закономерностей как в одном случае, так и в другом) и контроля (перенесение закономерностей из прецедентного случая в современный)¹⁷⁹.

Следует повторить, что установление аналогии не означает полного отождествления сферы-источника и сферы-мишени. В литературе встречаются упоминания о четырех возможных исходах «картирования»:

- признание идентичности двух случаев;

¹⁷⁷ Lee F.L., Chan J.M., Leung D.K. When a historical analogy fails: Current political events and collective memory contestation in the news // *Memory Studies*. 2019. Vol. 12. Issue 2. P. 132.

¹⁷⁸ Гордон А.В. Великая французская революция как явление русской культуры (к постановке вопроса) / Исторические этюды о Французской революции. Памяти В.М. Далина (к 95-летию со дня рождения). М: ИВИ РАН, 1998. С. 219–245.

¹⁷⁹ Macdonald S. *Rolling the Iron Dice: Historical Analogies and Decisions to Use Military Force in Regional Contingencies*. London: Greenwood Publishing Group, 2000. P. 12.

- признание сходства двух случаев (в период Суэцкого кризиса руководство Великобритании сравнивало Г.А. Насера с Б. Муссолини, но не уподобляло сам кризис Второй мировой войне)¹⁸⁰;
- признание формального сходства (размышляя о ситуации во Вьетнаме, президент Л. Джонсон пришел к выводу, что она «включала элементы Корейской войны, восстания Хука на Филиппинах и гражданской войны в Греции, и все же она не была похожа ни на что из них»)¹⁸¹;
- признание прямого противоречия¹⁸².

Вопрос о том, чем может быть объяснен тот или иной исход, анализировался психологами Б. Спеллман и К. Холиоком, разработавшими «механизм сопоставления аналоговых ограничений». Согласно этой модели, «когнитивная согласованность» сферы-мишени и сферы-источника возникает на пересечении трех фундаментальных ограничений:

- структурное ограничение изоморфизма (сфера-источник и сфера-мишень должны быть (а) взаимно однозначными и (б) структурно согласованными. Например, если в настоящем Ирак атаковал Кувейт, а в прошлом Германия атаковала Польшу, то Ирак должен быть сопоставлен с Германией, Кувейт — с Польшей, а агрессия — с агрессией)¹⁸³;
- ограничение семантического сходства (предпочтение отдается сопоставлениям между предикатами, которые похожи по смыслу);
- прагматическая централизованность (предпочтение отдается соответствию, которое уже отложилось в памяти заранее или которое связывает особенно важные элементы)¹⁸⁴.

¹⁸⁰ Macdonald S. *Rolling the Iron Dice: Historical Analogies and Decisions to Use Military Force in Regional Contingencies*. London: Greenwood Publishing Group, 2000. P. 5.

¹⁸¹ Johnson L. B. *The Vantage Point: Perspectives of the Presidency 1963-1969*. New York: Holt, Rinehart and Winston. 1971. P. 241. Цит. по: Vertzberger Y. I. Foreign policy decision-makers as practical-intuitive historians: applied history and its shortcomings // *International Studies Quarterly*. 1986. Vol. 30. Issue 2. P. 232.

¹⁸² Vertzberger Y. I. Foreign policy decision-makers as practical-intuitive historians: applied history and its shortcomings // *International Studies Quarterly*. 1986. Vol. 30. Issue 2. P. 232.

¹⁸³ Здесь следует вновь упомянуть о различии «аналогий свойств» и «аналогий отношений». Последняя представляет собой умозаключение, в котором объектом уподобления выступают отношения между двумя группами предметов, а переносимым признаком — свойство этих отношений.

¹⁸⁴ Spellman B.A., Holyoak K. J. If Saddam's Hitler then who is George Bush? Analogical mapping between systems of social roles // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1992. Vol. 62. Issue 6. P. 914.

Предполагается, что выбор «подходящей» сферы-источника происходит в тот момент, когда набор соответствий между элементами сферы-мишени и сферы-источника в наибольшей степени удовлетворяет всем трем вышеперечисленным ограничениям. Если этого достичь не удастся, то неизоморфные элементы сферы-мишени или сферы-источника начинают подспудно игнорироваться¹⁸⁵.

Данные, полученные Б. Спеллманом и К. Холиоком, свидетельствуют, что при проведении аналогий респонденты стараются соблюдать основные ограничения согласованности. Так, при тестировании аналогии между иракско-кувейтским конфликтом (1990–1991 г.) и началом Второй мировой войны (1991 г.), оказалось, что если президент Буш идентифицируется как Черчилль, то современные США — как Великобритания в 1939 г. (соответственно, если Буш = Рузвельт, то США-1991 = США-1939). Получить «смешанные аналогии» (например, Буш = Черчилль, но США-1991 = США-1939) оказалось очень трудно, даже когда все условия эксперимента подталкивали испытуемых к проведению именно таких параллелей¹⁸⁶.

С точки зрения психологии, доверие к исторической аналогии и извлекаемым из нее урокам может рассматриваться как производная от степени сходства между сравниваемыми событиями. Считается, что на разных этапах выработки и принятия решений требования к «достоверности» исторических аналогий варьируются. Чем более сложная, ответственная и рискованная задача стоит перед лицом, принимающим решение, тем выше будет этот порог¹⁸⁷. Вместе с тем порог доверия к историческим аналогиям культурно обусловлен: некоторые нации, «особенно те, чья история уходит корнями в древние времена», больше ориентированы на использование исторических аналогий, чем другие, и «передают эту ориентацию своим отдельным членам в рамках процесса социализации»¹⁸⁸.

¹⁸⁵ Spellman B.A., Holyoak K. J. If Saddam's Hitler then who is George Bush? Analogical mapping between systems of social roles // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1992. Vol. 62. Issue 6. P. 914.

¹⁸⁶ Spellman B.A., Holyoak K. J. *Op. cit.* P. 924.

¹⁸⁷ Vertzberger Y. I. Foreign policy decision-makers as practical-intuitive historians: applied history and its shortcomings // *International Studies Quarterly*. 1986. Vol. 30. Issue 2. P. 233.

¹⁸⁸ *Op. cit.* P. 235.

На наш взгляд, «культуру доверия» к историческим аналогиям формирует не продолжительность национальной истории, а доминирующий «режим историчности»¹⁸⁹. Данным понятием обозначается способность членов некоего сообщества «вписать свое настоящее в историю, думать о нем, как о находящемся во времени»¹⁹⁰. Французский историк Ф. Артог предлагал выделять «пассеистические», «презентистские» и «футуристские» режимы историчности, делающие акцент на прошлом, настоящем или будущем соответственно¹⁹¹. По его мнению, пассеистическая культура, доминировавшая на Западе до Великой французской революции, предполагает осмысление истории как серии «примеров», которые, «предлагая будущему образец для подражания, связывают его с прошлым». Презентистские и, тем более, «футуристские» культуры основываются на том, что прошлое «остается в прошлом», то есть «на смену примерам и образцам приходят единичные, неповторимые факты и события»¹⁹².

С другой стороны, разные типы восприятия времени могут сосуществовать в рамках современных сообществ, граница между которыми проницаема. Можно, к примеру, представить себе некое общество, разделяющее презентистскую культуру, но при этом отмеченное коллективной травмой. В таком случае образ травматического события из прошлого будет постоянно присутствовать в настоящем, но при этом восприниматься как «бремя»¹⁹³.

Понятно, что вопрос о том, какие режимы историчности доминируют в различных сегментах российского общества, заслуживает своего предметного рассмотрения в отдельных работах. Вместе с тем в рамках исследования, проведенного при участии автора, была предпринята попытка выявить основные

¹⁸⁹ Впервые эту мысль высказал Е. Сангар. См.: Sangar E. Défendre Duffer's Drift: l'influence de la mémoire collective et du régime d'historicité sur le choix des enseignements historiques en temps de crise // *Temporalités* [online]. – URL: <http://journals.openedition.org/temporalites/3085> (accessed: 25.01.2022).

¹⁹⁰ Bantigny L. Historicités du XXe siècle // *Vingtième siècle. Revue d'histoire*. 2012. Vol. 117. Issue 1. P. 15.

¹⁹¹ Артог Ф. Порядок времени, режимы историчности // *Неприкосновенный запас*. 2008. № 3 [Электронный ресурс]. – URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2008/3/poryadok-vremeni-rezhimy-istorichnosti.html> (дата обращения: 25.01.2022).

¹⁹² Артог Ф. Типы исторического мышления: презентизм и формы восприятия времени // *Отечественные записки*. 2004. № 5 [Электронный ресурс]. – URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2004/5/typy-istoricheskogo-myshleniya-prezentizm-i-formy-vospriyatiya-vremeni.html> (дата обращения: 25.01.2022).

¹⁹³ Kirkwood S., McKinlay A., McVittie C. The mutually constitutive relationship between place and identity: The role of place-identity in discourse on asylum seekers and refugees // *Journal of Community & Applied Social Psychology*. 2013. Vol. 23. Issue 6. Pp. 453–465.

параметры исторической культуры молодых людей, обучающихся в российских вузах на политологических специальностях. В ходе проведенного опроса установлено, что подавляющее большинство респондентов доверяют историческим аналогиям как способу постижения сути современных событий (44,7 % респондентов согласились с тем, что параллели с прошлым «безусловно могут» помогать ориентироваться в настоящем, 54,1 % сочли, что это зависит от ситуации, и лишь 1,2 % однозначно заявили, что исторические аналогии «не могут» поспособствовать ориентации в настоящем). Симптоматично, что подавляющему большинству (85 %) опрошенных доводилось прибегать к историческим аргументам, рассуждая о текущих политических событиях (например, в ходе интернет-дискуссий). Кроме того, молодые люди, декларирующие поддержку консервативных ценностей, как оказалось, пользуются более широким спектром исторических параллелей, в то время как наиболее критично к историческим аналогиям относятся политически индифферентные респонденты¹⁹⁴.

Третий вопрос, рассматриваемый в русле «когнитивных» подходов, связан с выбором конкретной прецедентной ситуации. Ответ на него частично дает так называемая «эвристика доступности», согласно которой при осуществлении выбора в ситуации неопределенности, при прочих равных, предпочтение всегда будет отдано альтернативе, в пользу которой человеку проще найти в памяти подтверждающие примеры¹⁹⁵. Однако, как отмечал еще Ю.Ф. Хонг, у каждого политика существует свой спектр аналогий, которым его пространство выбора

¹⁹⁴ Исследовательский проект «Исторические аналогии как фактор восприятия политической реальности в молодежной среде» (руководитель д.и.н., проф. А.Ю. Шутов) выполнен при поддержке РФФИ и АНО «ЭИСИ» (№ 19-011-33046/19). Опрос проводился методом онлайн-анкетирования в период с 3 по 25 марта 2020 г. Объем выборки — 2 800 чел. Ее «ядро» составили студенты бакалавриата (80,6 %) в возрастном диапазоне 16–24 года (85,7 %). Гендерное соотношение: 64,7 % — женщины; 35,3 % — мужчины. Региональная дифференциация (19,7% — Москва, 18,4 % — Санкт-Петербург, 61,9 % — другие регионы). Подробнее см.: Беклямишев В.О., Стоцкий А.С., Никитин В.Ю. Исторические аналогии в современном политическом дискурсе и в историческом сознании российской молодежи // Доклады Международной научно-практической конференции «История современности: информационные ресурсы, методы и исследовательские практики в России и за рубежом». М.: РГГУ, 2019. С. 51–57.

¹⁹⁵ Kahneman D., Tversky A. Availability: A Heuristic for Judging Frequency and Probability // Cognitive Psychology. 1973. Vol. 5. P. 230.

ограничивается¹⁹⁶. При этом данные спектры «варьируются от отрывочной информации до подробных, глубоких знаний»¹⁹⁷.

Поскольку исторические представления лиц, принимающих решения, внутренне неоднородны, С. Макдональд предложил разделять исторические аналогии на «выученные» («learned»), то есть отсылающие к событиям, которые произошли задолго до того, как лицо, принимающее решение, начало принимать участие в политической жизни; «наблюдаемые» («observed»), то есть отсылающие к событиям, произошедшим недавно, но в которых лицо, принимающее решение, не участвовало непосредственно, и, наконец, «личные», то есть основанные на индивидуальном опыте¹⁹⁸.

Хотя долгое время было принято полагать, что те исторические события, в которых политик принимал личное участие, будут более доступны для проведения сравнения¹⁹⁹, недавние исследования показали, что большая часть аналогий, используемых лицами, принимающими решения, опирается не на события их личного прошлого, а на прецедентные ситуации из коллективной памяти²⁰⁰. Упомянувшийся Р. Джарвисом «эффект близости», согласно которому человек с большей вероятностью будет проводить аналогии с недавними историческими событиями, также оказывает влияние не всегда (влияет лишь в ситуации неопределенности, когда процесс проведения аналогий спонтанный, однако на более поздних этапах, когда осуществляется выработка стратегии, начинают использоваться более сложные параллели)²⁰¹.

Поскольку проведение исторической аналогии часто является не столько целерациональным, сколько спонтанным актом, психологически облегчающим

¹⁹⁶ Khong Y. *Analogies at War: Korea, Munich, Dien Bien Phu, and the Vietnam Decisions of 1965*. NJ: Princeton. 1992. P. 55.

¹⁹⁷ Vertzberger Y. I. Foreign policy decision-makers as practical-intuitive historians: applied history and its shortcomings // *International Studies Quarterly*. 1986. Vol. 30. Issue 2. P. 233.

¹⁹⁸ Macdonald S. *Rolling the Iron Dice: Historical Analogies and Decisions to Use Military Force in Regional Contingencies*. London: Greenwood Publishing Group. 2000. P. 5.

¹⁹⁹ Crawford N. C. The Passion of World Politics: Propositions on Emotions and Emotional Relationships // *International Security*. 2000. Vol. 24. Issue 2. P. 145.

²⁰⁰ Dyson St., Preston T. Individual Characteristics of Political Leaders and the Use of Analogy in Foreign Policy Decision Making // *Political Psychology*. 2006. Vol. 27. Issue 2. P. 283.

²⁰¹ Prémont K., David Ch.-Ph., Boucher V. The Clash of Historical Analogies and Their Influence on Decision-Making: The Case of Iraqi Reconstruction Under George W. Bush // *Diplomacy & Statecraft*. 2018. Vol. 29. Issue 2. P. 318.

принятие решений или способствующим уменьшению когнитивного диссонанса²⁰², логично предполагать, что лица, принимающие решения, будут «психологически мотивированы искать определенные аналогии, например, те, которые согласуются с их другими убеждениями или удовлетворяют эмоциональным потребностям»²⁰³.

В этой связи отдельно следует остановиться на рассмотрении тех кейсов, в которых параллели с «прошлым» не только предсказывали вероятность успеха определенной политики, но и оценивали ее «моральную правоту»²⁰⁴. Стремление политических акторов позиционировать себя как моральных субъектов, побуждает их табуировать нежелательные аналогии — прежде всего при обсуждении тех решений, целесообразность которых не подлежит пересмотру. Например, при подготовке вторжения в Северный Вьетнам советники президента Л. Джонсона последовательно отвергали параллель с прецедентом в Дьенбьенфу, так как, в случае признания ее релевантности, Соединенные Штаты уподоблялись бы Франции — колониальной державе, подавляющей освободительную войну, что «поставило бы под сомнение моральную правоту ранее выбранного курса»²⁰⁵.

Американским социальным психологам С. Дайсону и Т. Престону удалось установить более глубокую связь между индивидуальными характеристиками политических лидеров и применяемыми ими аналогиями. Рассмотрев такие переменные, как «концептуальная сложность» и «политический опыт», исследователи проанализировали их влияние на утонченность («sophisticated») используемых параллелей и выбор сферы-источника.

Под «концептуальной сложностью» политика понималась его внимательность к поступающим сигналам, а также то, в какой степени ему требуется информация при принятии решений (лидеры с меньшей концептуальной

²⁰² Vertzberger Y. I. Foreign policy decision-makers as practical-intuitive historians: applied history and its shortcomings // *International Studies Quarterly*. 1986. Vol. 30. Issue 2. P. 227.

²⁰³ Kaarbo J., Kenealy D. Precedents, parliaments, and foreign policy: historical analogy in the House of Commons vote on Syria // *West European Politics*. 2017. Vol 40. Issue 1. P. 69.

²⁰⁴ Tierney D. Pearl harbor in reverse: moral analogies in the Cuban missile crisis // *Journal of Cold War Studies*. 2007. Vol. 9. Issue 3. P. 50.

²⁰⁵ Ghilani D., Luminet O., Flassbeck C., etc. Looking forward to the past: An interdisciplinary discussion on the use of historical analogies and their effects // *Memory Studies*. 2017. Vol. 10. P. 279.

сложностью действуют на основе сравнительно стабильного набора убеждений, воспринимая поступающую информацию избирательно)²⁰⁶.

В свою очередь, «утонченность» аналогий рассматривалась как «результатирующая» трех параметров:

- предполагает ли параллель абсолютное сходство между сферой-источником и сферой-мишенью (не «утонченная» аналогия) или между ними остается некая когнитивная дистанция?
- предпринимаются ли попытки точно определить, в каких аспектах нынешнее событие похоже на предшествующее или же таких попыток не предпринимается?
- основано ли сравнение на поверхностном сходстве (две страны из одного региона) — или же на более глубоком структурном сходстве?²⁰⁷

На наш взгляд, неудивительно, что большая часть аналогий, проведенных политиками с низкой степенью «концептуальной сложности», оказались простыми, в то время как лица с высокой степенью «концептуальной сложности» использовали более «утонченные» параллели. Однако примечательно, что если политики с низкой степенью «концептуальной сложности», как правило, опирались на опыт собственного поколения, то лидеры с высокой степенью «концептуальной сложности» могли проводить аналогии и с более отдаленными во времени периодами²⁰⁸.

Еще одно обстоятельство, на которое редко обращают внимание представители «когнитивных» подходов, связано с тем, что коллективная память общества тоже неоднородна: «Люди разных полов, классов, национальностей и религиозных верований могут считать некоторые исторические события более важными, чем другие»²⁰⁹. Соответственно, политических лидеров, кадровых дипломатов или военных, использующих исторические аналогии, тоже можно

²⁰⁶ Dyson St., Preston T. Individual Characteristics of Political Leaders and the Use of Analogy in Foreign Policy Decision Making // *Political Psychology*. 2006. Vol. 27. Issue 2. P. 267.

²⁰⁷ Op. cit. P. 270.

²⁰⁸ Op. cit. Pp. 265–288.

²⁰⁹ Lee F.L., Chan J.M., Leung D.K. When a historical analogy fails: Current political events and collective memory contestation in the news // *Memory Studies*. 2019. Vol. 12 Issue 2. P. 133.

рассматривать «как причастных к определенной культуре памяти, очень специфическому “мнемоническому сообществу” со своими собственными традициями, рамками и способами мышления, речи и действий»²¹⁰.

Ответ на вопрос о том, какая сфера-источник окажется предпочтительной для проведения аналогии, может зависеть не только от структуры коллективной памяти сообщества, к которому принадлежит индивид, но и от его поколенческой принадлежности²¹¹. Описывая поколение как социологическую «квази-категорию», К. Мангейм указывал, что для формирования индивидуального сознания «очень важно, какому опыту случилось произвести важнейшие «первые впечатления», «детские переживания», а какой последующий образовал его второй, третий и т. д. «слои»...»²¹². Иными словами, для представителей разных поколений эмоциональная значимость событий будет различаться.

Это подтверждается результатами исследования американских социологов Г. Шумана и Ч. Ригела, рассмотревших влияние исторических аналогий «Вьетнам» и «Мюнхен» (применительно к оценке участия США в ирако-кувейтском конфликте) на представителей старшей и средней возрастных когорт. Первые, опираясь на «мюнхенский» прецедент, были более склонны поддерживать американское вооруженное вмешательство, нежели вторые, чаще проводившие аналогию со Вьетнамом²¹³.

Позднее военный теоретик Дж. Рекорд, проанализировавший исторические аналогии, использовавшиеся американским истеблишментом при выработке стратегии применения силы в разных внешнеполитических ситуациях (от войны в Корее до операций НАТО в Сербии), обратил внимание на те же два базовых прецедентных события: «мюнхенский сговор» 1938 г. и участие США в войне с Северным Вьетнамом. Он связывал рост и упадок влиятельности соответствующих

²¹⁰ Batteau J., Princen S., Rigney A. Lessons from the past? Cultural memory in Dutch integration policy // *European Journal of Political Research*. 2018. Vol. 57. P. 745.

²¹¹ Khong Y. *Analogies at War: Korea, Munich, Dien Bien Phu, and the Vietnam Decisions of 1965*. NJ: Princeton University Press. 1992. P. 56.

²¹² Мангейм К. Проблема поколений [Электронный ресурс]. – URL: <http://soc.gaugn.ru/biblio/mangeim.pdf> (дата обращения: 25.01.2022).

²¹³ Schuman H., Rieger C. Historical analogies, generational effects, and attitudes toward war // *American Sociological Review*. 1992. Vol. 57. Pp. 315–326.

исторических аналогий с доминированием представителей одного из двух поколений на руководящих военных и политических постах²¹⁴.

Некоторые исследователи отмечают, что при прочих равных аналогии из истории собственной страны рассматриваются как более релевантные²¹⁵, однако, на наш взгляд, медиатизация современной политики и культурная глобализация привели к существенному снижению значимости этого обстоятельства. Сегодня коллективная память «закреплена в различных платформах»²¹⁶, таких как онлайн-энциклопедии, в связи с чем практически все исторические события оказываются в равной степени доступны пользователю и могут быть актуализированы «щелчком мыши». На это указывает выявленная ранее корреляция между появлением в СМИ новостей об авиакатастрофах и соответствующими «всплесками» пользовательских обращений к статьям «Википедии», посвященным аналогичным случаям²¹⁷.

Не разделяя уверенности отдельных исследователей в том, что возросшая «доступность исторических аналогий» может «изменить восприятие самого будущего, сделав его более предсказуемым»²¹⁸, полагаем, вместе с тем, что переход к глобальной культуре памяти уже во многом произошел, поэтому репертуары основных исторических аналогий в «национальных» политических дискурсах во многом схожи (см. § 3.1).

Фундаментальной проблемой «когнитивного» подхода, на наш взгляд, является тесная переплетенность «когнитивных» и не-когнитивных функций исторических аналогий. Использование одной и той же параллели на разных этапах принятия решения может служить для (1) определения ситуации; (2) определения роли субъекта в международной системе; (3) определения стратегии и (4)

²¹⁴ Record J. *Making War, Thinking History: Munich, Vietnam and presidential use of force from Korea to Kosovo*. Annapolis: Naval Institute Press. 2002. 201 p.

²¹⁵ Prémont K., David Ch.-Ph., Boucher V. *The Clash of Historical Analogies and Their Influence on Decision-Making: The Case of Iraqi Reconstruction Under George W. Bush* // *Diplomacy & Statecraft*. 2018. Vol. 29. Issue 2. P. 318.

²¹⁶ Lee F.L., Chan J.M., Leung D.K. *When a historical analogy fails: Current political events and collective memory contestation in the news* // *Memory Studies*. 2019. Vol. 12 Issue 2. P. 133.

²¹⁷ García-Gavilanes R., Mollgaard A., Tsvetkova M., Yasseri T. *The memory remains: Understanding collective memory in the digital age* // *Science Advances*. 2017. Vol. 3 Issue 4 [online]. — URL: <https://advances.sciencemag.org/content/3/4/e1602368> (accessed: 25.01.2022).

²¹⁸ Ghilani D., Luminet O., Flassbeck C., etc. *Looking forward to the past: An interdisciplinary discussion on the use of historical analogies and their effects* // *Memory Studies*. 2017. Vol. 10. P. 280.

обоснования стратегии²¹⁹. Речь идет о случаях принятия решений в группе: хотя некоторыми исследователями утверждается, что в ситуациях высокой неопределенности «лицо, принимающее решения (даже в составе группы), является субъектом, ответственным за оценку данных и принятие решения о предпочтительном курсе действий»²²⁰, на практике роль альтернативных мнений, возникающих при групповом обсуждении, может оказаться решающей.

Возможность критического обсуждения исторической аналогии важна по меньшей мере тем, что не позволяет ни одной из интерпретаций «закрепиться» в качестве господствующей — столкновение различных толкований аналогии «смягчает ее предписывающее воздействие»²²¹. Например, когда в 1968 г. президент Л. Джонсон и его советники вырабатывали стратегию освобождения экипажа американского эсминца «Пуэбло», который был захвачен Северной Кореей во время разведывательной миссии, в процессе обсуждения возникали самые различные аналогии, что позволило собрать решение возникшей проблемы «как если бы собирали головоломку»²²². Если же, при определенных обстоятельствах, члены группы, находясь в процессе обсуждения, все же оказались под влиянием одной и той же исторической аналогии, то, вероятнее всего, причинами стали общий исторический опыт или же ощущаемая внутри группы «потребность в консенсусе»²²³.

Отметим, что анализ процесса принятия политического решения на уровне группы побуждает «разбивать эпизод принятия решений на различные компоненты», поскольку, как правило, в нем участвуют несколько действующих лиц, которые последовательно проходят нескольких «точек принятия решений»²²⁴. Например, реконструируя процесс выработки политики США по восстановлению

²¹⁹ Vertzberger Y. I. Foreign policy decision-makers as practical-intuitive historians: applied history and its shortcomings // *International Studies Quarterly*. 1986. Vol. 30. Issue 2. P. 225.

²²⁰ Saltzman I. Z. Making war, thinking history: David Ben-Gurion, analogical reasoning and the Suez Crisis // *Israel Affairs*. 2016. Vol. 22. Issue 1. P. 46.

²²¹ Prémont K., David Ch.-Ph., Boucher V. The Clash of Historical Analogies and Their Influence on Decision-Making: The Case of Iraqi Reconstruction Under George W. Bush // *Diplomacy & Statecraft*. 2018. Vol. 29. Issue 2. P. 318.

²²² Houghton D. Spies and Boats and Planes: An Examination of U.S. Decision-Making during the Pueblo Hostage Crisis of 1968 // *Journal of Cold War Studies*. 2015. Vol. 17. Issue 4. Pp. 4–40.

²²³ Vertzberger Y. I. Op. cit. P. 232.

²²⁴ Houghton D.P. Historical analogies and the cognitive dimension of domestic policymaking // *Political Psychology*, 1998. Vol. 19. Issue 2. P. 295.

оккупированного Ирака, К. Премонт, Ч. Дэвид и В. Буше разделили его на четыре периода (в основе деления лежала смена ответственных за выработку политики)²²⁵ и выделили пять групп лиц, принимавших решения, которые находились в отношениях конкуренции друг с другом. По мере смены этапов выработки политики менялись как используемые аналогии, так и позиции этих групп. В этой связи К. Премонтом, Ч. Дэвидом и В. Буше было справедливо замечено, что воздействие аналогий — от их выбора до их воздействия — «богаче и сложнее, чем кажется на первый взгляд»²²⁶.

Резюмируя, отметим, что «когнитивные» подходы рассматривают исторические аналогии в качестве одного из факторов, оказывающих влияние на принятие политических решений. При этом они разделяются на нормативный и «когнитивно-дескриптивный» подходы (психологический и исторический). Первый призван выработать правила оптимального принятия решений по аналогии, а второй описывает процессы мышления по аналогии на практике.

К преимуществам «когнитивной» исследовательской оптики следует отнести тот факт, что историческая аналогия рассматривается в ней как «независимая переменная», позволяющая объяснять поведение политических акторов в кризисных ситуациях. Вывод о том, что некое политическое решение было принято с опорой на исторический прецедент, комплементарно сопрягается с другими выводами, полученными на более высоких уровнях анализа международных отношений.

С другой стороны, большая часть теоретических наработок, сформулированных в рамках «когнитивно-нормативного» подхода, по сути дублирует выводы о построении аналогий, уже известные из формальной логики. Проблемой «когнитивно-дескриптивных» подходов, в свою очередь, является недостаточная верифицируемость их выводов. Даже однозначное подтверждение

²²⁵ Prémont K., David Ch.-Ph., Boucher V. The Clash of Historical Analogies and Their Influence on Decision-Making: The Case of Iraqi Reconstruction Under George W. Bush // *Diplomacy & Statecraft*. 2018. Vol. 29. Issue 2. P. 301.

²²⁶ *Op. cit.* P. 318.

того, что лицо, принимающее решение, находилось под влиянием исторической аналогии, не дает оснований утверждать, что на него одновременно не оказывали влияния другие, в том числе неизвестные исследователю, обстоятельства. Ситуация осложнена и тем, что при анализе случаев принятия решения в группе чрезвычайно сложно определить, когда историческая аналогия использовалась «когнитивно», а когда представляла собой убеждающий прием²²⁷.

§ 2.2. Исторические аналогии в контексте политической коммуникации

2.2.1. Коммуникативные подходы

Вплоть до окончания «холодной войны» наибольший интерес исследователей привлекали именно «когнитивные» аналогии, однако уже в первой половине 1990-х гг. медиатизация политики сместила центр внимания к коммуникативным функциям параллелей с прошлым. Исторические аналогии стали рассматриваться не в качестве «дорожных карт», а как «риторические ресурсы» или «символические резервы»²²⁸, способные «влиять на дискурс и задавать параметры дискуссии»²²⁹. Предполагалось, что политические акторы, стремясь установить «интерпретирующее доминирование», то есть добиться «широкого признания собственной характеристики конкретного вопроса», активно продвигают одни параллели с прошлым и стараются дискредитировать другие²³⁰. Американские политологи А. Тейлор и Дж. Рурк, изучавшие репертуар аналогий, проводившихся конгрессменами на дебатах о вмешательстве США в иракско-кувейтский конфликт (1990–1991 г.), назвали данный способ их использования «стратегическим»²³¹.

²²⁷ Rosenfeld G. D. Who was “Hitler” before Hitler? Historical analogies and the struggle to understand Nazism, 1930–1945 // *Central European History*. 2018. Vol. 51. Issue 2. P. 253.

²²⁸ Augoustinos M. History as a rhetorical resource: Using historical narratives to argue and explain. / *How to analyse talk in institutional settings: A casebook of methods*. London: Continuum. 2001. Pp. 135–145; Hilton D.J., Liu J.H. History as the narrative of a people: From function to structure and content // *Memory Studies*. 2017. Vol. 10. Issue 3. Pp. 297–309.

²²⁹ Kaarbo J., Kenealy D. Precedents, parliaments, and foreign policy: historical analogy in the House of Commons vote on Syria // *West European Politics*. 2017. Vol 40. Issue 1. P. 70.

²³⁰ Stuckley M.E., Antczak F.J. The Battle of Issues and Images: Establishing Interpretive Dominance // *Communication Quarterly*. Vol. 42. Issue 2. Pp. 120–132.

²³¹ Taylor A., Rourke J.T. Historical Analogies in the Congressional Foreign Policy Process // *The Journal of Politics*. 1995. Vol. 57. Issue 2. Pp. 460–468.

В основе коммуникативных подходов лежит тезис о том, что исторические аналогии способны «активировать сознательные и подсознательные, рациональные и эмоциональные реакции»²³², причем само воздействие оказывается «периферийным способом»²³³. Первый эксперимент, призванный это подтвердить, провел социальный психолог Т. Гилович в 1981 г. Студентам Стэнфордского университета, изучающим политические науки, было предложено дать рекомендации по разрешению гипотетического международного конфликта (вопрос был сформулирован следующим образом: «как надлежит реагировать США в случае нападения агрессивной страны на малую демократическую страну?»). При этом первой группе предлагалось ознакомиться с текстовым описанием этого кризиса, который раскрывался через аналогию с мюнхенским соглашением 1938 г., второй группе — через аналогию с неудачной интервенцией США во Вьетнам, а третьей группе — без исторических аналогий. Результаты продемонстрировали, что студенты, анализировавшие гипотетический кризис через призму аналогии с «мюнхенским сговором», дали, в среднем, более «агрессивные» рекомендации по его разрешению, нежели те, кто прочитал текст без исторических аналогий или с отсылками ко вторжению во Вьетнам²³⁴.

Отметим, что само по себе означивание события посредством исторической аналогии «не побуждает общественность становиться значительно более благосклонной... а также существенно не меняет моральных суждений о жертвах или преступниках»²³⁵. Приоритет «лабораторных» психологических методов, применяемых при изучении восприятия исторических аналогий, зачастую не дает оценить влияние внешних, институционально обусловленных факторов. На это указывают результаты исследования, посвященного восприятию исторической аналогии между африканскими беженцами, ищущими убежища в Израиле, и европейскими евреями во время Холокоста. Результаты репрезентативного опроса,

²³² Edelman M. J. *Constructing the Political Spectacle*. Chicago: University of Chicago Press. 1988. Pp. 103–104.

²³³ Ghilani D., Luminet O., Flassbeck C., etc. Looking forward to the past: An interdisciplinary discussion on the use of historical analogies and their effects // *Memory Studies*. 2017. Vol. 10. P. 281.

²³⁴ Gilovich, T. Seeing the past in the present: The effect of associations to familiar events on judgments and decisions // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1981. Vol. 40. Issue 5. Pp. 797–808.

²³⁵ Valentino B.A., Weinberg E.M. More than words? “Genocide,” Holocaust analogies, and public opinion in the United States // *Journal of Human Rights*. 2017. Vol. 16. Issue 3. Pp. 276–292.

проводившегося на протяжении нескольких дней, продемонстрировали, что респонденты, опрошенные 27 января (в Международный день памяти жертв Холокоста), соглашались с параллелью чаще, чем опрошенные в другие дни²³⁶.

Ответ на вопрос о соотношении «когнитивных» и «стратегических» функций исторических аналогий во многом зависит от коммуникативной ситуации. Например, в ходе закрытого совещания, где группой лиц вырабатывается коллективное решение, оправданно допускать вероятность паритетного соотношения «когнитивных» и «стратегических» функций проводимых участниками параллелей с прошлым. Нередко после того, как лицо, принимающее решение, выработало предпочтительную стратегию с опорой на исторический прецедент, та же аналогия начинает использоваться им уже в целях обоснования соответствующего курса. С другой стороны, следует учитывать, что в рамках публичного дискурса, например дебатов, проведение исторических аналогий, как правило, диктуется стремлением не убедить оппонента, а спровоцировать его²³⁷.

Чтобы четче демаркировать «когнитивные» и «стратегические» аналогии, политологом С. Макдональдом был выработан ряд практических рекомендаций. Во-первых, для принятия решений будут использоваться скорее исторические аналогии, основанные на личном опыте (хотя достоверно подтвердить это в каждом конкретном случае не представляется возможным). Во-вторых, если представления о прошлом, на которые опирается аналогия, слишком сильно отличаются от «общепринятых», значит, скорее всего, образ прошлого целенаправленно «конструируется» под уже принятое решение. В-третьих, если участники дискуссии, разделяющие разные взгляды, постоянно возвращаются к одной и той же исторической аналогии, причем она интерпретируется ими в сходном ключе (и, тем более, если она позволяет переубедить одну из сторон), то данная аналогия является «когнитивной». В-четвертых, если репертуар исторических аналогий, используемых в частном порядке (например, в стенограммах рабочих совещаний),

²³⁶ Ariely G. Historical analogies under dispute: Reactions of Israeli Jews to analogies between the Holocaust and the plight of African asylum seekers in Israel // *Memory Studies*. 2020. doi: 10.1177/1750698020907942.

²³⁷ Hoffmann M. Zwischen Kyffhauser Und Vogelschiss: Rechtspopulisten Forcieren Ein Vergessenes Bild // *Angewandter Geschichte*. 2019. Vol. 8. Issue 3. P. 140.

отличается от репертуара используемых на публике (в интервью, официальных выступлениях), то, скорее всего, первые являются «когнитивными», а вторые — инструментальными²³⁸.

На протяжении долгого времени коммуникативные подходы рассматривались как внутренне однородное исследовательское направление²³⁹, однако, на наш взгляд, следует разделить это проблемное поле на два непересекающихся сегмента.

В рамках **первого** изучаются коммуникативные ситуации, предполагающие взаимодействие акторов «лицом к лицу» (источниковой базой таких работ, как правило, являются стенограммы парламентских дебатов). Интерес для исследователей, анализирующих эти случаи, представляют примеры оспаривания исторических аналогий, то есть попытки «определения или закрепления смысла как настоящего, так и прошлого»²⁴⁰. Например, в ходе дебатов в Палате общин по вопросу об отправке британского военного контингента в зону конфликта на территории Ирака и Сирии (в 2016 г.), парламентарии, выступившие против этого решения, использовали параллель со вторжением международной коалиции в Ирак (в 2003 г.). При этом между оппонирующими сторонами не прекращалась «борьба за то, как следует толковать уроки Ирака и уместно ли вообще использовать его в качестве исторической аналогии»²⁴¹.

Второй сегмент проблемного поля охватывает случаи использования исторических аналогий в контексте массовой коммуникации (вопрос о роли исторических аналогий в медиадискурсе будет подробнее рассмотрен в § 3.1). В отличие от конструктивистских подходов, речь о которых также пойдет позже, эти исследования опираются на социологическую методологию и оценивают эффективность воздействия параллелей с прошлым на широкую аудиторию. Опросы, проводившиеся на репрезентативных выборках, свидетельствуют об

²³⁸ Macdonald S. *Rolling the Iron Dice: Historical Analogies and Decisions to Use Military Force in Regional Contingencies*. London: Greenwood Publishing Group. 2000. Pp. 10–12.

²³⁹ См. напр.: Brändström A., Bynander F., Hart P. *Governing by Looking Back: Historical Analogies and Crisis Management* // *Public administration*. 2004. Vol. 82. Issue 1. P. 193.

²⁴⁰ Paris R. *Kosovo and the Metaphor War* // *Political Science Quarterly*. 2002. Vol. 117. Issue 3. P. 426.

²⁴¹ Kaarbo J., Kenealy D. *Precedents, parliaments, and foreign policy: historical analogy in the House of Commons vote on Syria* // *West European Politics*. 2017. Vol 40. Issue 1. P. 73.

определенной степени воздействия исторических аналогий на политические установки и стереотипы. Таким путем, в частности, было подтверждено, что аналогия между голландской партией «Национал-социалистическое движение» времен Второй мировой войны и современной крайне правой партией «Партией за Свободу» способствовала делегитимации последней и снижению уровня ее электоральной поддержки²⁴². Другой пример приведен в исследовании современного немецкого правого дискурса. Как отмечает М. Хоффман, парламентарии от партии «Альтернатива для Германии» в своей риторике «не особо завуалированно» сравнивают нынешний политический баланс сил в ФРГ с национал-социалистической диктатурой, отождествляя себя с национал-консервативным Сопротивлением, устроившим попытку антигитлеровского переворота 20 июля 1944 г., дабы встроить свои «маргинальные» идеологические позиции в гегемонистский дискурс и, тем самым, легитимировать их в публичном поле²⁴³.

Проанализировав избирательную кампанию 2017 г. в Аргентине (в ходе которой лидеры оппозиции сравнивали «исчезновения» активных протестующих с массовым похищением людей, практиковавшимся военным режимом в 1978–1983 гг.), политические психологи М. Чаинская и С. Макгартти показали, что восприятие этих двух периодов как схожих привело к формированию идентификации респондентов со сторонниками оппозиции и разотождествлению с правительством Аргентины. По мнению исследователей, коллективно-разделяемые аналогии могут рассматриваться как триггеры участия в протестных действиях лишь в той мере, в какой индивиды (1) эмоционально реагируют на несправедливость, (2) верят в эффективность своей группы и (3) определяют себя в социальных категориях групп, которые противостоят несправедливости и, следовательно, готовы действовать от их имени. Проведенный ими эксперимент показал, что хотя историческая аналогия способна «помочь» категоризировать

²⁴² Smeekes A., Van Acker K., Verkuyten M., Vanbeselaere N. The legacy of Nazism: Historical analogies and support for the far right // *Social Influence*. 2014. Vol. 9. Issue 4. P. 301.

²⁴³ Hoffmann M. Zwischen Kyffhauser Und Vogelschiss: Rechtspopulisten Forcieren Ein Vergessenes Bild // *Angewandter Geschichte*. 2019. Vol. 8. Issue 3. P. 146.

«жертв» и «преступников», она в гораздо меньшей степени влияет на чувство групповой эффективности²⁴⁴.

2.2.2. Конструктивистские подходы

В основу социального конструктивизма, который можно рассматривать как совокупность теорий, образующих широкое и внутренне неоднородное исследовательское направление, положен тезис о том, что акторы используют язык не столько для описания реальности, сколько для построения ее моделей, которые впоследствии воспринимаются ими как «объективные». С этой точки зрения параллели с прошлым способствуют «мобилизации социальной идентичности и легитимации определенных политических стратегий»²⁴⁵. Выбор конструктивистской оптики предполагает перенос внимания с индивидуальных субъектов, использующих исторические аналогии, на обстоятельства, позволяющие параллелям с прошлым обретать свойства «лексики исторических отношений»²⁴⁶, «универсального кода»²⁴⁷ или «исторического языка»²⁴⁸.

Примером исследования, выполненного в конструктивистском ключе, служит работа британского социального психолога С. Гибсона, обратившего внимание на историческую аналогию между участием Великобритании во Второй мировой войне и присутствием британского военного контингента в Ираке. Частота встречаемости этой параллели в политических телепередачах навела исследователя на мысль о том, что аналогия хорошо считывается аудиторией. Гибсон предположил, что в основе этой параллели лежат сложившиеся представления британцев о Второй мировой войне как о «хорошей войне», которые, в свою очередь, являются «частью культурной системы, которая поддерживает насилие»²⁴⁹.

²⁴⁴ Chayinska M., McGarty C. The Power of Political Déjà Vu: When Collective Action Becomes an Effort to Change the Future by Preventing the Return of the Past // *Political Psychology*. 2021. Vol. 42. Issue 2. P. 203.

²⁴⁵ Kirkwood S. History in the service of politics: constructing narratives of history during the European refugee «crisis» // *Political Psychology*, 2019. Vol. 40, № 2. P. 309.

²⁴⁶ Gong G. The beginning of history: Remembering and forgetting as strategic issues // *The Washington Quarterly*. 2001. Vol. 24. Issue 2. P. 53.

²⁴⁷ Levy D., Sznajder N. *Human Rights and Memory*. University Park: The Pennsylvania State University Press. 2010. P. 4

²⁴⁸ Finney P. On Memory, Identity and War // *Rethinking History*. 2002. Vol. 6. Issue 1. P. 2.

²⁴⁹ Gibson S. History in action: the construction of historical analogies in televised debates concerning the Iraq war // *Papers on Social Representations*. 2012. Vol. 21. Issue 2. P. 26.

В небольшой статье, посвященной использованию аналогии с Холокостом в контексте дебатов об уместности вмешательства НАТО в балканский кризис 1999 г., греческим политологом Д.Э. Акривулисом демонстрируется, что данная параллель выполняла в рассматриваемый период все три функции идеологии по П. Рикеру, а именно «интеграцию», «легитимацию» и «искажение». Во-первых, параллель с Холокостом укрепила позиции президента Б. Клинтона, обеспечив максимально широкий консенсус при принятии решения о вторжении как в Сенате, так и в Палате представителей, а также помогла создать общую основу для согласованных действий с европейскими союзниками по НАТО. Во-вторых, данная историческая аналогия поспособствовала легитимации вмешательства на новой этической основе, выходящей за рамки легитимности, определенной Уставом ООН. Д.Э. Акривулис подчеркивал, что «между претензиями и верой в легитимность этого процесса существовал пробел, который необходимо было заполнить». Именно параллель с Холокостом восполнила этот пробел, обеспечив уверенность в законности военного вмешательства, понимаемого теперь как выполнение морального обязательства, взятого на себя международным сообществом после окончания Второй мировой войны²⁵⁰. Одновременно ею же была узаконена исключительность юрисдикции американских судов в отношении военных преступлений, совершенных военнослужащими США во время операции против Сербии²⁵¹. Наконец, в рамках третьей, «искажающей», функции историческая аналогия с Холокостом определила рамку разрешения конфликта через силу, обусловила формирование «черно-белого» восприятия политики Сербии, что привело к существенному ограничению выбора вариантов политики США, неспособности понять всю сложность межэтнической ситуации в регионе²⁵².

Целый ряд авторов, опирающихся на методологию критического дискурса-анализа, интерпретируют использование исторических аналогий как следствие отсутствия у угнетаемых групп собственного языка описания их социального

²⁵⁰ Akrivoulis D.E. Metaphors Matter: The Ideological Functions of the Kosovo–Holocaust Analogy // *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*. 2015. Vol. 17. Issue 2. P. 227.

²⁵¹ Op. cit. P. 235.

²⁵² Op. cit. P. 228.

опыта: «Такие слова, как “оккупация”, не передают всю историю происходящего или недостаточно наглядно, поэтому известный пример — апартеид — используется для выражения того, что до сих пор было неслыханным...»²⁵³. Возвращаясь к операции НАТО в Сербии, отметим, что Белграду «было относительно просто представить сербов, подвергшихся смертоносным бомбардировкам с воздуха самолетами “Нацистской американской террористической организации”, как реальных жертв попытки геноцида со стороны фашистского агрессора»²⁵⁴.

Использование таких «символически нагруженных» аналогий может рассматриваться и как «ненасильственная стратегия сопротивления»²⁵⁵. Например, упоминавшаяся аналогия между политикой Израиля на оккупированных территориях и режимом апартеида в Южной Африке стала «оружием» палестинцев и серьезным вызовом для израильского правительства, которое целенаправленно боролось с этой исторической параллелью на протяжении многих лет²⁵⁶.

Интерпретация исторических аналогий как своеобразного «языка» побуждает обратить внимание на его «лексику», то есть спектр «прецедентных» исторических событий, чаще всего выполняющих функцию сфер-источников. В большинстве случаев речь идет о западоцентричных нарративах, позволяющих незападным обществам выражать свой опыт «на языках и с учетом нюансов западных культур»²⁵⁷. Примером служит использование исторической аналогии между Пограничной войной в ЮАР и вторжением США во Вьетнам. «Отчасти это следствие глобализации, которая делает американскую культурную память и исторический дискурс гегемонистскими», — отмечает Г. Бейнс. Вьетнамская война, в данном случае, это не просто означающее, «набор символов, отражающих формальную кодификацию американского опыта». Она является «скорее

²⁵³ Fischer N. Palestinian non-violent resistance and the Apartheid Analogy // *Interventions International Journal of Postcolonial Studies*. 2020. Vol. 23. Issue 2. P. 12.

²⁵⁴ Finney P. On Memory, Identity and War // *Rethinking History*. 2002. Vol. 6. Issue 1. P. 2.

²⁵⁵ Fischer N. Op. cit. P. 3.

²⁵⁶ См.: Pogrud B. *Drawing Fire: Investigating the Accusations of Apartheid in Israel*. New York: Rowmann & Littlefield. 2014. 360 p.

²⁵⁷ Fischer N. Palestinian non-violent resistance and the Apartheid Analogy // *Interventions International Journal of Postcolonial Studies*. 2020. Vol. 23. Issue 2. P. 11.

критерием сверки», опытом, специфика которого была «деконтекстуализирована и детерриториализована»²⁵⁸.

Не меньший интерес для исследования представляют те случаи, в которых исторические аналогии интерпретируются как перформативы (в терминологии Дж. Остина). Перформативные высказывания — это высказывания-действия, посредством которых субъекты коммуникации помещают себя в иную ситуацию, нежели та, что была до высказывания (так, отвечая «да» в ходе свадебной церемонии, жених и невеста тем самым меняют свой статус, становятся законными супругами)²⁵⁹. Американский политолог Г. Мэллард использовал данную методологию при изучении переговоров между израильскими и палестинскими экспертами по безопасности, проходивших в конце 2000-х гг.²⁶⁰. Чтобы снять главную преграду для диалога («хотя определение будущего регионального порядка, в котором каждая сторона нашла бы приемлемое место для себя, было ключом к нормализации их отношений, последнее было необходимо, прежде чем они могли участвовать в процессе формирования этого регионального порядка»)²⁶¹, сторонам было предложено вести переговоры о современном Ближнем Востоке в категориях средневековой Европы (на основании того факта, что оба случая можно рассматривать как «проблемные регионы»). Эта историческая аналогия работала не как «гипотеза» и не как убеждающий прием, а как «квазионтология», сохранявшая у экспертов ощущение, что «их дискуссия происходит в «пузыре приостановленного действия»... «как если бы» их обсуждение было не об их

²⁵⁸ Baines G. Vietnam analogies and metaphors: the cultural codification of South Africa's Border War // *Safundi*. 2012. Vol. 13. Issue 1-2. P. 88.

²⁵⁹ См. Крюкова И.В. Перформативное высказывание и перформативный глагол // *Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки*. 2009. № 4. С. 52–54.

²⁶⁰ Мадридская мирная конференция при участии представителей Израиля, Палестины и арабских стран проходила с 30 октября по 1 ноября 1991 г. по совместной инициативе США и СССР. Целью конференции было достижение в течение года соглашений о временном урегулировании арабо-израильского конфликта. Конференция не достигла целей, но положила начало тайным двусторонним израильско-палестинским переговорам, приведшим к подписанию соглашений в Осло. Консультации продолжались до начала 2010-х гг. См.: Mallard G. From Europe's past to the Middle East's future: The constitutive purpose of forward analogies in international security // *American Journal of Cultural Sociology*. 2018. Vol. 6. Issue 3. P. 537.

²⁶¹ Mallard G. From Europe's past to the Middle East's future: The constitutive purpose of forward analogies in international security // *American Journal of Cultural Sociology*. 2018. Vol. 6. Issue 3. P. 538.

Ближнем Востоке, а о вымышленном Ближнем Востоке, отделенном от своего прошлого и присоединенном к прошлому другого региона»²⁶².

Социальный конструктивизм оказал серьёзное влияние на теорию международных отношений. Конструктивистская парадигма, сложившаяся вокруг понятия «культура международной среды» («совокупность социальных общностей, каждая из которых обладает собственными ценностными установками и исторической индивидуальностью»),²⁶³ возникла в ходе третьих «больших дебатов» в конце 1980-х гг., став ответом на экономический редукционизм неореализма и неолиберализма. Ее сторонников объединяет убежденность в том, что идентичность и интересы акторов следует рассматривать как «сконструированные в процессе социального взаимодействия»²⁶⁴.

Отмечаемая многими незавершенность процесса формирования конструктивизма в международных отношениях ставит нас перед выбором между несколькими конструктивистскими платформами²⁶⁵. Наиболее зримое противоречие на сегодняшний день сохраняется между американской традицией, ограничивающейся исследованием международных правил, и европейской традицией, обращающейся «к глубинной критике культуры»²⁶⁶. Поскольку «конструктивизм правил» будет подробно рассмотрен нами позднее (см. § 3.2), в этом параграфе приоритет отдан другим исследовательским подходам: «истории уроков» и теории «секьюритизации».

«История уроков» как исследовательское направление акцентирует взаимообуславливающую связь между историческим опытом, национальной идентичностью и национальными интересами. Предполагается, что нации «извлекают уроки из истории о своей роли, своем статусе, о том, какими

²⁶² Mallard G. From Europe's past to the Middle East's future: The constitutive purpose of forward analogies in international security // *American Journal of Cultural Sociology*. 2018. Vol. 6. Issue 3. P. 542.

²⁶³ Павленко О.В. Конструктивистский подход к исследованию международных отношений: возможности и пределы // *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения*. 2015. № 6 (149). С. 65.

²⁶⁴ Katzenstein P. *The culture of national security: norms and identity in world politics*. NY: Columbia University Press. 1996. P. 2.

²⁶⁵ Алексеева Т.А. Мыслить конструктивистски: открывая многоголосый мир // *Сравнительная политика*. 2014. № 1 (14). С. 5.

²⁶⁶ Алексеева Т.А., Минеев А.П., Лошкарев И.Д. и др. «Квантовый подход» к международным отношениям: научное издание. М.: АНО «Редакция журнала «Знание-сила», 2018. С. 46–47.

должны быть их устремления и чем они отличаются от других наций»²⁶⁷. Проведение исторической аналогии в таком случае — способ артикулировать идентичность, «определить и утвердить “нас”»²⁶⁸. Например, ссылка на «европейский 9/11», появившаяся в публичном дискурсе сразу после терактов в Мадриде и нападений на Charlie Hebdo в 2015 г., может рассматриваться как выражение самоидентификации: «Европейцы — это те, кто принадлежит европейской “цивилизации”, которую необходимо защищать от ее врагов»²⁶⁹. Историческая аналогия распространяла эту «общность ценностей» на все западные страны, формировала образ «коллективного Запада» (то же самое можно сказать и о параллели с крестовыми походами, которую неоднократно проводил Д. Буш после терактов 11 сентября)²⁷⁰.

Отметим, что сам автор понятия «история уроков», датский политолог М. Расмуссен, возводил агентность «коллективного Запада» к «уроку Версаля» — коллективно-разделяемой аналогии, позволившей создать новый мировой порядок после Второй мировой войны²⁷¹. По его мнению, «западный альянс по-прежнему определяется уроком Версаля, потому что этот урок определяет сами концепции мира и безопасности, которые Запад должен защищать»²⁷².

Со второй половины 1980-х гг. предметом междисциплинарных исследований стала ранее упоминавшаяся аналогия с Холокостом. После Второй мировой войны она начала играть важную роль во внутренней политике США²⁷³, способствуя делегитимации ряда дискриминационных практик, после чего стала определяющим фактором в процессе выработки внешнеполитических интересов Вашингтона²⁷⁴. По мере распространения новой глобальной культуры памяти,

²⁶⁷ Vertzberger Y. I. Foreign policy decision-makers as practical-intuitive historians: applied history and its shortcomings // *International Studies Quarterly*. 1986. Vol. 30. Issue 2. P. 227.

²⁶⁸ MacMillan M. *Dangerous Games: The Uses and Abuses of History*. NY: Random House. 2009. P. 53.

²⁶⁹ Ghilani D., Luminet O., Flassbeck C., etc. Looking forward to the past: An interdisciplinary discussion on the use of historical analogies and their effects // *Memory Studies*. 2017. Vol. 10. P. 279.

²⁷⁰ Angström J. Mapping the competing historical analogies of the war on terrorism the bush presidency // *International Relations*. 2011. Vol. 25. Issue 2. Pp. 224–242.

²⁷¹ Rasmussen M. The history of a lesson: Versailles, Munich, and the social construction of the past // *Review of International Studies*. 2003. Vol. 29. Issue 4. P. 511.

²⁷² Op. cit P. 519.

²⁷³ Александер Дж. Смыслы социальной жизни: Культурсоциология. М.: Изд. «Праксис». 2013. С. 215.

²⁷⁴ Desch M.C. The Myth of Abandonment: The Use and Abuse of the Holocaust Analogy // *Security Studies*. 2006. Vol. 15. Issue 1. P.111.

«политическая инструментализация Холокоста стала более интенсивной, чем когда-либо, и деконтекстуализированные сравнения с ним, особенно в средствах массовой информации, превратились в обыденное явление»²⁷⁵.

В основу аналогии с Холокостом положена т. н. «этика ответственности», проистекающая из «мифа об оставлении» («myth of abandonment»), согласно которому в 1930-е гг. США «закрывали глаза» на преступления против евреев, пытавшихся покинуть нацистскую Германию, из-за чего в итоге погибли почти 6 млн человек²⁷⁶. Как отмечают Д. Леви и Н. Шнайдер, именно «историческая память о прошлых неудачах в предотвращении нарушений прав человека стала первым механизмом, посредством которого институционализация идиомы прав человека и ее закрепление в праве за последние два десятилетия изменили суверенитет»²⁷⁷. Иными словами, аналогия с Холокостом стала частью проактивной американской внешнеполитической доктрины, обусловив «победу трансцендентальных ценностей над ценностями безопасности»²⁷⁸.

Другой взгляд на роль исторических аналогий при выработке внешнеполитических приоритетов предлагает т. н. «Копенгагенская школа» теории международных отношений. Ее центральное понятие — секьюритизация — обозначает целенаправленный процесс превращения рядовых политических, экономических или социальных вопросов в вопросы «безопасности», что позволяет впоследствии применять к ним экстраординарные средства. Многие авторы признают, что историческая память может как служить не только референтным объектом секьюритизации (то есть объектом, который необходимо защищать от «угрозы извне»), но и (в формате исторических аналогий) облегчать секьюритизацию иных сфер²⁷⁹. В данном случае речь прежде всего идет про «воспоминания о предыдущих войнах», которые способны упростить процесс

²⁷⁵ Droumpouki A. M. Trivialization of World War Two and Shoah in Greece: uses, misuses and analogies in light of the current debt crisis // *Journal of Contemporary European Studies*. 2013. Vol. 21. Issue 2. P. 190.

²⁷⁶ Desch M.C. The Myth of Abandonment: The Use and Abuse of the Holocaust Analogy // *Security Studies*. 2006. Vol. 15. Issue 1. P. 107.

²⁷⁷ Levy D., Sznajder N. *Human Rights and Memory*. University Park: The Pennsylvania State University Press. 2010. P. 4.

²⁷⁸ Davis J. W. Abusing the Holocaust Analogy? // *Security Studies*. 2006. Vol. 15. Issue 4. Pp. 706–712.

²⁷⁹ Jutila M. Securitization, history, and identity: Some conceptual clarifications and examples from politics of Finnish war history // *Nationalities Papers*. 2015. Vol. 43. Issue. 6. Pp. 927–943.

придания конкретным проблемам «экзистенциального» статуса²⁸⁰. Ссылаясь на прецедентные исторические события, субъект секьюритизации может использовать их, чтобы легитимировать использование экстраординарных средств, подобно тому, как это уже якобы «было» в прошлом.

Так, например, по мнению Р. Джеффри, секьюритизация проблемы «возвышения Китая» в западном внешнеполитическом дискурсе осуществляется посредством двух основных наборов аргументов, «оба из которых основаны на использовании исторических аналогий» (с Германией и СССР в XX веке)²⁸¹. В свою очередь, М. Макортых демонстрирует, как путем использования ссылок на прошлые международные кризисы осуществлялась секьюритизация гражданской войны в Сирии в российском политическом дискурсе²⁸². Стоит отметить, что в период украинского политического кризиса 2014–2015 гг. все стороны конфликта также активно ссылались на прецедентные события в прошлом, чтобы облегчить секьюритизацию необходимых им референтных объектов²⁸³.

Отмечается, что дискурс секьюритизации, чтобы достичь цели, должен «резонировать с существующими конструкциями, присутствующими в коллективной памяти»²⁸⁴. Условно говоря, проведение и считывание исторической аналогии можно описать как смену модусов восприятия прошлого с конструктивистского на эссенциалистский. На первом этапе субъектом секьюритизации осуществляется конструирование нарратива о некоем событии в прошлом, а затем — его проекция на некое событие в настоящем. Затем аудитория выводит нужный «урок» из, якобы, «объективного» исторического опыта. Собственно, убеждающая сила исторической аналогии объясняется как именно верой в «объективность» исторических событий²⁸⁵.

²⁸⁰ Buzan B., Wæver O., de Wilde J. *Security: A New Framework for Analysis*. London: Lynne Rienner Publishers. 1998. P. 60.

²⁸¹ Jeffery R. Evaluating the «China threat»: power transition theory, the successor-state image and the dangers of historical analogies // *Australian Journal of International Affairs*. 2009. Vol. 63. Issue 2. P. 311.

²⁸² Makhortykh M. Historical memory and securitisation of the Russian intervention in Syria // *International Politics*. 2020. Vol. 57. Pp. 1063–1081.

²⁸³ Makhortykh M. #NoKievNazi: Social media, historical memory and securitization in the Ukraine crisis / *Memory and Securitization in Contemporary Europe*. London, NY: Palgrave Macmillan. 2018. Pp. 219–247.

²⁸⁴ Gaufman E. Memory, media, and securitization: Russian media framing of the Ukrainian crisis // *Journal of Soviet and Post-Soviet Politics and Society*. 2015. Vol. 1. Issue 1. P. 143.

²⁸⁵ Edy J.A. Journalistic uses of collective memory // *Journal of Communication*. 1999. Vol. 49. Issue 2. P. 79.

В отличие от «когнитивных» и коммуникативных подходов, не уделяющих внимание этому аспекту, конструктивистская оптика проблематизирует основную «единицу» коллективной памяти, существование которой обуславливает саму возможность проведения исторических аналогий, — *событие*. Именно через конкретные события мы «систематически подходим к нашему прошлому, определяем и понимаем его»²⁸⁶. При этом событие может быть рассмотрено как «культурная конструкция, предполагающая мыслительный процесс, который отделяет определенное событие от более раннего прошлого и оценивает его влияние на последующий ход истории»²⁸⁷. Не секрет, что от того, каким образом сконструированы границы события, напрямую зависит его содержательная интерпретация. Сам процесс «конструирования событий» нередко оказывается идеологически обусловлен, а его результат играет «важную роль в процессах легитимации и пересмотра существующей политики»²⁸⁸.

Завершая обзор подходов, сосредоточенных на изучении исторических аналогий в контексте политической коммуникации, следует еще раз подчеркнуть различие между их коммуникативным и конструктивистским сегментами. Первые оценивают степень воздействия параллелей с прошлым на целевую аудиторию, а вторые описывают исторические аналогии как своего рода универсальный «политический язык». Соответственно, в первом случае исследователь концентрирует свое внимание на конкретной коммуникативной ситуации, а во втором случае — на самой структуре дискурса.

Отметим, что результаты ранее проведенных исследований не позволяют однозначно подтвердить способность исторических аналогий влиять на политические установки и стереотипы. В отдельных случаях такое влияние, безусловно, прослеживается, однако простое означивание оппонента или явления

²⁸⁶ Lee F.L., Chan J.M., Leung D.K. When a historical analogy fails: Current political events and collective memory contestation in the news // *Memory Studies*. 2019. Vol. 12. Issue 2. P. 131.

²⁸⁷ Zerubavel Y. Boundaries, bridges, analogies and bubbles: Structuring the past in Israeli mnemonic culture // *Journal of Israeli History*. 2020. Vol. 38. Issue 1. P. 6.

²⁸⁸ Batteau J., Princen S., Rigney A. Lessons from the past? Cultural memory in Dutch integration policy // *European Journal of Political Research*. 2018. Vol. 57. P. 741.

посредством проведения исторической аналогии столь же часто не достигает цели. Поэтому более эвристически продуктивными, на наш взгляд, видятся конструктивистские подходы, позволяющие выявлять и исследовать менее очевидные функции параллелей с прошлым в политическом дискурсе. В их ряду необходимо выделить теорию секьюритизации. На наш взгляд, малоизученная роль исторических аналогий в контексте придания тем или иным проблемам «экзистенциального» статуса в наибольшей степени заслуживает предметного рассмотрения на эмпирическом материале (см. Главу 3).

Выводы второй главы

Способ использования исторических аналогий в политическом дискурсе диктуется его прагматикой, из чего следует, что изучение параллелей с прошлым может осуществляться с разных методологических позиций. «Когнитивные» подходы рассматривают исторические аналогии как индивидуальные ментальные операции, оказывающие влияние на лиц, принимающих политические решения. Автором предлагается различать «когнитивно-нормативный» и «когнитивно-дескриптивные» подходы: первый направлен на предотвращение «ошибок восприятия», обусловленных «ложными» аналогиями, а вторые описывают процесс принятия решений на практике, реконструируя его либо посредством эксперимента (психологический подход), либо с опорой на исторические источники (исторический подход).

Основной недостаток «когнитивно-нормативного» подхода связан с тривиальностью его выводов по сравнению с наработками формальной логики. Историческая аналогия представляет собой частный случай трандуктивного умозаключения, поэтому все ограничения, связанные с проведением нестрогих аналогий, могут быть применены и к ним. В свою очередь, проблема «когнитивно-дискурсивных» подходов состоит в том, что полученные с их помощью данные оказываются недостаточно обоснованными. Даже доказанный факт того, что лицо, принимающее решение, в соответствующий момент времени находилось под влиянием исторической аналогии, не дает достаточных оснований утверждать, что на него не оказывали влияния иные, более значимые, обстоятельства.

Коммуникативные подходы рассматривают историческую аналогию как способ оказания убеждающего воздействия на оппонента или третьих лиц. В ходе исследования были выделены два направления в русле коммуникативного подхода: первое сосредоточено на использовании исторических аналогий в малых группах, находящихся в процессе выработки коллективного решения (например, органах представительной власти), а второе — на использовании исторических аналогий в массовой коммуникации, оценке их воздействия на установки и стереотипы общественного сознания. Добавим здесь, что помимо убеждения, параллели с прошлым могут быть и провоцирующим фактором, и, напротив, формировать предпосылки для сближения позиций сторон.

Наибольший интерес, на наш взгляд, представляют конструктивистские подходы, которые перекидывают своеобразный «мост» между наработками в области изучения культуры памяти и рассматриваемой нами проблемной областью. Конструктивистская оптика позволяет перенести внимание с индивидуальных субъектов, использующих исторические аналогии, на обстоятельства, позволяющие параллелям с прошлым обретать свойства своеобразного «языка» описания политической реальности. Она же подводит к выводу, что проведение аналогии и ее восприятие осуществляются в разных модусах восприятия прошлого (проведение аналогии — в «конструктивистском», а считывание — в «эссенциалистском»). Иными словами, проведению исторической аналогии предшествует дискурсивное конструирование «события» (сферой-источником не может являться неструктурированная совокупность фактов — только организованная в нарратив).

Глава 3. Апробация методов изучения исторических аналогий во внутри- и внешнеполитических дискурсах

В третьей главе предпринимается попытка выявить особенности функционирования исторических аналогий в разных сегментах политического дискурса. Логично предположить, что частота использования параллелей с прошлым, как и спектр прецедентных событий, разнятся от страны к стране. Разные функции выполняются историческими аналогиями во внешне- и внутривнутриполитических дискурсах, в медиадискурсах и в официальной риторике. В этой связи представляется целесообразным, опираясь на эмпирический материал, установить причинно-следственные связи между прагматикой дискурса, его базовыми характеристиками и частотой встречаемости в нем конкретных исторических параллелей.

Нами рассматриваются две проблемные ситуации, одна из которых лежит в плоскости межгосударственных отношений (операция по принуждению Грузии к миру, август 2008 г.), а вторая — внутренней политики (первая волна пандемии COVID-19, март-апрель 2020 г.). Оба случая характеризовались высокой степенью неопределенности, стратегическими рисками для вовлеченных акторов и интенсивной динамикой, то есть условиями, предполагающими высокую вероятность использования рассудочно-эмпирического мышления (см. § 2.1).

Предметом анализа в первом случае стал президентский, а во втором — медийный дискурс (рассмотренный на примере выборки материалов из ведущих печатных СМИ). Поскольку задача исследования предполагала межстрановое сравнение, в первом случае рассматривались президентские дискурсы России, Грузии и Франции (президент Франции Н. Саркози координировал процесс мирного урегулирования конфликта), а во втором случае — России и США (в конце марта 2020 г. США вышли на первое место в мире по числу заболевших новой коронавирусной инфекцией, опередив Китай и Италию)²⁸⁹.

²⁸⁹ США вышли на первое место в мире по числу заболевших COVID-19 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.interfax.ru/world/701138> (дата обращения: 12.09.2021).

§ 3.1. Исторические аналогии в президентских дискурсах России, Грузии и Франции об операции по принуждению Грузии к миру в августе 2008 г.²⁹⁰

3.2.1. «Конструктивизм правил» как методология исследования исторических аналогий во внешнеполитических дискурсах

Ранее отмечалось, что изучение исторических аналогий во внешнеполитических дискурсах осуществляется с позиций «когнитивных» или конструктивистских подходов. Поскольку «когнитивная» оптика предполагает изучение личностной составляющей дискурса с целью выявления ментальных структур, определяющих логику принятия тех или иных решений (а следовательно, нам не подходит), исследование будет выполнено в конструктивистском ключе.

В качестве методологической основы для изучения внешнеполитических дискурсов, общим свойством которых является диалогичность, был выбран «конструктивизм правил» Н. Онуфа. Данный подход основывается на теории речевых актов, разработанной американским философом Дж. Серлом. Последний утверждал, что социальная реальность существует в силу наличия набора конститутивных правил, определяющих и поведение акторов, и их картину мира²⁹¹. Удачным примером, поясняющим эту логику, может служить игра в шахматы: «Без правил игры в шахматы не было бы никакой игры, а шахматная доска и фигуры были бы не только бесполезны — их бы даже не стали изготавливать. Нет игры (нет действия) без правил, и, таким образом, правила действия составляют само действие»²⁹².

Историческая аналогия в политическом дискурсе обретает значение потому, что через нее акторы извлекают «уроки», которые определяют правила, применимые к определенной ситуации. Она позволяет структурировать среду, предписывая соответствующие правила действий в этой среде²⁹³.

²⁹⁰ Содержание данного параграфа диссертации прошло апробацию в статье автора: Беклямишев В.О. Исторические аналогии в президентских дискурсах России, Грузии и Франции о Пятидневной войне в августе 2008 года // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2022. № 1. С. 77–92.

²⁹¹ Searle J. The Construction of Social Reality. London: Penguin Books. 1995. Pp. 31–57.

²⁹² Rasmussen M. The history of a lesson: Versailles, Munich, and the social construction of the past // Review of International Studies. 2003. Vol. 29. Issue 4. P. 503.

²⁹³ Op. cit. P. 502.

Н. Онуф — автор книги «Мир, который мы создаем: правила и правление в социальной теории и международных отношениях» (в ней, как считается, впервые введено понятие «конструктивизм») — выделял три типа «речевых актов», которые соответствуют трем типам международных правил: репрезентативы, директивы и комиссивы²⁹⁴. Первая попытка адаптировать эту оптику к изучению исторических аналогий была предпринята литовской исследовательницей Д. Юрглевичуте (Таблица 5). Вслед за Н. Онуфом, она выделяла три типа международных правил: репрезентативы, директивы и комиссивы²⁹⁵. Репрезентативы фиксируют «положение дел» как в прошлом (через конструирование исторического нарратива), так и в настоящем. Если интерпретации прецедентного события у всех субъектов коммуникации совпадают, то историческая аналогия (представляющая собой репрезентатив «ситуация А = ситуация Б») позволяет «заимствовать» из прошлого правила, идентичности акторов и их взаимные обязательства²⁹⁶. То же самое происходит и в тех случаях, когда одной из сторон удастся обеспечить доминирование своей интерпретации прецедентного события над остальными. Если же акторы не обнаруживают сходств между ситуациями в прошлом и настоящем, то исследователю надлежит выделить, какие именно из прежних правил, идентичностей или обязательств, по мнению сторон, утратили актуальность.

При помощи директивных правил акторы раскрывают взаимные ожидания и обозначают друг перед другом санкции за невыполнение неформальных норм. Речевые акты последнего типа — комиссивы — фиксируют обязательства, которые каждый актор добровольно берет на себя по отношению к другим субъектам. Как отмечает Юрглевичуте, и директивы, и комиссивы могут опираться на

²⁹⁴ Onuf N.G. *World of our making. Rules and Rule in Social Theory and International Relations*. Columbia: University of South Carolina Press, 1989. Pp. 21–23.

²⁹⁵ Jurgelevičiūtė D. Istorinių analogijų vaidmuo užsienio politikos procese // *Politologija*. 2011. Vol. 2. Issue 62. P. 63.

²⁹⁶ Примером служит аналогия с «холодной войной». Как отмечал Ф.А. Лукьянов, ее введение позволило задать новую парадигму российско-американских отношений, задействовав, пусть и не всегда эффективно, такие инструменты управления рисками как «второй трек», неформальное общение ради адекватного понимания намерений соперника, тщательно подготовленные встречи в верхах и т.д. Лукьянов Ф.А. Забыть холодную войну [Электронный ресурс]. — URL: <https://rg.ru/2018/09/04/fedor-lukianov-metody-solidnoj-holodnoj-voyny-ne-rabotaiut.html> (дата обращения 01.12.2021).

исторические аналогии, «переноса» соответствующие обязательства из прецедентной ситуации в современную²⁹⁷.

Социальный порядок	Прецедентная ситуация в прошлом или ситуация в настоящем		
	↑↓		
Правила	Репрезентативные	Директивные	Комиссивные (правила участия)
Речевые акты	Утверждения о том, что означает прецедентное или современное событие	Инструкции, которые даются другим акторам на основе прецедентного или современного события	Обязательства, обусловленные ролями акторов, которые принимаются на основе прецедентных или современных событий
Актеры и пределы их действий	↑↓		
	Что представляют собой акторы? Чего они хотят? Какие действия могут предпринять?	Какие действия ожидаются от других акторов?	Какие обязательства акторы берут на себя?

Таблица 5. Модель анализа исторических аналогий Д. Юрглевичуте²⁹⁸

Применение теории «конструктивизма правил» ограничивается лишь одним обстоятельством: необходимо, чтобы одно и то же прецедентное событие фигурировало в дискурсах разных акторов. Поэтому те случаи, в которых исторические аналогии предназначались преимущественно для внутренней аудитории (и их сферы-источники не пересекались), рассматривались нами в русле теории «секьюритизации»²⁹⁹.

3.2.2. Исторические аналогии об операции по принуждению Грузии к миру

Ракетный обстрел Цхинвала в ночь на 8 августа 2008 г. и последовавшее затем столкновение грузинских вооруженных сил с российскими миротворцами привели к резкому обострению ситуации в Закавказье, впервые поставив Россию и НАТО на грань прямой конфронтации³⁰⁰. Операция по принуждению Грузии к

²⁹⁷ Jurgelevičiūtė D. Istorinių analogijų vaidmuo užsienio politikos procese // Politologija. 2011. Vol. 2. Issue 62. P. 64–65.

²⁹⁸ Op. cit. P. 63.

²⁹⁹ Основными компонентами «грамматики безопасности» являются экзистенциальная угроза (определяется в терминах референтного объекта, которому угрожает), точка невозврата (определяет условия, при которых экзистенциальная угроза наносит непоправимый ущерб референтному объекту) и выход (порядок действий, необходимых для того, чтобы защитить референтный объект от угрозы). См. Buzan B., Wæver O., de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. London: Lynne Rienner Publishers. 1998. P. 32.

³⁰⁰ Орлов А.А. Региональные и глобальные измерения в комплексе проблем безопасности на Южном Кавказе // Вестник МГИМО. 2011. № 3 (18). С. 58.

миру проводилась Москвой практически в полной международной изоляции, при том что обстановка на театре военных действий с первых дней складывалась в ее пользу. Продвижение российских войск по направлению к Тбилиси побудило Францию, являвшуюся на тот момент страной-председателем Европейского Союза, выступить в качестве посредника и предложить план мирного урегулирования конфликта («план Медведева — Саркози»).

12 августа президент России Д.А. Медведев объявил о завершении операции на территории Грузии, однако дипломатическая борьба за правовое закрепление ее итогов продолжилась. На заседании Совета Безопасности ООН 21 августа США заблокировали принятие российской резолюции, основанной на шести пунктах «плана Медведева — Саркози». Осознавая перспективу лишиться правовой основы для размещения миротворческого контингента на территории Абхазии и Южной Осетии, Россия пошла на одностороннее признание независимости обеих республик (26 августа).

На протяжении конфликта наблюдатели отмечали, что почти все военные или дипломатические шаги сторон сопровождались проведением исторических аналогий. Как отмечал А.Д. Цыганок, «некоторые ведущие западные политики и эксперты вдруг заговорили об истории — не как о заоблачных высотах, а как о злободневном»³⁰¹. Данное замечание подтверждает нашу гипотезу о значимости исторических аналогий, как инструмента выработки международных правил во внешнеполитическом дискурсе.

Исследование проводилось в три этапа.

На первом была сформирована выборка текстовых материалов (выступлений, интервью, заявлений, статей), размещенных на официальных сайтах президента Российской Федерации (kremlin.ru) и президента Французской Республики (elysee.fr): 12 текстов, содержащих 19 аналогий, в первом случае, и 5 текстов с 10 аналогиями — во втором. К сожалению, все материалы с официального сайта президента Грузии (president.gov.ge) за указанный период

³⁰¹ Цыганок А.Д. Война 08.08.08. Принуждение Грузии к миру. М.: Вече, 2011. С. 241.

оказались удалены, поэтому для их частичного восстановления использовались тексты М. Саакашвили, размещенные на ежедневном новостном ресурсе «Civil.ge», принадлежащем неправительственной организации «Ассоциация ООН Грузии» (8 текстов, 16 аналогий). При необходимости уточнить ту или иную интерпретацию речевого акта или ее трактовку привлекались материалы с сайтов МИД России и Госдепартамента США, а также иные источники.

На втором этапе исследования все исторические аналогии были разделены на уровни в зависимости от своих сфера-мишеней: «глобальный» уровень (сфера-мишень — международная система), «региональный» уровень (сфера-мишень — международный статус Южной Осетии и Абхазии) и «национальный» уровень (сфера-мишень — отдельные акторы). Исторические аналогии из последней категории, как правило, встречались в тех сегментах президентских дискурсов, которые были ориентированы на внутреннюю аудиторию. Анализ подобных случаев, как уже отмечалось, осуществлялся нами с методологических позиций теории «секьюритизации».

На третьем этапе исследования исторические аналогии, отнесенные к «глобальному» и «региональному» уровням, были соотнесены с соответствующими им правилами. Таким образом нами были выявлены репрезентативные, директивные и комиссивные правила, подразумеваемые при использовании соответствующей аналогии тем или иным актором.

Президентские дискурсы России и оппонирующих ей стран имели противоположную темпоральность. В то время как в основе президентских дискурсов Грузии и Франции (как и США) лежала оппозиция «прошлое» — «будущее» («выбор, который следует сделать сегодня, — это выбор между Европой прошлого, Европой блоков или Европой будущего»)³⁰², для Москвы, напротив,

³⁰² Conférence de presse conjointe de MM. Nicolas Sarkozy, Président de la République, et Mikheil Saakashvili, Président de la Géorgie, sur les efforts de l'Union européenne en faveur de la résolution du conflit russo-géorgien concernant les régions séparatistes de Géorgie, l'Ossétie du Sud et l'Abkhazie, à Tbilissi le 8 septembre 2008. [online]. — URL: <https://www.elysee.fr/nicolas-sarkozy/2008/09/08/conference-de-presse-conjointe-de-mm-nicolas-sarkozy-president-de-la-republique-et-mikheil-saakashvili-president-de-la-georgie-sur-les-efforts-de-lunion-europeenne-en-faveur-de-la-resolution-du-conflit-russo-georgien-concernant-les-regions-separati> (accessed 01.12.2021).

было принципиально важно обозначить свое *историческое* право на сохранение зоны влияния в Закавказье³⁰³. Вместе с тем это практически не повлияло на уровень разнообразия используемых аналогий (График 1): наиболее широкий спектр сфер-источников оказался в данном случае у Грузии. Параллели со вторжением монголов или завоеваниями Атиллы подтверждают особый характер грузинской мнемонической культуры, в которой отсылки даже к самым отдаленным историческим периодам могут приобретать политическое значение (известно, например, что политтехнологи М. Саакашвили активно использовали параллель между ним и древнегрузинским царем Давидом Строителем)³⁰⁴.

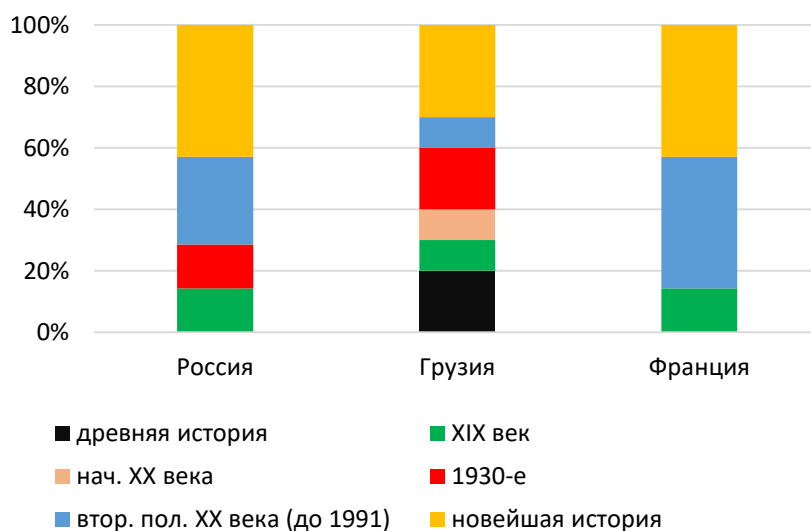

График 1. Сферы-источники исторических аналогий в дискурсах Президентов России, Грузии и Франции на разных этапах конфликта³⁰⁵

При анализе полученных данных (График 2) можно заметить, что на первом этапе конфликта (в первую очередь, в грузинском президентском дискурсе) доминировали аналогии «национального» уровня, сферами-мишенями которых являлись Россия и Грузия. Эти репрезентивные высказывания позволили

³⁰³ Вступительное слово на встрече с руководством партий, представленных в Государственной Думе. 11 августа 2008 года [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/1067> (дата обращения 01.12.2021).

³⁰⁴ Михаил Саакашвили сравнил себя с Давидом Строителем [Электронный ресурс] // «Коммерсантъ». — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/439566> (дата обращения 01.12.2021).

³⁰⁵ При составлении диаграммы учитывались только «уникальные» аналогии. Если аналогия присутствовала в нескольких текстах, то все эти однотипные случаи засчитывались как один раз.

оперативно сконструировать онтологию конфликта, приписав «социальные роли» его основным акторам. Б. Спеллман и К. Холиоок описали этот эффект на примере вступления США в ирако-кувейтский конфликт 1990–1991 гг.: «Проведя аналогию между Саддамом Хусейном и Гитлером, президент Буш стимулировал процесс рассуждений, который привел к построению согласованной системы ролей... как только Ирак был определен как экспансионистская диктатура, как Германия, Кувейт — как его первая жертва, Саудовская Аравия — как следующая потенциальная жертва, а Соединенные Штаты — как главный защитник... аналогия стала подталкивать к выводу о том, что военное вмешательство было для Соединенных Штатов правильным»³⁰⁶.

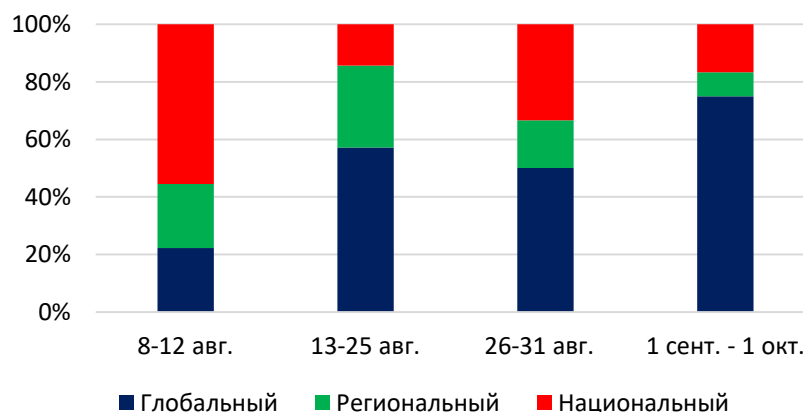

График 2. Уровни исторических аналогий в дискурсах Президентов России, Грузии и Франции на разных этапах конфликта³⁰⁷

По мере того, как масштаб конфликта расширялся, а «горячая» фаза противостояния сменилась дипломатической борьбой, возросла доля аналогий «глобального» уровня, призванных обеспечить выработку новых правил в изменяющейся международной системе.

³⁰⁶ Spellman B.A., Holyoak K. J. If Saddam's Hitler then who is George Bush? Analogical mapping between systems of social roles // Journal of Personality and Social Psychology. 1992. Vol. 62. № 6. P. 924.

³⁰⁷ 8–12 августа 2008 г. — «горячая фаза» вооруженного противостояния России и Грузии, 13–25 августа 2008 г. — период дипломатического противостояния, в т. ч. на площадке Совбеза ООН, 26–31 августа 2008 г. — реакция на одностороннее признание Россией независимости Ю. Осетии и Абхазии; 1 сентября – 1 октября 2008 г. — окончательный вывод российских войск с территории Грузии (до 13 сентября), фаза завершения конфликта.

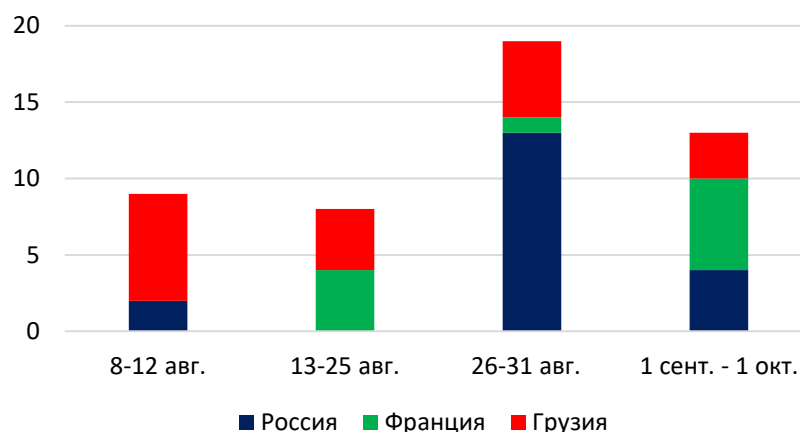

График 3. Количество исторических аналогий в дискурсах президентов России, Грузии и Франции на разных этапах конфликта

3.2.3. «Национальный» уровень

На протяжении всего конфликта основной аналогией грузинского президентского дискурса служила параллель с событиями 1921 г. Непродолжительная история Грузинской демократической республики в 1990-е гг. стала «мифом основания» для современной Грузии. А ликвидация этого государственного образования силами Красной армии в 1921 г. послужила прецедентным случаем, позволившим (в терминологии теории «секьюритизации») успешно сконструировать «референтный объект» (государственность), «точку невозврата» (военное поражение от России) и «выход» (национальную консолидацию вокруг лидера). «План России был точно таким же, как в 1921 г., заявлял М. Саакашвили в телеобращении к нации. — Они вошли под таким же поводом, якобы власти Грузии притесняют этнические меньшинства, как это было в 1921 г. Но, вообще не вызывает сомнений, что целью России в этой интервенции является завершение государственности Грузии, воздвижение российского флага в Тбилиси»³⁰⁸.

Вопреки утверждению Дж. Верча и З. Карумидзе³⁰⁹, историческая аналогия с Великой Отечественной войной не являлась для российского политического

³⁰⁸ Обращение президента Саакашвили к нации – 13 августа 2008 [Электронный ресурс]. — URL: <https://civil.ge/ru/archives/173145> (дата обращения 01.12.2021).

³⁰⁹ Wertsch J.V., Karumidze Z. Spinning the past: Russian and Georgian accounts of the war of August 2008 // Memory Studies. 2009. Vol 2(3). Pp. 377–391.

дискурса доминирующей. Параллель с «мюнхенским сговором» использовалась Д.А. Медведевым лишь однажды, на встрече с лидерами партий, представленных в Государственной Думе (11 августа 2008 г.)³¹⁰. Очевидная сдержанность в использовании этой аналогии, на наш взгляд, объясняется тем, что грузинская агрессия не могла восприниматься Москвой как экзистенциальная угроза (в то время как в период политического кризиса на Украине аналогия с Великой Отечественной войной стала доминирующей стратегией секьюритизации этого конфликта)³¹¹.

Иначе обстояло дело в Южной Осетии, где для символического кодирования грузинского политического режима сразу же использовалось прецедентное понятие «фашизм». Аналогия с событиями Великой Отечественной войны органично способствовала секьюритизации этнической идентичности: «Каждый режим Грузии пытался расправиться с Южной Осетией. Южную Осетию пытались стереть с лица земли меньшевик Жордания, фашист Гамсахурдия. Планы по уничтожению Южной Осетии пытался реализовать либерал Шеварднадзе. Однако совершенное тоталитарным режимом Саакашвили намного превзошло масштабом бесчеловечности и жестокости преступления, совершенные его предшественниками»³¹². Примечательной выглядит «визуализация» этой параллели в ходе парада 20 сентября, на котором сотрудники осетинской милиции бросали грузинские флаги на главной площади в Цхинвали таким же образом, как это было сделано с нацистскими флагами на Параде Победы в Москве летом 1945 года³¹³.

3.2.4. «Региональный» уровень

Отдельным топи́ком внешнеполитического дискурса России являлся вопрос о международно-правовом статусе Южной Осетии и Абхазии. Применимость к ним

³¹⁰ Вступительное слово на встрече с руководством партий, представленных в Государственной Думе. 11 августа 2008 года [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/1067> (дата обращения 01.12.2021).

³¹¹ См. Makhortykh M. #NoKievNazi: Social media, historical memory and securitization in the Ukraine crisis / Memory and Securitization in Contemporary Europe. London, NY: Palgrave Macmillan. 2018. Pp. 219–247.

³¹² Обращение Президента Республики Южная Осетия Э. Кокойты. 20 сентября 2008 [Электронный ресурс]. — URL: <https://cominf.org/node/1166478323> (дата обращения 01.12.2021).

³¹³ Цхинвали отметил «день независимости» [Электронный ресурс]. — URL: <https://civil.ge/ru/archives/173598> (дата обращения 01.12.2021).

«косовского сценария» начала обсуждаться еще задолго до начала «горячей» фазы грузино-югоосетинского конфликта, поскольку 2 июля 2008 г. Международный суд ООН, признав законным провозглашение независимости Косово от Сербии, создал соответствующий правовой прецедент. В различных интервью международным СМИ президент России Д.А. Медведев неоднократно легитимировал свое решение об одностороннем признании двух республик аналогией с Косово. При этом упоминаниям о геноциде косоваров противопоставлялись события грузино-югоосетинского конфликта 1991–1992 гг.: «В 1991 г. президент Грузии Гамсахурдия с призывом “Грузия — для грузин” — только вдумайтесь в эти слова — приказал штурмовать Сухум и Цхинвал. Тысячи погибших, десятки тысяч беженцев, разоренные села — вот к чему тогда это привело»³¹⁴.

В дискурсе российского МИДа «агрессивной» и нарушающей международное право Грузии противопоставлялась «добродетельная» Сербия: «Белград выполнял все свои обязательства, одобренные международным сообществом в 1999 г., не пытался после этого применять против Косово силу. Тбилиси, напротив, постоянно нарушал свои обязательства по урегулированию, согласованные после развязанной Грузией в начале 1990-х гг. войны против Абхазии и Южной Осетии, не раз прибегал к вооруженным провокациям, а в ночь на 8 августа растоптал все имевшиеся соглашения...»³¹⁵. Добавим, что репрезентатив, утверждающий «косовскую аналогию», служил также директивным правилом по отношению к Грузии. В случае продолжения попыток давления на республики Россия оставляла за собой право на силовые действия против Тбилиси. 10 августа, в ходе прений в Совете Безопасности ООН, постпред России В.И. Чуркин подчеркнул, обращаясь к представителю США: «Кстати, в случае с Косово никто себя особыми дефинициями не ограничивал, а просто стали

³¹⁴ Дмитрий Медведев выступил с заявлением в связи с признанием независимости Южной Осетии и Абхазии. 26 августа 2008 года. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/1223> (дата обращения 01.12.2021).

³¹⁵ Лавров: Берите пример с России и признайте реалии [Электронный ресурс]. — URL: <https://inosmi.ru/world/20080911/243952.html> (дата обращения 01.12.2021).

бомбить столицу, Белград, и мосты на Дунае, которые находились в сотнях километров от зоны конфликта»³¹⁶. Можно предположить, что в данном случае события 1999 г., воспринимавшиеся в России как «национальное оскорбление», стали сферой-источником для «анalogии-травмы» (в терминологии А. Брендстрем, Ф. Байнандера и П. Хардта).

Аналогия с Косово не имела шансов быть навязанной Западу в качестве репрезентативного правила. Президент Франции указал, что «когда Европа признала Косово, Россия осудила решение Европы. Их не должно удивлять то, что мы осуждаем решение России»³¹⁷. В свою очередь, в американском политическом дискурсе активно педалировалась аналогия между признанием независимости Южной Осетии и Абхазии и попыткой сепарации Чеченской Республики. Оттуда данная параллель попала в российский оппозиционный дискурс, где стала элементом стратегии «контр-секьюритизации». В качестве «референтного объекта» бралась территориальная целостность России, а одностороннее провозглашение независимости двух республик, создающее «прецедентный случай» на Кавказе, обозначалось уже как «точка невозврата»³¹⁸.

Разумеется, с точки зрения Москвы параллель с Чечней, «которая в 1998 г. получила фактическую независимость, была предоставлена самой себе, превратилась в прибежище международных террористов, а через год начала прямую агрессию против российской Республики Дагестан», безусловно, не могла выглядеть убедительной. По мнению главы российского МИДа, «в случае с Абхазией и Южной Осетией все было с точностью до наоборот: они не были

³¹⁶ Предварительный отчет о 5953-м заседании Совета Безопасности ООН, 10 августа 2008 [Электронный ресурс]. — URL: <https://undocs.org/ru/S/PV.5953> (дата обращения 01.12.2021).

³¹⁷ Conférence de presse de M. Nicolas Sarkozy, Président de la République, sur l'action de l'Union européenne face au conflit armé russo-géorgien concernant l'Ossétie du Sud et l'Abkhazie, à Bruxelles le 1er septembre 2008. [online]. — URL: <https://www.elysee.fr/nicolas-sarkozy/2008/09/01/conference-de-presse-de-m-nicolas-sarkozy-president-de-la-republique-sur-l'action-de-lunion-europeenne-face-au-conflit-arme-russo-georgien-concernant-l'ossetie-du-sud-et-labkhazie-a-bruxelles-le-1er-septembre-2008> (accessed 01.12.2021).

³¹⁸ Гейдар Джемаль: Никакой разницы между грузино-осетинским конфликтом и российско-чеченским нет [Электронный ресурс] // ИА «Регнум». — URL: <https://regnum.ru/news/polit/1061049.html> (дата обращения 01.12.2021).

источником террористической или какой-то иной угрозы для Грузии, никогда не нападали на нее, не покушались на грузинские земли»³¹⁹.

3.2.5. «Глобальный» уровень

Основной исторической аналогией, присутствующей в дискурсах всех сторон конфликта, стала историческая аналогия с «холодной войной» — состоянием международных отношений во второй половине XX века, основными чертами которого являлись биполярность, блоковая дисциплина, гонка вооружений и идеологическая конфронтация³²⁰. Первые упоминания о «новой холодной войне» фиксируются в американской прессе еще в конце 1990-х гг.³²¹, однако укоренение этой аналогии в медийном дискурсе произошло только после «мюнхенской речи» президента России В.В. Путина³²².

Отметим, что в российском президентском дискурсе параллель с «холодной войной отвергалась» (на основании того факта, что основным элементом «холодной войны», по мнению Москвы, являлись идеологические разногласия, которые она не фиксировала)³²³. Во всех пяти интервью, данных Д.А. Медведевым международным СМИ в день одностороннего признания Россией независимости Южной Осетии и Абхазии, российский лидер последовательно опроверг утверждения журналистов о тождественности противостояния России и Запада прежней «холодной войне». «Империи, как правило, не возрождаются, — подчеркнул он, — и тосковать об имперском прошлом — это очень серьезное заблуждение. В то же время естественно, что мы не можем не думать о тех гражданах, которые имеют российские паспорта и которые живут в сопредельных регионах»³²⁴.

³¹⁹ Лавров: Берите пример с России и признайте реалии [Электронный ресурс]. — URL: <https://inosmi.ru/world/20080911/243952.html> (дата обращения 01.12.2021).

³²⁰ См. Straughn J. B., Fein L. C., Ayers A. G. Divided Memory and the “New Cold War” Thesis: The Rise and Decline of a Double-Edged Analogy // *Journal of Political and Military Sociology*. 2019. Vol. 46. № 1. Pp. 92–123.

³²¹ Friedman T. Now a Word From X [Электронный ресурс] // “Foreign Affairs” — режим доступа, URL: <https://www.nytimes.com/1998/05/02/opinion/foreign-affairs-now-a-word-from-x.html> (дата обращения 01.12.2021).

³²² Арбатов А. Грядет ли холодная война? [Электронный ресурс]. — URL: <https://globalaffairs.ru/articles/gryadet-li-holodnaya-vojna/> (дата обращения 01.12.2021).

³²³ Заявление для прессы и ответы на вопросы журналистов по окончании российско-испанских переговоров 1 октября 2008 года [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/1581> (дата обращения 01.12.2021).

³²⁴ Интервью телекомпании Тэ-Эф-1, 26 августа 2008 года [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/1229> (дата обращения 01.12.2021).

Данный репрезентатив означал, что Россия не оспаривает сложившийся международный порядок, а действия ее вооруженных сил на территории Грузии не направлены против «коллективного Запада», сотрудничество с которым представляет для Москвы интерес. Из утверждения о том, что текущее противостояние России и США не является «холодной войной», вытекала директива не оказывать давления на Москву в сфере ее непосредственных интересов и соответствующие комиссивы — признание суверенитета постсоветских государств (включая Грузию), а также готовность ограничить применение силы. Позднее эти обязательства были напрямую зафиксированы в комментарии министра иностранных дел России С.В. Лаврова, вынужденного отреагировать на выступление главы британского МИДа Д. Милибэнда, который сравнил операцию по принуждению Грузии к миру с событиями «Пражской весны» (1968 г.)³²⁵.

Стремясь предложить Западу иную онтологию конфликта, Д.А. Медведев на заседании клуба «Валдай» провел аналогию между событиями в Южной Осетии и терактом 11 сентября 2001 г.: «...мне пришло в голову, что для России 8 августа 2008 года — это почти как 11 сентября 2001-го для Соединенных Штатов Америки... Из событий 11 сентября Соединенные Штаты Америки и все человечество извлекло много полезных уроков. Мне бы хотелось, чтобы и из событий, начавшихся 8 августа этого года, мир извлек уроки» [33]³²⁶. Данный репрезентатив фиксировал наличие солидарности между Россией и странами Запада, которым надлежало противодействовать ревизии международного порядка со стороны Грузии (директив). Однако, поскольку эта интерпретация ситуации принципиально расходилась с подходами Вашингтона и Парижа, несмотря на неоднократное повторение данной аналогии на самых разных площадках, никаких комментариев со стороны оппонентов России на ее счет не последовало.

³²⁵ Комментарий Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на выступление Министра иностранных дел Великобритании Д. Милибэнда в Киеве 27 августа 2008 года [Электронный ресурс]. — URL: https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xIEMTQ3Ovzca/content/id/327134 (дата обращения 01.12.2021).

³²⁶ Стенографический отчет о встрече с участниками международного клуба «Валдай» [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/1383> (дата обращения 01.12.2021)

Проводя историческую параллель с «холодной войной», Вашингтон фиксировал стремление России восстановить зону влияния на постсоветском пространстве (репрезентатив), что представлялось США недопустимым (директив). В воспоминаниях госсекретаря К. Райс содержится упоминание о ее телефонном разговоре с С.В. Лавровым, в ходе которого тот, якобы, настаивал на отстранении М. Саакашвили от власти: «Все это напоминало о советском периоде, когда Москва контролировала судьбы лидеров по всей Восточной Европе, — писала она. — Я, конечно, не собиралась участвовать в возвращении в те дни»³²⁷.

Первоначально грузинские официальные лица также активно пользовались аналогией с «холодной войной», заимствуя из этой прецедентной ситуации правило блоковой солидарности. «Сенатор Маккейн вчера сказал хорошо — сегодня каждый американец должен сказать — я грузин. Последний раз такое говорил Кеннеди о берлинцах. Просто так словами на ветер не бросаются», — заявил М. Саакашвили 13 августа [25]³²⁸. Впрочем, вечером того же дня эта онтология конфликта сменилась на другую: «Репутация, которую США завоевали после “холодной войны”, постепенно падает. Это трагично» [31]³²⁹.

Стремясь, во-первых, подчеркнуть роль России как, якобы, «государства-агрессора», а во-вторых, указать на отсутствие солидарности в противодействии Москве и недостаточность усилий Вашингтона по защите интересов Грузии, Саакашвили перешел к использованию «мюнхенской аналогии», апеллирующей к нарративу о разделе Чехословакии в сентябре 1938 г. Уже 14 августа в заявлении для иностранных журналистов президент Грузии отметил, что Россия «шантажирует» Тбилиси, вынуждая принять «сделку мюнхенского типа»³³⁰. 15 августа «мюнхенская аналогия» стала основным топи́ком его выступления на совместной пресс-конференции с К. Райс, прибывшей убедить руководство Грузии

³²⁷ Rice C. No Higher Honor: A Memoir of My Years in Washington [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.rulit.me/books/no-higher-honor-a-memoir-of-my-years-in-washington-read-344266-192.html> (дата обращения 01.12.2021).

³²⁸ Обращение президента Саакашвили к нации – 13 августа 2008 [Электронный ресурс]. — URL: <https://civil.ge/ru/archives/173145> (дата обращения 01.12.2021).

³²⁹ Саакашвили: США недооценили надлежащим образом российскую угрозу [Электронный ресурс]. — URL: <https://civil.ge/ru/archives/173147> (дата обращения 01.12.2021).

³³⁰ Саакашвили: Россия хочет навязать нам «сделку мюнхенского типа» [Электронный ресурс]. — URL: <https://civil.ge/ru/archives/173171> (дата обращения 01.12.2021).

подписать «план Медведева — Саркози»: «Когда в апреле в Бухаресте Грузии отказали в предоставлении Плана кандидата в члены НАТО, я предупредил западные СМИ... Бухарест они (Россия. — *В.О.*) восприняли на самом деле, как Мюнхен... они в спешке начали восстановление инфраструктуры в Абхазии, ввели свои ж/д войска для строительства на ненаселенных, вычиненных этнически местах, заявляя цинично, что ими двигали гуманитарные цели...»³³¹.

О том, насколько этот репрезентатив не соответствовал представлениям Вашингтона, свидетельствуют воспоминания К. Райс (отметим, что из всей продолжительной речи президента Грузии ею были зафиксированы именно две исторические аналогии). «Он начал называть русских варварами, сказал, что их танки “продолжают свое продвижение” и не остановятся. Ладно, подумала я... Затем он обрушился на европейцев, упомянув о Мюнхенской конференции и политике “умиротворения”... О, нет! Что он делает!»³³².

«Мюнхенская аналогия», возникшая как ответ на перспективу сепарации Южной Осетии и Абхазии, не просто фиксировала уязвимое положение Грузии как субъекта международных отношений, но и одновременно включала ее в рамку «большой Европы». Уже 27 августа, после того, как Россия в одностороннем порядке заявила о признании суверенитета обеих республик, Саакашвили назвал это решение первой попыткой большого государства «после нацистской Германии и сталинского Советского Союза» с применением силы «изменить *внутриевропейские границы*»³³³.

Президент Франции, с одной стороны разделяя американский дискурс («Возвращение сфер влияния неприемлемо, Ялта осталась в прошлом») ³³⁴,

³³¹ Саакашвили критикует Запад за «молчание» [Электронный ресурс]. — URL: <https://civil.ge/ru/archives/173189> (дата обращения 01.12.2021).

³³² Rice C. No Higher Honor: A Memoir of My Years in Washington [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.rulit.me/books/no-higher-honor-a-memoir-of-my-years-in-washington-read-344266-192.html> (дата обращения 01.12.2021).

³³³ Обращение президента Грузии Михаила Саакашвили [Электронный ресурс]. — URL: <https://civil.ge/ru/archives/173336> (дата обращения 01.12.2021).

³³⁴ Conférence de presse de M. Nicolas Sarkozy, Président de la République, sur l'action de l'Union européenne face au conflit armé russo-géorgien concernant l'Ossétie du Sud et l'Abkhazie, à Bruxelles le 1er septembre 2008. [online]. — URL: <https://www.elysee.fr/nicolas-sarkozy/2008/09/01/conference-de-presse-de-m-nicolas-sarkozy-president-de-la-republique-sur-l'action-de-lunion-europeenne-face-au-conflit-arme-russo-georgien-concernant-l'ossetie-du-sud-et-labkhazie-a-bruxelles-le-1er-septembre-2008> (accessed 01.12.2021).

интерпретировал «холодную войну», в большей степени, как прямую вооруженную конфронтацию. На это указывают и использовавшиеся Н. Саркози когнитивные метафоры («Когда дом горит, первоочередной задачей является тушение пожара»)³³⁵, и его прямые цитаты. Например, характеризуя свою дипломатическую миссию, президент Франции отмечал: «...мы [сделали] все возможное, чтобы уменьшить этот новый конфликт, последствия которого могут быть катастрофическими, если он окажется предвестником новой “холодной войны”»³³⁶. В Париже принимали во внимание, что «распад Варшавского договора и падение Берлинской стены» являлись не результатом победы над Советским Союзом, а сознательным выбором руководства СССР³³⁷, поэтому директивные правила, конструируемые Саркози, являлась требованием к Москве подтвердить свой «европейский выбор», выполнив обязательства по выводу войск с территории Грузии.

Рассматривая исторические аналогии как репрезентативные высказывания о тождестве прецедентного и текущего случаев, мы вынужденно сузили круг интересующих нас параллелей с прошлым, ограничив его лишь теми, которые были приняты в качестве «репрезентативных правил» по крайней мере двумя из рассматриваемых акторов (в рассматриваемый период к ним относилась лишь параллель с «холодной войной», в то время как «мюнхенская» аналогия президента Грузии или же аналогия с 11 сентября, предложенная президентом России, так и не были «акцептованы» другими сторонами).

Различия в интерпретациях нарратива о «холодной войне» подтверждают, что признание исторической аналогии в качестве репрезентативного правила

³³⁵ Tribune de M. Nicolas Sarkozy, Président de la République, dans "Le Figaro" du 18 août 2008, sur l'action de la France et de l'Union européenne en faveur du règlement du conflit entre la Géorgie et la Russie, intitulée "La Russie doit se retirer sans délai de la Géorgie" [online]. — URL: <https://www.elysee.fr/nicolas-sarkozy/2008/08/18/tribune-de-m-nicolas-sarkozy-president-de-la-republique-dans-le-figaro-du-18-aout-2008-sur-laction-de-la-france-et-de-lunion-europeenne-en-faveur-du-reglement-du-conflit-entre-la-georgie-et-la-russie-intitulee-la-russie-doit-se-retirer-sans-del> (accessed 01.12.2021).

³³⁶ Op. cit.

³³⁷ Conférence de presse de M. Nicolas Sarkozy, Président de la République, sur l'action de l'Union européenne face au conflit armé russo-géorgien concernant l'Ossétie du Sud et l'Abkhazie, à Bruxelles le 1er septembre 2008. [online]. — URL: <https://www.elysee.fr/nicolas-sarkozy/2008/09/01/conference-de-presse-de-m-nicolas-sarkozy-president-de-la-republique-sur-laction-de-lunion-europeenne-face-au-conflit-arme-russo-georgien-concernant-lossetie-du-sud-et-labkhazie-a-bruxelles-le-1er-septembre-2008> (accessed 01.12.2021).

(согласие с тем, что прецедентное событие похоже на современную ситуацию) не всегда влечет за собой принятие соответствующих директивных и комиссивных правил. Попытки оспаривания исторической параллели с «холодной войной» осуществлялись и с позиций критики ее релевантности (Россия), и с точки зрения тех взаимных обязательств, которые предполагалось «извлечь» из прошлого (Франция, Грузия). Обращает на себя внимание тот и факт, что сферой-источником большинства аналогий выступали западоцентричные нарративы (с другой стороны, выбор именно этих прецедентных событий мог быть обусловлен их юбилеями — 40-й годовщиной «Пражской весны» и 70-й годовщиной «мюнхенского соглашения»).

§ 3.2. Исторические аналогии в медиадискурсе (на примере освещения «первой волны» пандемии COVID-19 в российских и американских СМИ)³³⁸

3.1.1. Исторические аналогии в медиадискурсе с точки зрения теории «динамического фреймирования»

Современный медиадискурс является важным источником формирования «массовых» представлений о прошлом, однако «пути, по которым прошлое и настоящее непрерывно конструируются в процессе рутинной работы журналиста, сложнее отследить и концептуализировать, чем изучать государственные ритуалы»³³⁹. При рассмотрении медиа как «мнемонических акторов», как правило, выделяют два взаимодополняющих аспекта их деятельности на этом поле. С одной стороны, репрезентацию государственных или негосударственных актов коммеморации как медиасобытий, а с другой стороны — «просачивание прошлого» через исторические аналогии³⁴⁰.

Параллели с прошлым в медиадискурсе нечасто становятся предметом целенаправленного исследовательского внимания. В тех случаях, когда это все же

³³⁸ Содержание фрагмента данного параграфа диссертации прошло апробацию в статье автора: Беклямишев В.О. Вторая мировая война, «испанка» или Чернобыль? Пандемия COVID-19 в зеркале исторических аналогий (по материалам американского и российского медиадискурса) // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 2. С. 84–96.

³³⁹ Editors Introduction / On Media Memory. London: Palgrave Macmillan. 2011. P. 14.

³⁴⁰ Op. cit. P. 14.

происходит, к ним часто применяют «когнитивно-дескриптивную» методологию³⁴¹, которая (предназначаясь для изучения аналогий в контексте выработки политических решений), на наш взгляд, не может объективно охарактеризовать функционал исторических аналогий в медиатекстах. На это справедливо указывал, в частности, Дж. Эди: «[медийные дискурсы], как правило, слишком просты для одновременного обсуждения смысла настоящего, смысла прошлого и связи между ними», поэтому прецедентная ситуация используется «в качестве иллюстрации, модели, и споры о прошлом могут быть ограничены полезностью конкретного прошлого в качестве аналогии»³⁴².

Идея о том, что историческая аналогия может выполнять функции фрейма не нова и уже неоднократно встречалась в литературе³⁴³. Однако, при этом, не уточнялось, какой из множества теорий фрейм-анализа придерживаются авторы. Вслед за В.С. Вахштайном мы выделяем две традиции понимания фрейма: «микросоциологическую» и «коммуникативную». С точки зрения первой, фреймы не рефлексированы субъектами, которые подспудно опираются на них, осуществляя наблюдение и описание социальных ситуаций. Собственно, «политические» (в терминологии В.С. Вахштайна — «абсолютные») события — вроде войны или революции — не могут быть описаны в рамках имеющейся системы фреймов и потому побуждают субъекта выстраивать новую, становясь в ней своего рода «точкой отсчета»³⁴⁴.

Мы находим более соответствующим предмету настоящего исследования второе, «коммуникативное» понимание фрейма. Описанные ранее свойства исторических аналогий роднят их с фреймами в контексте теории «динамического фрейм-анализа» Д. Яноу и М. ван Хульста. Указанные авторы определяют фреймирование как «процесс, в котором акторы одновременно создают значения событий / ситуаций и регулируют свое поведение в данных событиях / ситуациях

³⁴¹ Axelrod R., Forster L. How historical analogies in newspapers of five countries make sense of major events: 9/11, Mumbai and Tahrir Square // *Research in Economics*. 2017. Vol. 71. Pp. 8–19.

³⁴² Edy J.A. Journalistic uses of collective memory // *Journal of Communication*. 1999. Vol. 49. Issue 2. P. 79.

³⁴³ Gaufman E. Memory, media, and securitization: Russian media framing of the Ukrainian crisis // *Journal of Soviet and Post-Soviet Politics and Society*. 2015. Vol. 1. Issue 1. P. 143.

³⁴⁴ Вахштайн В.С. Фрейм-анализ как политическая теория // *Социология власти*. 2013. № 4. С. 21–24.

сообразно присвоенным им значениям»³⁴⁵. Нетрудно заметить, что три задачи фреймирования — диагностирование ситуации, принятие решения и «призыв к оружию», — выделенные Д. Сноу и Р. Бенфордом³⁴⁶, полностью соответствуют «когнитивным» и «стратегическим» функциям исторических аналогий.

Отправной точкой фреймирования служит недостаток знаний о ситуации (впору вспомнить знаменитый гофмановский вопрос: «Что здесь происходит?») ³⁴⁷, который запускает процесс означивания. Отметим, что с точки зрения политической науки фреймирование фактически приравнивается к проблематизации, обозначению некой ситуации как «проблематичной»³⁴⁸. Помимо, собственно, проблемы, Д. Яноу и М. ван Хульст выделяют и другие «модусы фреймирования»: идентичности акторов, отношения между ними, сам процесс взаимодействия и т. д.³⁴⁹

Поскольку политическая сфера предполагает коллективные действия, а акторы, как правило, расходятся друг с другом в интерпретациях происходящего, важной частью фреймирования становится убеждение третьих лиц в правоте своих интерпретаций³⁵⁰. Одни акторы делают «фреймирующие ходы», другие — прибегают к «блокирующим движениям»³⁵¹. С этой точки зрения, фреймирование — не просто отбор одних элементов и игнорирование других, но и «увязывание друг с другом характерных особенностей ситуации... в хорошо распознаваемый и внутренне согласованный паттерн»³⁵².

Если же применить это утверждение к историческим аналогиям, то «при прочих равных условиях слушатели с большей вероятностью воспримут

³⁴⁵ Яноу Д., Ван Хульст М. Фреймы политического: от фрейм-анализа к анализу фреймирования // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10. № 1–2. С. 93.

³⁴⁶ Snow. D.A., Benford R.D. Ideology, frame resonance, and participant mobilization // International Social Movement Research. 1988. Vol. 1. P.199.

³⁴⁷ Goffman E. Frame Analysis. An Essay on the Organisation of Expierence. Boston. 1974. P. 8.

³⁴⁸ Яноу Д., Ван Хульст М. Указ соч. С. 97.

³⁴⁹ Там же. С. 101.

³⁵⁰ Там же. С. 98.

³⁵¹ Там же. С. 100.

³⁵² Rein M., Schon D. A. Problem setting in policy research / Using social research in public policy making. Lexington: Lexington Books. 1977. P. 239.

параллели, которые предлагают достоверное, с их точки зрения, описание событий, ссылаются на прошлый опыт, который вспоминают сами»³⁵³.

Нам показалось примечательным, что Д. Яноу и М. ван Хульст заострили внимание на темпоральном аспекте фреймирования. По их мнению, этот процесс «предполагает две операции: организацию прошлого опыта и ориентирование будущих действий». При этом, хотя «чисто аналитически может быть полезным разделение этих двух операций, они совершаются синхронно»³⁵⁴. Это наблюдение схоже с выводом политического лингвиста Р. Пэриса, выделявшего два уровня оспаривания исторических аналогий: разногласия по поводу значимости конкретной аналогии и разногласия по поводу ее коннотации. «Оба уровня “войны метафор” переплетались сложным и интересным образом, — отмечал Пэрис, — поскольку спикеры одновременно сражались за доминирование в интерпретации как настоящего, так и прошлого»³⁵⁵.

Резюмируя вышеизложенное, подчеркнем: несмотря на то, что между «динамическим фрейм-анализом» и коммуникативными подходами к изучению исторических аналогий действительно много общего, процесс фреймирования и проведение исторической аналогии не являются синонимами. Как отмечают Д. Яноу и М. ван Хульст, в процессе фреймирования «идет постоянная “подгонка” и “притирка”», с одной стороны, прошлого опыта, верований (включая ожидания), ценностей, а также более или менее устоявшихся способов смыслообразования, и с другой стороны — неожиданностей, сюрпризов и нового опыта... прошлый опыт, верования, ценности и привычные способы придания смысла ситуациям не определяют полностью процесс фреймирования»³⁵⁶.

3.1.2. Исторические аналогии о «первой волне» пандемии COVID-19: предмет и методология исследования

³⁵³ Paris R. Kosovo and the Metaphor War // Political Science Quarterly. 2002. Vol. 117. Issue 3. P. 429.

³⁵⁴ Яноу Д., Ван Хульст М. Фреймы политического: от фрейм-анализа к анализу фреймирования // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10. № 1–2. С. 94.

³⁵⁵ Paris R. Op. cit. P. 431.

³⁵⁶ Яноу Д., Ван Хульст М. Указ. соч. С. 106.

11 марта 2020 г. Всемирная организация здравоохранения объявила эпидемию COVID-19 пандемией. Глобальное распространение патогена SARS-CoV-2 сопровождалось разноплановыми кризисными явлениями. Поскольку изучение симптомов новой инфекции осуществлялось «в режиме реального времени», реальный процент зараженных долгое время не удавалось просчитать. Всплески случаев заражения, требующих госпитализации, выявили недостатки национальных систем здравоохранения, а экстренные меры наложили ограничения на экономическую активность, повысив нагрузку на государственные бюджеты и обострив социальные проблемы³⁵⁷.

Еще на ранних этапах кризиса важную роль в нем стали играть традиционные СМИ и «новые медиа». О значимости коммуникативного измерения кризиса свидетельствовал масштаб борьбы с распространением т. н. «fake-news»,³⁵⁸ то есть альтернативных интерпретаций событий.

Многие исследователи обратили внимание, что «публицисты и политические лидеры при описании пандемии привычно бросились искать аналогии в истории»³⁵⁹, что позволяет нам сформулировать гипотезу: параллели с прошлым в медиадискурсе стали инструментами «исходного фреймирования» пандемии, цель которого — актуализация тех или иных (политических, социальных, экономических) аспектов кризиса и легитимация соответствующих мер.

Методология исследования предполагала его проведение в три этапа.

На **первом** были сформированы два корпуса источников, куда вошли материалы с официальных сайтов ведущих российских («Известия», «Коммерсантъ», «Российская газета» и «Ведомости»)³⁶⁰ и американских («The New-York Times», «The Washington Post» и «The Wall-Street Journal»)

³⁵⁷ Seixas E. C. War Metaphors in Political Communication on Covid-19 [online] // *Frontiers in Sociology*. 2021. Vol. 5. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fsoc.2020.583680/full> (accessed 01.12.2021).

³⁵⁸ Вакцина от фейков. Как мир борется с дезинформацией о пандемии [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4308964> (дата обращения: 12.09.2021).

³⁵⁹ Абрамов А.В., Багдасарян В.Э., Бышок С.О. и др. Пандемия COVID-19: конец привычного мира? // Вестник Московского государственного областного университета. 2020. № 2. С. 4.

³⁶⁰ Лидеры рейтингов федеральных газет за март и апрель 2020 г., подготовленного группой компаний «Медиалогия». См.: Федеральные СМИ: март 2020 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/federal/7383/> (дата обращения: 12.09.2021); Федеральные СМИ: апрель 2020 [Электронный ресурс] – URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/federal/7455/> (дата обращения: 12.09.2021).

федеральных газет, посвященные пандемии COVID-19 и размещенные за период с 1 марта по 30 апреля 2020 г.

Кроме того, дополнительно была проанализирована рубрика «Коронавирус в России» на портале «РИА Новости», портал телеканала «Fox News» и другие источники, позволяющие уточнять контексты употребления каждой исторической аналогии, связывать их с другими «фреймирующими ходами» и «блокирующими движениями».

На **втором** этапе посредством контент-анализа в обеих выборках были выявлены материалы, содержащие исторические аналогии. Примечательно, что в российской выборке количество таких текстов оказалось значительно меньше («Известия» — 4 материала; «Коммерсантъ» — 9 материалов; «Российская газета» — 7 материалов; «Ведомости» — 1 материал), нежели в американской («The Wall-Street Journal» — 61 материал; «The Washington Post» — 65 материалов; «The NYTimes» — 45 материалов).

На **третьем** этапе исследования были выявлены отдельные исторические аналогии, встречающиеся в текстах. Они были разделены на три категории сфер-источников: «военные» (отсылающие к образам вооруженных конфликтов, террористических актов и других исторических событий, в которых фигурирует конкретный противник)³⁶¹, «эпидемические» (отсылающие к образам эпидемий прошлого) и «экономические» (отсылающие к образам иных бедствий — природных и техногенных катастроф, финансовых кризисов и т. д.).

На практике границы категорий являлись проницаемыми, поскольку в выборке часто встречались аналогии, основанные на «формальном подобии» (см. § 2.1) между несколькими сферами-источниками и сферой-мишенью («Это похоже на 11 сентября, [ураган] “Катрина” и финансовый кризис, которые соединились воедино и усилились»)³⁶².

³⁶¹ Термин «военные» аналогии вводится диссертантом для того, чтобы подчеркнуть дистанцию от «милитарной метафоры».

³⁶² Out of Work and Tips, Restaurant Workers Face Their Own Coronavirus Crisis [online]. – URL: <https://www.wsj.com/articles/out-of-work-and-tips-restaurant-workers-face-their-own-coronavirus-crisis-11585313366> (accessed 01.12.2021).

3.1.3. Исторические аналогии в американском медиадискурсе

«Первая волна» пандемии новой коронавирусной инфекции нашла широкое отражение в американских медиа. Репортеры и колумнисты разных идеологических взглядов вступали в заочную дискуссию с политическими лидерами, репрезентировали их высказывания как медиасобытия, предлагали собственные интерпретации происходящему. При этом исторические аналогии позволяли вплетать «общепринятые» нарративы о прошлом в «политические истории» (термин Д. Яноу и М. ван Хульста) о самой пандемии, ее гипотетических последствиях, экономических и социальных мерах федерального правительства и отдельных штатов.

Результаты количественного контент-анализа указывают на неравномерность употребления исторических аналогий во времени (График 4). Всплеск их использования приходится на вторую половину марта 2020 г., когда основное количество зафиксированных случаев заболевания пришлось на Вашингтон и Нью-Йорк (освещение событий в этих штатах было приоритетным для «The Washington Post» и «The New-York Times»), где были закрыты образовательные учреждения, отменены публичные мероприятия, ограничена работа организаций торговли и общественного питания.

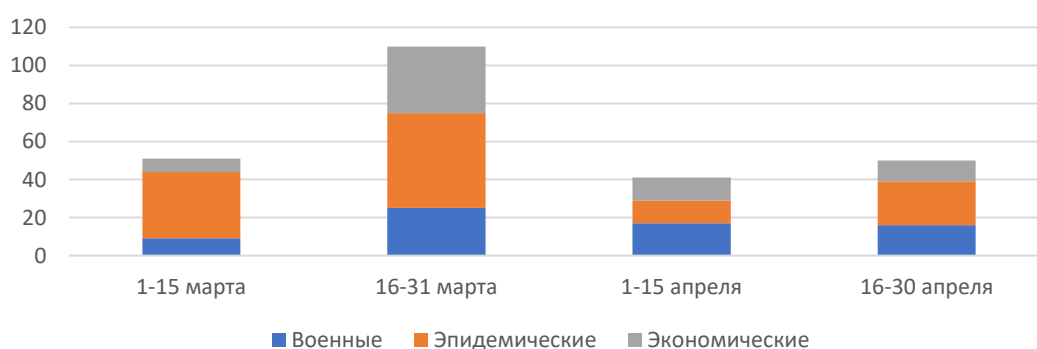

График 4. Частота употребления исторических аналогий в выборке

Всплеск употребления «экономических» аналогий (с 7 до 35), в свою очередь, объясняется началом широкой правительственной дискуссии о мерах по поддержанию экономической активности в обстоятельствах вынужденных

ограничений. Ее итогом стал законопроект Сената США о выделении 2 трлн долл. для стимулирования экономики в связи с пандемией COVID-19 (27 марта подписан президентом Д. Трампом).

Количество «военных» и «эпидемических» аналогий во второй половине марта также возросло, однако вскоре существенно снизилось («эпидемические» аналогии — более чем в 4 раза). На наш взгляд, это объясняется тем, что процесс «исходного фреймирования» эпидемии к началу апреля уже практически завершился, а накопленные данные (в первую очередь, позволяющие оценить летальность нового патогена) сделали большинство аналогий нерелевантными.

«Эпидемические» аналогии

Высокая доля исторических параллелей с массовыми эпидемиями прошлого объясняется тем, что подтвердить сходство явлений одного порядка легче, нежели осуществить проекцию между социальными бедствиями разного рода. Самыми частыми в рассматриваемый период стали исторические аналогии с пандемиями «испанского гриппа» 1918 г., «свиного» гриппа 2009 г., лихорадки «Эбола» 2014 г. и тяжелого острого респираторного синдрома 2002–2003 гг. (атипичная пневмония). При этом спектр аналогий оставался гораздо шире (График 5), охватывая как случаи распространения заболеваний на территории США, так и мировую практику борьбы с эпидемиями.

Мы можем выделить следующие «модусы фреймирования», в рамках которых «эпидемические» аналогии оказали влияние: фреймирование пандемии; фреймирование противоэпидемических мер; фреймирование отдельных эпизодов президентской кампании; фреймирование федеративных отношений в США; фреймирование роли США в пост-пандемийном мире.

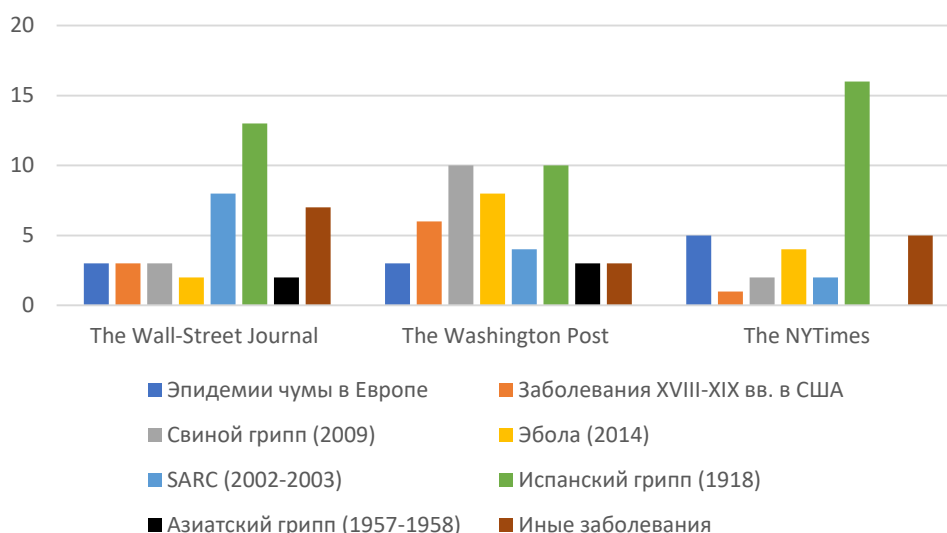

График 5. «Эпидемические» аналогии в выборке

Медиаосвещение событий пандемии в США осуществлялось в мощном «гравитационном поле» президентского электорального цикла³⁶³. Внимание СМИ было сосредоточено на фигуре президента Д. Трампа³⁶⁴, первоначально выбравшего стратегию отрицания серьезности угрозы. По этой причине, еще задолго до формального объявления вспышки COVID-19 пандемией, многие продемократически настроенные авторы начали использовать исторические аналогии, чтобы маркировать эпидемию как опасное бедствие.

Выступая 6 марта в Атланте, президент Трамп сравнил коронавирусную инфекцию с сезонным гриппом, отметив, что от него умирает в среднем 36 тыс. чел. в год. «Я был бы шокирован, — подчеркнул он... Я не знал, что люди умирают от гриппа». Допущенная оговорка позволила связать эпидемию COVID-19 с «испанским гриппом» 1918 г., от которого, как выяснил колумнист «The Washington Post», умер дед президента Ф. Трамп³⁶⁵. Таким образом нарратив о болезни, не более опасной, чем сезонный грипп, был замещен «политической

³⁶³ Выборы президента США должны были состояться 3 ноября 2020 г. Основными противниками инкумбента на момент рассматриваемых событий являлись представители Демократической партии США экс-вице-президент Д. Байден и сенатор Б. Сандерс. По итогам праймериз, завершившихся 11 августа 2020 г., кандидатом от Демократической партии стал Д. Байден, впоследствии одержавший победу на президентских выборах.

³⁶⁴ О предыстории конфликта президента Д. Трампа с ведущими изданиями, включая рассматриваемые, см.: Бубнова Н.И. Закусив удила: противостояние Дональда Трампа и американских СМИ // Россия и современный мир. 2017. № 4. С. 222–236.

³⁶⁵ Trump ‘didn’t know people died from the flu.’ It killed his grandfather [online]. – URL: <https://www.washingtonpost.com/history/2020/03/07/flu-trump-grandfather-death-coronavirus/> (accessed 01.12.2021).

историей» о национальном бедствии, с которым действующий президент, в силу «очевидной» некомпетентности, справиться не способен.

Ближе к концу марта, с ростом числа заболевших, аналогия с «испанским гриппом» 1918 г. приобрела характер «общепринятой» (ее начал использовать сам президент Д. Трамп)³⁶⁶. Посредством данной параллели в медиадискурсе легитимировались непопулярные ограничительные меры³⁶⁷, включая вынужденное закрытие школ³⁶⁸. Апеллирование к «опыту прошлого» стало важной стратегией обоснования приоритета эпидемической безопасности над экономическим развитием (и наоборот). Если, с одной стороны, утверждалось, что в 1918 г. «города, которые раньше и дольше принимали меры, такие как запрет публичных собраний и закрытие школ, не пострадали от того, что дольше подрывали свою экономику»³⁶⁹, то, с другой стороны, посредством иных «эпидемических» аналогий (например, с эпидемиями чумы) оценивалась перспектива воздействия эпидемии коронавирусной инфекции на рост имущественного неравенства и социальную стабильность³⁷⁰.

Символически кодируя эпидемию как общенациональный вызов, колумнисты как демократических³⁷¹, так и республиканских взглядов³⁷², призывали проявить сплоченность перед лицом общей беды. Характерна нижеприведенная цитата:

³⁶⁶ Трамп сравнил COVID-19 с «испанкой» [Электронный ресурс]. — URL: <https://vz.ru/news/2020/3/22/1030137.html> (дата обращения: 20.12.2021).

³⁶⁷ What Will It Take to Flatten the Coronavirus Curve? [online]. — URL: <https://www.wsj.com/articles/what-does-it-mean-to-flatten-the-curve-to-fight-coronavirus-11585301402> (accessed 01.12.2021).

³⁶⁸ Coronavirus Forces Teachers to Learn a Different Tune [online]. — URL: <https://www.wsj.com/articles/coronavirus-forces-teachers-to-learn-a-different-tune-11588372654> (accessed 01.12.2021); Coronavirus Closes School for Nearly 30 Million Children in U.S. [online] — URL: <https://www.wsj.com/articles/coronavirus-closes-school-for-nearly-30-million-children-in-u-s-11584356400> (accessed 01.12.2021).

³⁶⁹ Cities That Went All In on Social Distancing in 1918 Emerged Stronger for It [online]. — URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2020/04/03/upshot/coronavirus-cities-social-distancing-better-employment.html> (accessed 01.12.2021).

³⁷⁰ How the Coronavirus Might Reduce Income Inequality [online]. — URL: <https://www.wsj.com/articles/how-the-coronavirus-might-reduce-income-inequality-11587304801> (accessed 01.12.2021).

³⁷¹ What happens if parades aren't canceled during pandemics? Philadelphia found out in 1918, with disastrous results. [online] — URL: <https://www.washingtonpost.com/nation/2020/03/12/pandemic-parade-flu-coronavirus/> (accessed 01.12.2021).

³⁷² We Should All Be More Like the Nuns of 1918 [online]. — URL: <https://www.nytimes.com/2020/03/20/opinion/coronavirus-nuns.html> (accessed 01.12.2021).

*Мы живем в совсем другой исторический момент. Мы значительно улучшили медицинские, коммуникационные и организационные ресурсы, необходимые для преодоления кризиса. Но стоит помнить о том рвении, с которым граждане и политики нашего города сплотились для борьбы со смертельной угрозой*³⁷³.

По мере того, как количество заболевших росло, президент Д. Трамп начал маркировать пандемию как «вторжение извне», используя в публичных выступлениях выражения «китайский вирус» или «уханьский вирус». В своем обращении к американскому народу борьба с эпидемией была охарактеризована им как «самая агрессивная и всеобъемлющая попытка противостоять чужеродному вирусу в современной истории»³⁷⁴.

Исторические аналогии в статьях колумнистов-республиканцев позволяли расширить нарратив об эпидемии COVID-19 как угрозе, исходящей из Китая:

*«Многочисленные глобальные инфекции прослеживаются из Китая, включая пандемии гриппа 1957, 1968 и 1977 гг. Историки и вирусологи убедительно доказывают, что пандемия-убийца 1918 г. также возникла в Китае. Атипичная пневмония в конце 2002 г. возникла в провинции Гуандун; “свиной” грипп 2009 г., который ненадолго обеспокоил администрацию Обамы, но прошел без особых происшествий, чем обычный грипп, по мнению ученых, перешел к людям в Мексике — после того, как произошел от азиатских свиней»*³⁷⁵.

Предпринимались и более изящные «фреймирующие ходы». После того, как 19 марта Государственный департамент США рекомендовал гражданам страны избегать международных путешествий, в «The Wall Street Journal» была размещена статья, содержащая развернутую аналогию между текущими ограничительными мерами и санитарным кордоном Священной Римской империи на Балканах в XVIII–XIX вв. Образы Австрии и Османской империи позволяли кодировать

³⁷³ How New York Survived the Great Pandemic of 1918 [online]. – URL:

<https://www.nytimes.com/2020/03/20/opinion/coronavirus-1918-flu-pandemic-new-york.html> (accessed 01.12.2021).

³⁷⁴ Remarks by President Trump in Address to the Nation [online]. – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-address-nation/> (accessed 01 April 2020).

³⁷⁵ China's Coronavirus Culpability [online]. – URL: <https://www.wsj.com/articles/chinas-coronavirus-culpability-11587504774> (accessed 01.12.2021).

фактическое закрытие границ как элемент соперничества сверхдержав — США и Китая³⁷⁶.

«Блокирующие движения», предпринимаемые авторами, настроенными продемократически, в свою очередь, заключались в том, чтобы заместить нарратив о противостоянии с внешним врагом политической историей о возбуждении расовой нетерпимости, хорошо считываемой носителями американской политической культуры:

«Мы уже шли по этой дороге раньше, слишком много раз... когда чума поразила Гонолулу в 1899 г., власти сожгли Чайнатаун... Вот и мы в 2020 г., когда азиаты подвергаются нападкам в Соединенных Штатах и во всем мире как предполагаемые источники “китайского гриппа”, “уханьского коронавируса” или просто “иностранного вируса”. И снова таинственная, быстро распространяющаяся, а иногда и смертельная болезнь усугубляет расизм и ненависть — только теперь с помощью мощного рупора социальных сетей»³⁷⁷.

В этих же целях использовалась историческая аналогия с эпидемией СПИД, призванная сформировать образ федерального правительства как отстраненного и не желающего предпринимать меры по обеспечению эпидемической безопасности граждан, дискриминируемых как представителей меньшинств³⁷⁸.

К началу апреля введение строгих карантинных мер и, одновременно с тем, активизация федерального правительства в информационном пространстве спровоцировали дискуссию о состоянии американского федерализма в новой эпидемической реальности. После того, как Д. Трамп, рассчитывая на общественную поддержку, заявил о перспективе снятия ограничений к концу месяца, ему было напомнено о том, что как введение, так и снятие карантинного режима находится в исключительных полномочиях штатов:

³⁷⁶ Emperor Joseph's Solution to Coronavirus [online]. – URL: <https://www.wsj.com/articles/emperor-josephs-solution-to-coronavirus-11586214561> (accessed 01.12.2021).

³⁷⁷ Call It 'Coronavirus' [online]. – URL: <https://www.nytimes.com/2020/03/23/opinion/china-coronavirus-racism.html> (accessed 01.12.2021).

³⁷⁸ Coronavirus is different from AIDS [online] – URL: <https://www.washingtonpost.com/outlook/2020/04/06/coronavirus-is-different-aids> (accessed 01.12.2021).

«Когда в 1793 г. желтая лихорадка опустошила Филадельфию, именно город Олбани, штат Нью-Йорк, потребовал, чтобы прибывший туда президент Александр Гамильтон и его жена Элиза находились на карантине в своем особняке Шайлер. Сегодня штаты по-прежнему отвечают за политику реагирования на эпидемии»³⁷⁹.

Неординарно выглядел и другой «фреймирующий ход». В то время как основной нарратив, транслируемый федеральным правительством, заключался в том, что оно обладает всеми необходимыми полномочиями для борьбы с эпидемией, несколько последовательно проведенных исторических аналогий продемонстрировали, что практически все президенты США, начиная с Дж. Вашингтона и заканчивая В. Вильсоном, не боролись с пандемиями, а просто переживали их, игнорируя жертвы среди населения³⁸⁰.

Отдельного внимания заслуживают исторические аналогии, использовавшиеся в контексте фреймирования президентской кампании и конструирования образов ее участников. Например, параллель между новой коронавирусной инфекцией и лихорадкой «Эбола» позволила экс-вице-президенту Д. Байдену позиционировать как релевантный свой опыт участия в ликвидации последствий эпидемии 2014 года³⁸¹. В это же время его противники указывали, что «Эбола» отличается от COVID-19, а сам кандидат на дебатах путает коронавирусную инфекцию и «свиной» грипп³⁸².

Популярная аналогия с эпидемией «свиного» гриппа 2009 г. позволила Д. Трампу атаковать предыдущую администрацию Б. Обамы, подчеркнув, что его стратегия по противодействию распространения заболевания является более эффективной. 13 марта Трамп разместил пост в своем аккаунте в Twitter:

³⁷⁹ Federalism and the Coronavirus Lockdown [online]. – URL: <https://www.wsj.com/articles/federalism-and-the-coronavirus-lockdown-11585609012> (accessed 01.12.2021).

³⁸⁰ Jackson and Wilson Had Nothing on Trump in an Epidemic [online]. – URL: <https://www.wsj.com/articles/jackson-and-wilson-had-nothing-on-trump-in-an-epidemic-11587924232> (accessed 01.12.2021).

³⁸¹ Joe Biden Points to Ebola Experience in Pitching Coronavirus Plan [online] – URL: <https://www.wsj.com/articles/joe-biden-points-to-ebola-experience-in-pitching-coronavirus-plan-11585483202> (accessed 01.12.2021).

³⁸² The Democrats' 2020 Coronavirus Hindsight [online]. – URL: <https://www.wsj.com/articles/the-democrats-2020-coronavirus-hindsight-11587317439> (accessed 01.12.2021).

«Сонный Джо руководил эпидемией “свиного” гриппа H1N1, унесшей жизни тысяч людей. Ответ на нее был одним из худших за всю историю. Наш ответ является одним из лучших, с быстрым закрытием границ и рейтингом одобрения 78 %...»³⁸³.

Спустя несколько дней президент вновь подчеркнул, что «Их [администрации Обамы] реакция на “свиной” грипп H1N1 была полномасштабной катастрофой»³⁸⁴. Посты Д. Трампа стали медиасобытием — продемократически настроенные колумнисты подвергли критике политику самого президента по преодолению последствий урагана «Мария» в 2017 г. (критический нарратив о посещении им пострадавшего от бури Пуэрто-Рико посредством аналогии между двумя бедствиями был спроецирован на ситуацию с пандемией COVID-19)³⁸⁵, упомянув также о «безответственном» поведении Трампа в период распространения лихорадки «Эбола»³⁸⁶.

Одновременно были предприняты попытки опровержения критического нарратива Д. Трампа об эпидемии «свиного» гриппа 2009 г. Отмечалось, например, что диагностические тесты на «свиной» грипп были одобрены и отправлены менее чем через две недели после выявления вируса H1N1 (и за день до первой смерти в США)³⁸⁷.

Кроме того, использование «эпидемических» аналогий в рассматриваемый период позволило проблематизировать политику изоляционизма, ассоциируемую с Д. Трампом, и обозначить риск утраты «морального лидерства» США на международной арене:

³⁸³ Trump taunts Biden about swine flu, misleadingly cites coronavirus polling to make himself look better [online]. – URL: <https://www.washingtonpost.com/nation/2020/03/13/trump-biden-coronavirus-tweet/> (accessed 01.12.2021).

³⁸⁴ Since imploring his opponents not to politicize coronavirus, Trump has repeatedly politicized it [online]. – URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2020/03/13/since-imploring-his-opponents-not-politicize-coronavirus-trumps-repeatedly-politicized-it/> (accessed 01.12.2021).

³⁸⁵ Trump’s comparison between coronavirus and the 2009 pandemic isn’t as useful as he thinks [online]. – URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2020/03/16/trumps-comparison-between-coronavirus-2009-pandemic-isnt-useful-he-thinks/> (accessed 01.12.2021).

³⁸⁶ From Ebola to coronavirus, Trump always sees disease as a foreign threat [online]. – URL: https://www.washingtonpost.com/outlook/trump-ebola-coronavirus-xenophobia/2020/03/19/21dff870-694f-11ea-abef-020f086a3fab_story.html (accessed 01.12.2021).

³⁸⁷ Trump’s False Claims About His Response to the Coronavirus [online]. – URL: <https://www.nytimes.com/2020/03/13/us/politics/fact-check-trump-coronavirus.html> (accessed 01.12.2021).

«Как во время экономического спада в 2008 г., так и во время кризиса, вызванного лихорадкой “Эбола” в 2014 г., Соединенные Штаты взяли на себя роль глобального координатора ответных мер — иногда несовершенно, но с признанием и благодарностью своих союзников и даже врагов... Но сегодня Соединенные Штаты не предпринимают таких шагов»³⁸⁸.

Основной особенностью «эпидемических» аналогий является тот факт, что нарративы, на которые они опирались, до марта 2020 г. были практически незнакомы широкой аудитории. Конструирование коллективно разделяемых представлений об эпидемиях прошлого (в котором участвовали не только профессиональные эпидемиологи, но и «публичные историки») осуществлялось одновременно с символическим кодированием пандемии COVID-19. Можно сказать, что наблюдаемая социальная реальность (опыт перенесения заболевания или карантинные ограничения) питала «историческое воображение», тогда как рождающиеся в результате образы прошлого сразу же возвращались в актуальное настоящее в виде емких исторических параллелей.

«Военные» аналогии

Исторические аналогии с терактами и вооруженными конфликтами были менее широко представлены в медиадискурсе, нежели «эпидемические» или «экономические» параллели. Однако их функциональная роль в процессе динамического фреймирования пандемии оказалась достаточно велика (График 6). В отличие от «милитарных» метафор, напрямую уподобляющих эпидемию войне, исторические аналогии передавали более глубокие оттенки смысла, отсылали к известным, укорененным в коллективной памяти нарративам, предоставляли альтернативные «сценарии» развития событий:

«Станет ли это [пандемия COVID-19] повторением Второй мировой войны, когда нация воодушевленно объединяет усилия, радуясь победе над общим врагом,

³⁸⁸ Another Virus Victim: The U.S. as a Global Leader in a Time of Crisis [online]. – URL: <https://www.nytimes.com/2020/03/20/world/europe/trump-leadership-coronavirus-united-states.html> (accessed 01.12.2021).

или еще одним поражением во Вьетнаме, когда граждане обсуждают, не привели ли действия их лидеров к ненужным смертям и страданиям?»³⁸⁹.

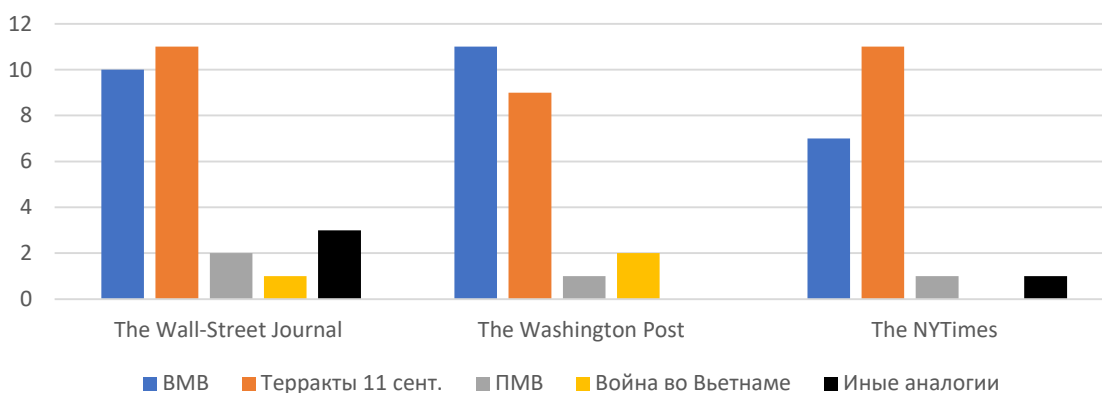

График 6. «Военные» аналогии в выборке

В первую очередь, «военные» аналогии маркировали пандемию как опасное бедствие. В большинстве случаев проекция осуществлялась на основании количества жертв эпидемии, сопоставимого с количеством погибших в ходе того или иного конфликта. Широкий отклик в СМИ получило выступление главного санитарного врача США Дж. Адамса в эфире «Fox News» (от 3 апреля), сравнившего пандемию с нападением на Перл-Харбор и террористическими атаками 11 сентября 2001 года³⁹⁰. Использование этих параллелей было призвано мобилизовать граждан перед лицом неизбежных эпидемических ограничений, заблаговременно снять ответственность за все возможные издержки пандемии.

Проводя аналогию со Второй мировой войной, колумнисты-республиканцы ставили вопрос о переводе страны «на военные рельсы»³⁹¹, отмечали

³⁸⁹ America has suffered great loss before. Here's how we may learn to cope with coronavirus death toll [online]. – URL: <https://www.usatoday.com/story/news/nation/2020/04/17/coronavirus-death-toll-vietnam-spanish-flu-loss/2985542001/> (accessed 01.12.2021).

³⁹⁰ Coronavirus Cases Rise Sharply, as U.S. Braces for Most Challenging Days Ahead [online]. – URL: <https://www.wsj.com/articles/global-coronavirus-cases-increase-sharply-led-by-the-u-s-11586076886> (accessed 01.12.2021).

³⁹¹ America needs to be on a war footing [online]. – URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2020/03/20/america-needs-be-war-footing/> (accessed 01.12.2021); Fighting coronavirus feels like fighting a war. That might bring us together [online]. – URL: <https://www.washingtonpost.com/outlook/2020/04/21/fighting-coronavirus-feels-like-fighting-war-that-might-bring-us-together/> (accessed 01.12.2021).

необходимость «отказаться от эгоизма» в интересах безопасности окружающих³⁹². Эти параллели опирались на уже укорененные в общественном сознании нарративы, связанные прежде всего с мобилизацией и индустриальным производством. Сценарий, предоставляемый этой аналогией, имел однозначно положительные коннотации:

«...промышленная мобилизация во время Второй мировой войны имела военную цель, но достигла продолжительного экономического и социального эффекта, помогая создать основу для великой эпохи послевоенного процветания»³⁹³.

Примечательным «кейсом» в этой связи нам видится статья с «нативной рекламой» компании Pfizer. Аналогия между производством пенициллина сотрудниками Pfizer в период Второй мировой войны и разработкой вакцины для борьбы с новым коронавирусом служила обоснованием парадоксального (на первый взгляд) вывода о том, что призывы участников президентской гонки сделать будущие вакцины против COVID-19 бесплатными «противоречат национальным интересам»³⁹⁴.

20 марта, на президентском брифинге, одной из тем которого стал закон об оборонном производстве (Defense Production Act), позволяющий принуждать бизнес к приоритетному выполнению государственного заказа, Д. Трамп несколько раз охарактеризовал себя как «президента военного времени», явным образом апеллируя к образу Ф. Рузвельта³⁹⁵. Эта попытка обеспечить эффект «ралли вокруг флага» натолкнулась на различные «блокирующие ходы», предпринятые продемократически настроенными журналистами, стремящимися символически перекодировать ситуацию. Нами были выделены четыре соответствующие стратегии:

³⁹² The Imperative of Personal Sacrifice, Today and During World War II [online]. – URL:

<https://www.nytimes.com/2020/04/03/magazine/personal-sacrifice-coronavirus-world-war-ii.html> (accessed 01.12.2021).

³⁹³ America Is at War, and There's Only One Enemy. [online]. – URL:

<https://www.nytimes.com/2020/03/18/opinion/coronavirus-trump-war.html?searchResultPosition=6> (accessed 01.12.2021).

³⁹⁴ The History of Pfizer and Penicillin, and Lessons for Coronavirus [online]. – URL: <https://www.wsj.com/articles/the-history-of-pfizer-and-penicillin-and-lessons-for-coronavirus-11584723787> (accessed 01.12.2021).

³⁹⁵ Remarks by President Trump, Vice President Pence, and Members of the Coronavirus Task Force in Press Briefing [online]. – URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-vice-president-pence-members-c-oronavirus-task-force-press-briefing/> (accessed 01.12.2021).

- опровержение релевантности исторической аналогии (через утверждение о несоответствии соотносимых признаков в двух сопоставляемых ситуациях или, реже, через указание на вероятностный характер любого умозаключения по аналогии);
- проведение исторической аналогии с опорой на другую сферу-источник;
- пересмотр прецедентного нарратива (историческая критика нарратива о событии, взятом в качестве сферы-источника, позволяет поставить под сомнение выводы, полученные посредством проведения аналогии);
- выведение альтернативных «уроков» (через указание на то, что переносимый признак является не единственным).

Рассмотрим первую их них на примере заметки в «The New York Times»:

*«В традиционной войне или даже при террористическом нападении бойцами на переднем крае являются госслужащие, члены правительства, солдаты, полицейские, пожарные. В случае пандемии многие из тех, кто находится на переднем крае, являются частными лицами или представителями бизнеса. Они могут возвыситься, проявить честь, благородство и самоотверженность, но политику трудно отдать должное их усилиям и жертвам»*³⁹⁶. Таким образом, предметом критики становится внутренняя несогласованность аналогии, а акцент переносится на другой аспект проблемы: размежевание по линии «народ» — «власть».

В рамках второй стратегии аналогия со Второй мировой войной подменяется иной, якобы более «объективной», параллелью: *«С политической точки зрения это намного больше похоже на общенациональный вариант урагана “Катрина”, при котором вода поднимается выше и стоит дольше, чем на Перл-Харбор или 11 сентября»*³⁹⁷. Интересным «блокирующим ходом» выглядит и попытка поставить борьбу с пандемией, которую вел Д. Трамп, в один ряд с другими неудачами

³⁹⁶ The Politics of a Pandemic. Trump wants us to see him as defeating a foreign enemy. [online]. – URL: <https://www.nytimes.com/2020/03/29/opinion/coronavirus-pandemic-politics.html> (accessed 01.12.2021).

³⁹⁷ Why Trump wants to be seen as a 'wartime' President. [online]. – URL: <https://edition.cnn.com/2020/03/24/politics/fault-lines-trump-coronavirus-wartime-president/index.html> (accessed 01.12.2021).

«военного времени»: Перл-Харбором, высадкой в заливе Свиней, Вьетнамской кампанией Л. Джонсона и другими³⁹⁸.

Третья стратегия предполагала пересмотр прецедентного нарратива. Например, отмечалось, что «акцент на подсчете убитых дал американским солдатам стимул завышать предполагаемое число убитых врагов» (речь шла о том, что и при борьбе с пандемией федеральное правительство предпочитает «игру статистикой» реальным мерам),³⁹⁹ или фиксировалось, что в военное время «федеральные расходы резко растут, в то время как налоговые поступления страдают», поэтому войны сопровождаются «неприятными приступами инфляции»⁴⁰⁰.

Наконец, четвертая стратегия, во многом схожая с предыдущей, предполагала извлечение из президентской аналогии противоположных выводов: сравнивая «военного президента» Д. Трампа с Ф. Рузвельтом,⁴⁰¹ колумнисты подчеркивали губительность изоляционизма и потребность в трансатлантической солидарности времен Второй мировой войны⁴⁰².

Отдельного внимания заслуживает параллель с терактами 11 сентября. Образ единения, которым ньюйоркцы ответили на террористическую атаку, активно использовался в этом штате для легитимации дисциплинирующих правил. «Взрыва не было», — отреагировал на вопрос журналиста губернатор-демократ Э. Куомо. «Но это был тихий взрыв, который просто прокатился по обществу так же случайно, принесся то же зло, что мы видели 11 сентября»⁴⁰³. Примечательно, что в республиканском сегменте медиадискурса образ этого же события актуализировал

³⁹⁸ Trump Is Not the Coronavirus [online]. – URL: <https://www.wsj.com/articles/trump-is-not-the-coronavirus-11586300015> (accessed 01.12.2021).

³⁹⁹ Stop calling covid-19 a war [online]. – URL: <https://www.washingtonpost.com/outlook/2020/04/20/stop-calling-covid-19-war/> (accessed 01.12.2021).

⁴⁰⁰ Get Ready for the Return of Inflation [online]. – URL: <https://www.wsj.com/articles/get-ready-for-the-return-of-inflation-11587659836> (accessed 01.12.2021).

⁴⁰¹ Trump and Roosevelt: A Study in Contrasts. [online]. – URL: https://www.washingtonpost.com/business/on-small-business/trump-and-roosevelt-a-study-in-contrasts/2020/03/20/c3c39c50-6aa8-11ea-b199-3a9799c54512_story.html (accessed 01.12.2021); America Is at War, and There's Only One Enemy [online] – URL: <https://www.nytimes.com/2020/03/18/opinion/coronavirus-trump-war.html?searchResultPosition=6> (accessed 01.12.2021).

⁴⁰² Band of Seniors. Is World War II the right analogy? [online]. – URL: <https://www.wsj.com/articles/band-of-seniors-11584632300?mod=searchresults&page=1&pos=2> (accessed 01.12.2021).

⁴⁰³ Global Cases of Coronavirus Top 1.6 Million [online]. – URL: <https://www.wsj.com/articles/countries-world-wide-log-record-coronavirus-cases-11586425347> (accessed 01.12.2021).

вопрос о пределах расширения полномочий правительства по надзору во имя «защиты общественной безопасности»⁴⁰⁴.

«Экономические» аналогии

Рамочная категория «экономических» аналогий объединяет в себе параллели с природными и техногенными катастрофами, финансовыми кризисами и другими бедствиями невоенного и неэпидемического характера (График 7). Выбор ее названия продиктован тем, что данные параллели использовались для акцентирования экономических последствий пандемии, позволяя символически кодировать те или иные проекты стимулирующих мер.

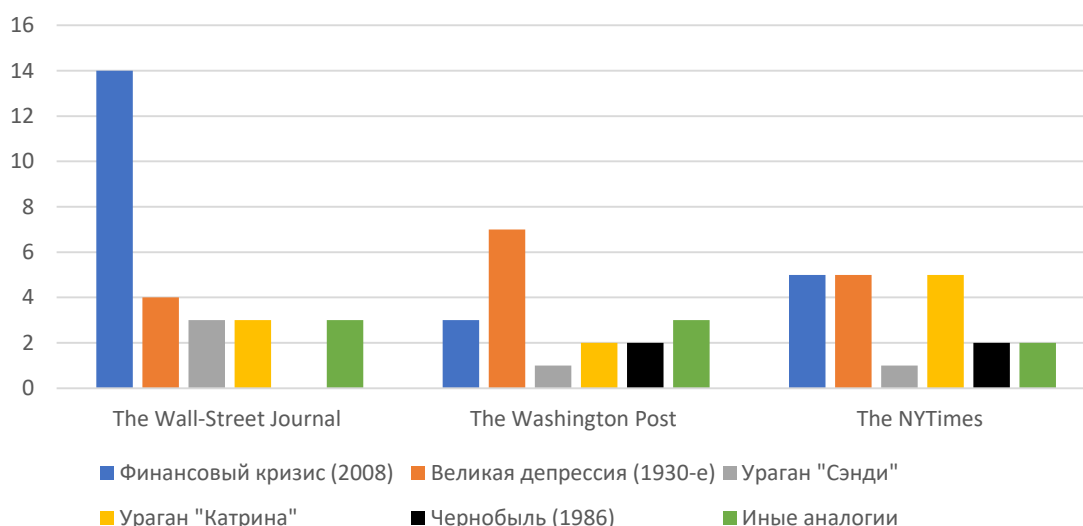

График 7. «Экономические» аналогии в выборке

Одной из первых «экономических» аналогий, встретившихся в рассматриваемом сегменте американского медиадискурса, является параллель с катастрофой на Чернобыльской АЭС (в 2019 г. популяризированной сериалом «Чернобыль» от НВО). Еще в начале февраля 2020 г. Д. Трамп охарактеризовал пандемию как «китайский Чернобыль»⁴⁰⁵, используя соответствующий нарратив о бедствии, замалчиваемом государственной пропагандой. Спустя некоторое время этот же «фреймирующий ход» был использован колумнистами-демократами:

⁴⁰⁴ How Coronavirus Is Eroding Privacy [online]. – URL: <https://www.wsj.com/articles/coronavirus-paves-way-for-new-age-of-digital-surveillance-11586963028> (accessed 01.12.2021).

⁴⁰⁵ China's Chernobyl? The coronavirus outbreak leads to a loaded metaphor. [online]. – URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2020/02/12/chinas-chernobyl-coronavirus-outbreak-leads-loaded-metaphor/> (accessed 01.12.2021).

упоминания о «Чернобыле Трампа» позволили акцентировать внимание на противоречии между электоральными интересами президента и необходимостью обеспечить безопасность граждан посредством непопулярных мер⁴⁰⁶.

Большое значение в рассматриваемый период приобрели параллели со стихийными бедствиями, такими как ураган «Катрина» (2005 г.). Образы разрушительных бурь, каждая из которых по традиции обозначается именем собственным, хорошо известны подавляющему большинству американцев. Использование аналогий с ними позволяло символически кодировать пандемию, сосредоточившись на ее разрушительных последствиях для экономики и благосостояния населения:

«Хотя мы мало знаем об экономических последствиях пандемий, мы многое знаем о последствиях стихийных бедствий... Сейчас приоритет состоит в том, чтобы избежать участи Нового Орлеана после “Катрины”»⁴⁰⁷.

Кроме того, как уже отмечалось ранее, аналогии с ураганами прошлого позволяли негативно маркировать политику Д. Трампа, противопоставив ее более эффективным мерам его предшественников. Так, например, отмечалось, что в период преодоления последствий урагана «Сэнди» Б. Обама выстроил конструктивное сотрудничество со своими оппонентами-республиканцами,⁴⁰⁸ посетив пострадавший штат Нью-Джерси, в то время как действующий президент, невзирая на угрозу коронавирусной инфекции, отказал в поддержке губернатору Вашингтона на основании его партийной принадлежности⁴⁰⁹.

Аналогии подобного рода позволяли строить целые сценарии избирательной кампании, указывая читателю на ее «более вероятный» исход:

⁴⁰⁶ Trump's Chernobyl. [online]. – URL: <https://www.nytimes.com/2020/03/13/opinion/trump-coronavirus-chernobyl.html?searchResultPosition=1> (accessed 01.12.2021); The coronavirus is Trump's Chernobyl [online]. – URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2020/03/09/coronavirus-is-trumps-chernobyl/> (accessed 01.12.2021).

⁴⁰⁷ How to Avoid Another Great Recession [online]. – URL: <https://www.wsj.com/articles/how-to-avoid-another-great-recession-11585574692> (accessed 01.12.2021).

⁴⁰⁸ Trump Struggles to Balance Mitigating Epidemic, Protecting Economy [online]. – URL: <https://www.wsj.com/articles/trump-struggles-to-balance-mitigating-epidemic-protecting-economy-11583847590> (accessed 01.12.2021); 5 Hurricane Response Lessons That Apply to Coronavirus [online]. – URL: <https://www.nytimes.com/2020/03/19/us/hurricane-lessons-coronavirus.html> (accessed 01.12.2021).

⁴⁰⁹ Trump Struggles to Balance Mitigating Epidemic, Protecting Economy [online]. – URL: <https://www.wsj.com/articles/trump-struggles-to-balance-mitigating-epidemic-protecting-economy-11583847590> (accessed 01.12.2021).

«Союзники г-на Трампа знают, что его переизбрание теперь почти полностью зависит от того, как он справится с кризисом. И вопрос в том, будет ли он оцениваться [избирателями] как президент Джордж Буш сразу после нападений 11 сентября 2001 г., когда его рассматривали как фигуру, объединяющую нацию, или его можно будет сравнить с Бушем после урагана “Катрина”, когда тот пытался свести к минимуму кризис, ставший, в конечном итоге, слишком большим, чтобы его могли игнорировать...»⁴¹⁰.

Особый интерес представляют исторические аналогии с экономическими бедствиями — Великой депрессией и финансовым кризисом 2008 года. Их проведение позволяло задать новые векторы дискуссии об экономических мерах реагирования на последствия пандемии, маркировать те или иные позиции по данному вопросу. Еще в начале марта президент Трамп вступил в переговоры с Конгрессом по поводу необходимости дополнительного стимулирования экономики. Республиканцами предлагался сценарий прямых выплат, которые должны были поступить каждому гражданину США, а также ряд мер по поддержке малого бизнеса, в то время как демократы ориентировались на расширение оплачиваемых отпусков и выплату адресных социальных пособий.

В ходе дискуссии, подробно освещавшейся в прессе, демократические колумнисты указывали на риск президентского вето, которое могло бы быть наложено на законопроект о бюджете, в том случае, если стороны не придут к консенсусу. В целях фреймирования ситуации использовалась параллель с Великой депрессией — образом грозного экономического бедствия, затянувшегося на десятилетие. В рамках этой аналогии Трамп отождествлялся со своим предшественником — республиканским президентом Дж. Гувером, наложившим вето на законопроект о стимулировании экономики, что в свое время привело к тяжелым социальным последствиям (в рассмотренной статье использовался яркий

⁴¹⁰ ‘Wartime President’? Trump Rewrites History in an Election Year [online]. — URL: <https://www.nytimes.com/2020/03/22/us/politics/coronavirus-trump-wartime-president.html> (accessed 01.12.2021).

образ «городов» из лачуг, построенных потерявшими работу американцами — их называли «гувервилли»)⁴¹¹.

Многие авторы подчеркивали сходство между пандемией коронавируса и финансовым кризисом 2008 года. Данная параллель, как правило, использовалась сторонниками Республиканской партии — указывалось, что «Вашингтон на этот раз за несколько недель сделал то, что тогда заняло полтора года», а президент, в отличие от предшественника, «пользуется сильной поддержкой своей партии, выступающей за его переизбрание, которое в значительной степени зависит от способности правительства сдерживать экономические последствия пандемии»⁴¹². Немаловажно, что именно опыт 2008 года побуждал республиканцев акцентировать внимание на приоритетности поддержки широких слоев населения:

«Хотя спасение бизнеса имеет решающее значение для нашей экономики, мы должны признать негативную реакцию общественности, которая была в связи с так называемой финансовой помощью во время Великой рецессии. И поэтому на этот раз вы увидите более строгие условия в отношении таких мер, как выкуп акций и вознаграждение руководителей... Это может быть, а может, и не совсем правильная политика, но в нынешних условиях это политическое требование»⁴¹³.

Симптоматично,⁴¹⁴ что об этом же заявлял и представитель левого крыла Демократической партии Б. Сандерс: «Тогда, в 2008 году... они выручили мошенников с Уолл-стрит. Они забывают о страданиях простых американцев... На этот раз давайте усвоим этот урок»⁴¹⁵.

⁴¹¹ The Republican president who vetoed a Great Depression rescue package in an election year [online]. – URL: <https://www.washingtonpost.com/history/2020/04/13/hover-trump-great-depression-coronavirus-economy/> (accessed 01.12.2021).

⁴¹² How Fast the Economy Crashed and Washington Responded—in Charts [online]. – URL: <https://www.wsj.com/articles/how-fast-the-economy-crashed-and-washington-respondedin-charts-11585334137> (accessed 01.12.2021).

⁴¹³ Steven Rattner on Coronavirus Stimulus: ‘Better to Go Too Quickly and Too Heavily’ [online]. – URL: <https://www.wsj.com/articles/steven-rattner-on-coronavirus-stimulus-better-to-go-too-quickly-and-too-heavily-11585091015> (accessed 01.12.2021).

⁴¹⁴ Напомним, что, как отмечал С. Макдональд, если участники дискуссии, разделяющие разные взгляды, постоянно возвращаются к одной и той же исторической аналогии, причем она интерпретируется ими в сходном ключе (и, тем более, если она позволяет переубедить одну из сторон), то данная аналогия является когнитивной.

⁴¹⁵ Challenge for Policy Makers: Rescue Economy Without Fueling Populist Backlash [online]. – URL: <https://www.wsj.com/articles/challenge-for-policy-makers-rescue-economy-without-fueling-populist-backlash-11584475764> (accessed 01.12.2021).

Республиканские колумнисты указывали, что президенту Трампу «было бы разумно извлечь уроки из Закона Барака Обамы о восстановлении и реинвестировании Америки на сумму 830 миллиардов долларов в 2009 году». Подчеркивалось, что вице-президент Байден вызвал тогда «бурю», пообещав «лето восстановления», которое так и не наступило (поскольку только 15 % выделенных средств было вложено в инфраструктурные проекты, а остальное пошло на социальные программы перераспределения доходов)⁴¹⁶.

Впрочем, параллель с кризисом 2008 года взял на вооружение и сам Д. Байден. На дебатах с Б. Сандерсом он подчеркивал, что принимает критику, адресованную команде Б. Обамы⁴¹⁷. Одновременно, этот же эпизод ставился ему в заслугу. В статьях продемократически настроенных авторов отмечалось, что *«когда наша страна столкнулась с Великой рецессией, именно Джо Байден руководил осуществлением и подотчетностью закона о восстановлении, помогая создавать и сохранять миллионы рабочих мест»*⁴¹⁸.

3.1.4. Исторические аналогии в российском медиадискурсе

Распространение коронавирусной инфекции в России происходило в тех же временных рамках, что и в США. В январе 2020 г. был создан оперативный штаб для борьбы с COVID-19 под руководством вице-премьера Т.А. Голиковой. 31 января на территории страны были выявлены первые случаи заражения (у граждан КНР), 2 марта первый случай заболевания был зафиксирован в Москве. С 30 марта Российская Федерация полностью закрыла границы, в стране был объявлен режим нерабочих дней.

Вместе с тем, как отмечалось ранее, доля исторических аналогий, фреймирующих пандемию COVID-19, в рассматриваемом нами сегменте российского медиадискурса оказалась гораздо меньше, нежели в американском. С одной стороны, это связано с гораздо меньшим масштабом эпидемии. С другой

⁴¹⁶ Obama's Bad Stimulus Example [online]. – URL: <https://www.wsj.com/articles/obamas-bad-stimulus-example-11584745388> (accessed 01.12.2021).

⁴¹⁷ Challenge for Policy Makers: Rescue Economy Without Fueling Populist Backlash [online]. – URL: <https://www.wsj.com/articles/challenge-for-policy-makers-rescue-economy-without-fueling-populist-backlash-11584475764> (accessed 01.12.2021).

⁴¹⁸ House Speaker Nancy Pelosi Endorses Joe Biden for President [online]. – URL: <https://www.wsj.com/articles/house-speaker-nancy-pelosi-endorses-joe-biden-for-president-11587990753> (accessed 01.12.2021).

стороны, отражает состояние публичной сферы и, возможно, особенности исторической культуры⁴¹⁹.

«Эпидемические» аналогии

12 марта, на следующий день после того, как Всемирная организация здравоохранения объявила эпидемию COVID-19 пандемией, редакцией информационного агентства «РИА Новости» был подготовлен список предшествующих «прецедентных» случаев — крупнейших эпидемий XX века от «испанки» 1918 года до «свиного» гриппа 2009 года⁴²⁰. В следующей статье, вышедшей в тот же день, эти нарративы были использованы уже как исторические аналогии (автор статьи подводил читателей к выводу о том, что «в нынешней ситуации перспективы куда пессимистичнее»)⁴²¹.

Хотя на момент начала пандемии в России были зарегистрированы лишь 28 случаев заболевания,⁴²² в рассматриваемом сегменте дискурса начали появляться аналогии с «испанкой», которая позиционировалась как крупнейшая пандемия в истории⁴²³. Однако, если в американском медиадискурсе нарратив об «испанке» конструировался целенаправленно, то в отечественном случае эта эпидемия так и осталась на периферии внимания. Единственная попытка построить развернутый нарратив об «испанке» в России за весь рассматриваемый период была предпринята лишь «Новой газетой»,⁴²⁴ однако данный материал размещался в рубрике «исторический обзор», а параллели с коронавирусной инфекцией носили в нем исключительно формальный характер.

⁴¹⁹ Другие исследования подтверждают, что частота встречаемости исторических аналогий в российском медиадискурсе традиционно невысока. Лингвист М.Н. Крылова, проанализировавшая более 6 тысяч публикаций, обнаружила «исторические» прецедентные феномены лишь в 1 % из них. В исследованиях, проведенных на материале региональных СМИ, частота встречаемости достигала 5 %, однако все равно заметно уступала встречаемости прецедентных феноменов из других сфера-источников. Крылова М.Н. «Молчит, как партизан». Прецедентные сравнения из сферы истории // Русская речь. 2017. № 6. С. 32; Силантьева В.Н. Происхождение прецедентных текстов // Вестник Алтайского государственного университета. 2010. № 2 (50). С. 106.

⁴²⁰ Случаи пандемий в мире в XX веке [Электронный ресурс]. — URL: <https://ria.ru/20200312/1568463184.html> (дата обращения: 15.11.2021).

⁴²¹ Птичий, свиной и новый. Чему научила прошлая пандемия [Электронный ресурс]. — URL: <https://ria.ru/20200312/1568487650.html> (дата обращения: 15.11.2021).

⁴²² Случаи пандемий в мире в XX веке [Электронный ресурс]. — URL: <https://ria.ru/20200312/1568463184.html> (дата обращения: 15.11.2021).

⁴²³ Вассерман предположил сроки окончания пандемии коронавируса [Электронный ресурс]. — URL: <https://ria.ru/20200319/1568869588.html> (дата обращения: 15.11.2021).

⁴²⁴ Корона российской инфекции [Электронный ресурс]. — URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/04/01/84635-korona-rossiyskoy-infektsii> (дата обращения: 15.11.2021).

Гораздо более значимую роль играли аналогии с другими странами. Символически кодируя те или иные варианты противоэпидемических мер как «итальянскую», «американскую», «южнокорейскую» или «шведскую» модели, медиа формировали образ международной конкуренции, в которой Россия одерживает победу⁴²⁵. Примечателен сопутствующий «фреймирующий ход»: наиболее успешная — «южнокорейская» — модель впоследствии начала обозначаться как «советская». Проводя параллель между системой здравоохранения, у истоков которой стоял Н.А. Семашко, и современными способами борьбы с эпидемией в Юго-Восточной Азии, автор де-факто рекомендовал России заимствовать советские практики, не прибегая при этом к прямому призыву «вернуться в прошлое»⁴²⁶.

Следует отметить, что в отличие от американского медиадискурса, обладающего большой темпоральной глубиной, в российском случае доля «эпидемических» аналогий опиралась на образы эпидемий XXI века. Данные параллели, как правило, встречались в интервью профессиональных медиков, являясь скорее «когнитивными», нежели коммуникативными. Если американские колумнисты стремились вывести из аналогий «социальные» уроки, то в российском случае особое внимание уделялось уровню смертности, который, что в случае лихорадки «Эбола»⁴²⁷, что в случае «свиного» гриппа⁴²⁸, оказывался гораздо выше, чем при COVID-19 (тем самым демонстрировалось, что релевантность подобных аналогий под вопросом).

⁴²⁵ Эксперт рассказал, по чьему сценарию с коронавирусом идет Россия [Электронный ресурс]. — URL: <https://ria.ru/20200331/1569395926.html> (дата обращения: 15.11.2021); «Бессимптомников — до 50%, и они могут распространять вирус». Профессор Сергей Нетесов — о том, что поможет России победить в борьбе с COVID-19 [Электронный ресурс]. — URL: <https://iz.ru/994913/valeriia-nodelman/bessimptomnikov-do-50-i-oni-mogut-rasprostraniat-virus> (дата обращения: 15.11.2021).

⁴²⁶ Советские рецепты эффективны против коронавируса [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/03/30/826638-sovetskie-retsepti> (дата обращения: 15.11.2021).

⁴²⁷ Российский вирусолог сравнил эпидемии коронавируса и Эболы [Электронный ресурс]. — URL: <https://iz.ru/1002296/2020-04-20/rossiiskii-virusolog-sravnil-epidemii-koronavirusa-i-eboly> (дата обращения: 15.11.2021).

⁴²⁸ Ученый сравнил уровни смертности от коронавируса и свиного гриппа [Электронный ресурс]. — URL: <https://ria.ru/20200429/1570761403.html> (дата обращения: 15.11.2021).

«Экономические» аналогии

Экономические риски, связанные с эпидемией COVID-19, проблематизировались в российском медиадискурсе гораздо реже, чем эпидемические. Поскольку основной задачей спикеров от лица федеральной власти было продемонстрировать, что ситуация находится под контролем, все исторические аналогии целенаправленно опровергались. Крайне показательным примером может служить параллель с «девяностыми» — периодом социально-экономического неблагополучия, образ которого «референтен» для многих россиян и активно использовался в официальном дискурсе (как отмечает О.Ю. Малинова, «репрезентируя собственный политический курс по контрасту с предшествующим периодом, В. Путин вольно или невольно участвовал в формировании мифа о «лихих девяностых»)⁴²⁹.

13 апреля, отвечая на вопрос журналиста «Коммерсанта» о росте преступности, обусловленном эпидемией, пресс-секретарь президента Д.С. Песков однозначно охарактеризовал параллель с «девяностыми» как «истеричные проявления»⁴³⁰. Спустя три дня, 16 апреля, выступая на программе «Познер», министр экономического развития М.А. Решетников категорически исключил вероятность дефолта, подобного тому, который объявили в 1998 году⁴³¹. Это заявление стало медиасобытием, спровоцировав последующую дискуссию в СМИ. На схожесть ситуации — от резкого падения цен на нефть до заявления президента Б.Н. Ельцина («Девальвации не будет. Это я заявляю четко и твердо») — обратили внимание оппозиционные авторы (позиция ряда экспертов, стоящих на либеральных позициях, заключалась в том, что «в философском смысле дефолт уже произошел»)⁴³². О том, что «рухнувшие нефтегазовые доходы, массовая остановка

⁴²⁹ Малинова О.Ю. Обоснование политики 2000-х годов в дискурсе В. В. Путина и формирование мифа о «лихих девяностых» // Политическая наука. 2018. № 3. С. 64.

⁴³⁰ Кремль считает истеричными опасения повтора 1990-х из-за коронавируса [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4321022> (дата обращения: 15.11.2021).

⁴³¹ Гость Максим Решетников. Познер. Выпуск от 16.04.2020 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.1tv.ru/shows/pozner/vypuski/gost-maksim-reshetnikov-pozner-vypusk-ot-16-04-2020> (дата обращения: 15.11.2021).

⁴³² Ельцин-1998, Решетников-2020: Дефолта не будет — все просчитано! [Электронный ресурс]. — URL: <https://svpressa.ru/economy/article/262917/> (дата обращения: 15.11.2021); Кризис-2020: Россию к зиме ждет дефолт страшнее 1998-го [Электронный ресурс]. — URL: <https://svpressa.ru/economy/article/262485/> (дата обращения: 15.11.2021).

предприятий и отсутствие эффективной государственной поддержки ведут страну в глубокий кризис, сравнимый по последствиям с началом девяностых», — 17 апреля подчеркнул председатель «Партии народной свободы» М.М. Касьянов⁴³³.

Никак не комментируя саму аналогию, опровергнутую М.А. Решетниковым, автор «Ведомостей» сопровождал новость об интервью министра экономического развития параллелью с Великой депрессией, которую ранее провел представитель МВФ, а также негативным прогнозом этой организации в отношении темпов роста российской экономики⁴³⁴.

В свою очередь, информационное агентство «РИА Новости» подготовило подробный разбор исторической аналогии с 1998 г., резюмировав, что «ситуация в отечественной экономике несравненно лучше», а «вероятность нового дефолта равна нулю»⁴³⁵.

Наконец, «Коммерсантъ» сосредоточил внимание на двух других исторических аналогиях, прозвучавших в том же интервью министра экономического развития. М.А. Решетников сравнивал ситуацию с финансовым кризисом 2008 г. и санкционным кризисом 2014 г. (оба рассматривались им как примеры успешного ответа на внешние вызовы)⁴³⁶.

24 апреля на совещании по развитию машиностроительного комплекса президент России В.В. Путин также использовал аналогию с финансовым кризисом 2008 г. Он подчеркнул, что та ситуация была легче, поскольку пандемия COVID-19 ограничивает деловую активность внутри России⁴³⁷. Хотя проведенная параллель была упомянута несколькими СМИ⁴³⁸, каких-либо «блокирующих

⁴³³ Михаил Касьянов: Новые девяностые [Электронный ресурс]. — URL: <https://newtimes.ru/articles/detail/193339> (дата обращения: 15.11.2021).

⁴³⁴ Министр экономического развития исключил повторение дефолта 1998 года [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2020/04/16/828266-1998> (дата обращения: 15.11.2021).

⁴³⁵ "Дефолта не будет": стоит ли верить Минэкономразвития [Электронный ресурс]. — URL: <https://ria.ru/20200419/1570196890.html> (дата обращения: 15.11.2021).

⁴³⁶ Глава Минэкономики исключил повторение дефолта 1998 года [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4323767> (дата обращения: 15.11.2021).

⁴³⁷ Путин сравнил ситуацию с COVID-19 и финансовый кризис 2008-2009 годов [Электронный ресурс]. — URL: <https://ria.ru/20200424/1570523537.html> (дата обращения: 15.11.2021).

⁴³⁸ Путин сравнил влияние коронавируса с финансовым кризисом 2008-2009 годов [Электронный ресурс]. — URL: <https://vz.ru/news/2020/4/24/1036102.html> (дата обращения: 15.11.2021); Путин сравнил ситуацию с коронавирусом и финансовый кризис 2008-2009 годов [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.mk.ru/economics/2020/04/24/putin-sravnil-situaciyu-s-koronavirusom-i-finansovyy-krizis-20082009-godov.html> (дата обращения: 15.11.2021).

движений» в данном случае обнаружить не удалось. На наш взгляд, это обусловлено низким уровнем осведомленности российских граждан о кризисе 2008 г., отсутствием укорененного в коллективной памяти нарратива об этом событии (в американской коллективной памяти существует не только нарратив о данном кризисе, но и его индивидуализирующее наименование — «Великая рецессия»).

«Военные» аналогии

Символическое кодирование эпидемии COVID-19 как социально-политического явления чаще всего осуществлялось через посредство аналогии с Великой Отечественной войной. Во многом проведению соответствующей параллели способствовало 75-летие Победы, подготовка к которому началась сильно заранее — в рамках объявленного в стране Года памяти и славы.

Аналогия с Великой Отечественной войной позволяла мобилизовать и дисциплинировать общество, призвать к преодолению трудностей, глорифицировать врачей и обеспечить выгодное позиционирование России на международной арене. Уже 26 марта в интервью «Коммерсантъ» генеральный директор Российского фонда прямых инвестиций (РФПИ) К.А. Дмитриев, занимавшийся продвижением первой российской вакцины от коронавирусной инфекции, провел параллель между пандемией и Великой Отечественной войной, сосредоточив внимание на серьезности угрозы⁴³⁹. В апреле, в рамках онлайн-марафона Doctor Jazz Party, который также прошел при поддержке РФПИ, данная аналогия использовалась еще несколько раз⁴⁴⁰.

Фреймируя эпидемию как войну, региональные власти смещали фокус с решения проблем «здесь и сейчас» на отдаленную перспективу «послевоенного урегулирования». Например, глава Республики Башкирия Р.Ф. Хабиров провел параллель с августом 1941 года, «когда фашистская Германия практически

⁴³⁹ «Коронавирус — один из самых серьезных вызовов человечеству с момента Великой Отечественной войны» Глава РФПИ Кирилл Дмитриев о борьбе с эпидемией в России и в мире [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4301510> (дата обращения: 15.11.2021).

⁴⁴⁰ В университете Пирогова считают, что подвиг врачей останется в истории [Электронный ресурс]. — URL: <https://ria.ru/20200430/1570843831.html> (дата обращения: 15.11.2021); Россияне должны победить коронавирус, как победили в ВОВ, считает онколог [Электронный ресурс]. — URL: <https://ria.ru/20200430/1570840721.html> (дата обращения: 15.11.2021).

захватила всю Европу и уже вторглась на территорию Советского Союза». По его словам, *«уже в августе 41 года государства собрались и начали рисовать контуры нового мира, который будет после победы над фашизмом. Нам тоже сейчас, на мой взгляд, надо уже об этом поговорить»*⁴⁴¹.

Попытки осмыслить геополитическую перспективу страны в новом формирующемся миропорядке предпринимались колумнистами разных идеологических взглядов. Если в «консервативном» сегменте дискурса при помощи данной исторической аналогии обосновывалась потребность в «мирной экспансии» России (*«Если Москва окажет помощь европейцам в борьбе с коронавирусом, есть шанс укрепить приязнь, не проливая — как в прошлые войны с Наполеоном и Гитлером — русской крови»*),⁴⁴² то в «либеральном» сегменте речь шла скорее о восстановлении глобальной управляемости. Например, экс-министр иностранных дел И.С. Иванов, сравнивая период борьбы с коронавирусом и завершающий период войны, сосредоточился на совещании стран антигитлеровской коалиции в Думбартон-Оксе, подчеркнув, что *«договоренность [о послевоенном мироустройстве] была достигнута, несмотря на то, что у победителей в войне были очень разные, подчас прямо противоположные взгляды»*⁴⁴³.

Как и в рассмотренном нами сегменте американского «медиадискурса», исторические аналогии помогали актуализировать проблему ограничения гражданских свобод. Проводя параллель с «холодной войной», колумнист «Коммерсанта» фиксировал «новую реальность» закрытых границ,⁴⁴⁴ а аналогия с терактами 11 сентября маркировала эпидемические меры как установление дисциплинарного контроля над обществом. Президент ИМЭМО РАН А.А. Дынкин отмечал, что *«эпидемиологическая угроза займет в общественном сознании такое*

⁴⁴¹ Глава Башкирии сравнил пандемию COVID-19 с фашизмом [Электронный ресурс]. — URL: <https://ria.ru/20200428/1570686650.html> (дата обращения: 15.11.2021).

⁴⁴² Коронавирус вырабатывает у ЕС иммунитет к обвинениям против России [Электронный ресурс]. — URL: <https://iarex.ru/articles/74088.html> (дата обращения: 15.11.2021).

⁴⁴³ «Мир будет другим». Экс-глава МИД РФ Игорь Иванов — о международных отношениях в период пандемии [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4326474> (дата обращения: 15.11.2021).

⁴⁴⁴ Вирус во благо. Сергей Строкань о том, поможет ли пандемия России и остальному миру [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4322198> (дата обращения: 15.11.2021).

же место, какое после терактов в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. заняла террористическая угроза. Нельзя исключать появления в аэропортах биометрического контроля в дополнение к существующим протоколам авиационной безопасности»⁴⁴⁵.

Таким образом, основные способы использования «военных» аналогий в американском и российском медиадискурсах, оказываются весьма схожими.

Полученные выводы могут быть разделены на два блока: первый охватывает круг методологических вопросов, второй — основные различия между российским и американским сегментами медиадискурса. С точки зрения методологии, функционирование исторических аналогий в политическом сегменте медиадискурса эффективно описывается теорией динамического «фрейм-анализа». Параллели с прошлым оказывают влияние на приоритизацию проблем, формирование образов отдельных акторов и проводимых ими политик. Помимо «фреймирующих ходов», исторические аналогии могут применяться для осуществления «блокирующих движений». Нами были выделены четыре соответствующие стратегии: отрицание релевантности «нежелательной» аналогии, предложение альтернативной аналогии, критика нарратива, на который опирается аналогия, и критика выводов, извлекаемых из аналогии.

Немаловажно, что на практике процесс конструирования нарратива о прецедентном событии и проведение аналогии с опорой на него могут осуществляться одновременно, зачастую — в рамках одного текста. Особенно характерно это для «эпидемических» аналогий, опиравшихся на нарративы о пандемиях, ранее отсутствовавших в пространстве коллективной памяти.

Обращает на себя внимание количественная диспропорция исторических аналогий, используемых в российском и американском медиадискурсах. На наш взгляд, она может объясняться как разницей масштаба пандемии

⁴⁴⁵ Дынкин А. А. Танец черных лебедей. Мировая премьера. [Электронный ресурс]. — URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/tanets-chernykh-lebedey-mirovaya-premera/?sphrase_id=35102260 (дата обращения: 15.11.2021).

(в рассматриваемый период количество жертв эпидемии в США было гораздо выше), так и особенностями выборки (большая часть аналогий в американском медиадискурсе проводится в авторских колонках, в то время как в российском медиадискурсе основную долю аналогий составляют цитаты). При этом, в целом, нельзя не отметить, что степень критичности по отношению к выводам, полученным посредством исторических аналогий, в американском медиадискурсе оказалась гораздо ниже, чем в российском.

Выводы третьей главы

В третьей главе была предпринята попытка выявить особенности функционирования исторических аналогий в разных сегментах политического дискурса. Методология исследования варьировалась в зависимости от характеристик рассматриваемых дискурсов, учитывала их прагматику. Для изучения президентского дискурса об операции по принуждению Грузии к миру была применена теория «конструктивизм правил», в рамках которой публично озвученные параллели с прошлым рассматриваются как репрезентативные высказывания о сходстве прецедентной и наблюдаемой ситуаций. Предполагается, что первостепенной задачей акторов, оказавшихся в ситуации неопределенности, характеризующейся высокими рисками, будет выработка новых неформальных правил, формально «заимствуемых» из прошлой, более знакомой ситуации. С методологической точки зрения предполагается сосредоточить внимание не на всех параллелях с прошлым, а лишь на тех, которые были признаны релевантными более чем одним актором. Именно на основании сходства «сферы-источника» и «сферы-мишени» осуществляется извлечение из прецедентной ситуации соответствующих директивных и комиссивных правил, которые начинают неформально регламентировать поведение акторов уже в новой, наблюдаемой ситуации.

В рассматриваемый период наиболее широкую рамку задавала аналогия с «холодной войной», релевантность которой признавалась в дискурсах США, Грузии (на ранней стадии конфликта) и Франции, но оспаривалась в российском президентском дискурсе. При этом существенные различия национальных

нарративов о «холодной войне» не позволили сторонам извлечь из этой параллели взаимообязывающие правила. Свою роль сыграло и различие темпоральностей российского и западного дискурсов — в то время как в основе президентских дискурсов Грузии, Франции и США лежала оппозиция «прошлое» («блоковая дипломатия», зоны влияния) — «будущее» (безусловное признание суверенитета постсоветских государств, отказ от силовых способов разрешения конфликтов), для России, напротив, было принципиально обозначить свое *историческое* право на сохранение зоны влияния в Закавказье.

Аналогия между позицией Европейского союза в отношении грузино-российского конфликта и «мюнхенским сговором», предложенная президентом Грузии, как и аналогия между нападением вооруженных сил Грузии на Цхинвал и террористической атакой 11 сентября, предложенная президентом России, не были «акцептованы» другими сторонами, так как, с одной стороны, различия между прецедентной и наблюдаемой ситуацией были слишком велики, а с другой стороны, вытекающие из признания этих аналогий правила виделись остальным акторам неприемлемыми. С другой стороны, важную роль в «символической» консолидации позиций Грузии, Франции и США сыграла аналогия между провозглашением суверенитета Южной Осетии и Абхазии и признанием независимости Косова. На ее примере видно, что способствовать выработке новых неформальных правил может не только признание, но и опровержение релевантности исторических параллелей.

Ограничения теории «конструктивизма правил», не позволяющие применять ее к монологичным дискурсам, например, направленным на внутреннюю аудиторию, побудили осуществлять анализ подобных случаев при помощи теории «секьюритизации». На конкретных примерах было доказано, что параллели с прошлым позволяют сконструировать референтный объект как в рамках секьюритизации, так и в случае «контр-секьюритизации».

Наконец, в политическом сегменте медиадискурса функционирование исторических аналогий описывалось теорией динамического фрейм-анализа. Через отсылку к известному фрейму параллель с прошлым оказывает влияние на

приоритизацию проблем, формирование образов отдельных акторов и проводимых ими политик. Анализ текстового материала позволяет разделять процесс конструирования нарратива о некоем событии и проведение аналогии с опорой на него. Конструктивистский и эссенциалистский модусы восприятия прошлого зачастую меняются в рамках одного текста (например, критикуется, якобы, «ложный» нарратив, а затем проводится аналогия с опорой на альтернативный нарратив, на этот раз интерпретируемый в категориях «объективного» исторического опыта).

Заключение

Многообразие подходов к изучению исторических аналогий, безусловно, осложняет концептуализацию этого понятия. В наиболее общем виде его можно определить как процедуру переноса признаков, характеризующих некую ситуацию (период, явление) в прошлом, на современную ситуацию или гипотетическую ситуацию в будущем, осуществляемую на основании их сходства. Историческая аналогия может рассматриваться и как один из четырёх способов обращения к прошлому в политическом дискурсе — наряду с коммеморацией исторического события, ретроспективным рассмотрением современной проблемы и экстраполяцией «исторических тенденций».

Проведенное исследование подтвердило первоначальную гипотезу о том, что исторические аналогии представлены в разных сегментах политического дискурса, причем частота их встречаемости, как и репертуар, будут зависеть от сегмента дискурса и его прагматики. Отсюда следует, что анализ репертуаров параллелей с прошлым позволяет точнее охарактеризовать прагматику рассматриваемого сегмента дискурса, лучше выявлять интенции политических акторов, а также реконструировать порядок приоритетности тех или иных событий в коллективной памяти изучаемой социальной группы.

Проведение исторической аналогии может осуществляться как на уровне индивидуального сознания (например, в рамках выработки и принятия некоего политического решения), так и в контексте массовой коммуникации, где установить субъекта аналогии будет уже затруднительно. Скорее наоборот, в ситуациях кризиса сами коллективно-разделяемые параллели с прошлым зачастую становятся способом артикулировать идентичность, определить и переутвердить «нас».

Поскольку исторические аналогии выполняют различные функции в политическом дискурсе, их изучение может осуществляться с разных методологических позиций. Например, «когнитивные» подходы рассматривают исторические аналогии в контексте принятия политических решений. Автором предлагается различать «когнитивно-нормативный» и «когнитивно-

дескриптивные» подходы: первый направлен на предотвращение «ошибок восприятия», обусловленных «ложными» аналогиями, а вторые описывают процесс принятия решений на практике, реконструируя его либо посредством эксперимента (психологический подход), либо с опорой на исторические источники (исторический подход). При этом основной недостаток «когнитивно-дискурсивных» подходов состоит в том, что даже доказательство того, что лицо, принимающее решение, в соответствующий момент времени находилось под влиянием исторической аналогии, не дает всех оснований утверждать, что на него в это же время не оказывали влияния иные, более значимые, обстоятельства.

Наибольший интерес, на наш взгляд, представляют конструктивистские подходы, позволяющие перенести акцент с индивидуальных субъектов, проводящих исторические аналогии, на сами обстоятельства, позволяющие параллелям с прошлым обретать свойства своеобразного «языка» описания политической реальности. Они же подводят к выводу, что проведение аналогии и ее «считывание» осуществляются в разных модусах восприятия прошлого (проведение аналогии — в «конструктивистском», а «считывание» — в «эссенциалистском»).

Принципиально важно, что проведение исторической аналогии невозможно без заранее сконструированного нарратива, «события», выполняющего функцию «сферы-источника». Обращение к прошлому, даже с позитивистской целью «извлечения уроков», само по себе является избирательным. Если же говорить о политической коммуникации, то дискурсивная природа «события» открывает широкий простор для оспаривания исторических аналогий, которое может осуществляться с четырех основных позиций: опровержение релевантности исторической аналогии; проведение исторической аналогии с опорой на другую «сферу-источник»; историческая критика прецедентного нарратива и выведение альтернативных «уроков» (через указание на то, что переносимый признак является не единственным).

С методологической точки зрения изучение исторических аналогий может осуществляться как путем выявления функциональной роли конкретной параллели

с прошлым, так и через комплексный анализ их репертуара в отдельно взятом сегменте дискурса. В последнем случае выбор конкретного подхода зависит от свойств рассматриваемого дискурса, его диалогичности или монологичности, направленности и прагматики.

Рассмотренный нами случай — операция России по принуждению Грузии к миру — продемонстрировал, что исторические аналогии включаются во внешнеполитические дискурсы (при том условии, что им свойственна диалогичность) с целью «заимствовать из прошлого» (де-факто — выработать) новые неформальные правила взаимодействия между политическими акторами в условиях изменившейся международной среды. Используя параллели с прошлым для символического кодирования самого факта вооруженного противостояния, признания Россией суверенитета Южной Осетии и Абхазии, а также более масштабных изменений в системе международных отношений, все стороны конфликта сигнализировали формально не вовлеченным в конфликт акторам о своих ожиданиях от них или же о взятых на себя обязательствах.

Одновременно с тем, в рамках монологических президентских дискурсов, ориентированных на национальную аудиторию, исторические аналогии успешно выполняли функции секьюритизации, прежде всего способствуя конструированию «референтных объектов». Симптоматично, что в первом случае «сферой-источником» исторических аналогий служила глобальная память (широко известные, во многом деконтекстуализированные, исторические события, такие как «мюнхенский сговор», «холодная война» или террористические атаки 11 сентября), а во втором случае — национальная память.

Рассмотренные нами сегменты американского и российского медиадискурсов о первой волне пандемии COVID-19 изначально строились как антагонистические, не предполагающие достижения консенсуса в части признания релевантности одних и тех же исторических аналогий, поэтому в качестве методологической рамки был выбран «динамический» фрейм-анализ, акцентирующий внимание на случаях целенаправленного оспаривания альтернативных интерпретаций.

Межстрановой анализ продемонстрировал, что и в российском, и в американском случаях конструирование образа первой волны пандемии COVID-19 осуществлялось посредством исторических параллелей с крупными эпидемиями, вооруженными конфликтами и экономическими потрясениями, репертуары которых частично пересекались. При этом обращает на себя внимание количественная диспропорция исторических аналогий, доля которых в американском сегменте медиадискурса оказалась выше, а также разная степень критичности по отношению к выводам, полученным посредством исторических аналогий (оказалась выше в российском случае).

Представляется, что дальнейшее совершенствование методологического инструментария, позволяющего анализировать исторические аналогии, включенные в различные сегменты политических дискурсов, позволит существенно обогатить отечественный сегмент исследований политического использования прошлого. Вместе с тем следует отметить, что ряд тем, которые находились на периферии настоящего исследования, вполне заслуживают собственного предметного рассмотрения.

В их числе, в первую очередь, следует упомянуть не затрагивавшийся нами блок «эмотивных» функций параллелей с прошлым.

Во-первых, представляет интерес ранее отмечавшаяся отдельными авторами способность исторических аналогий этически атрибутировать те или иные способы политического действия.

Во-вторых, открытым остается вопрос о степени доверия к историческим аналогиям со стороны различных социальных, этнических и профессиональных групп. Противоречивые результаты эмпирических исследований, проводившихся на малых выборках, не позволяют однозначно очертить границы влияния исторических аналогий на политические установки и стереотипы.

В-третьих, более подробного изучения требует предполагаемая корреляция между историческими аналогиями и сегментами политико-идеологического дискурса. Эвристически продуктивной представляется гипотеза о том, что

удельный вес параллелей с прошлым в консервативном сегменте дискурса может оказаться выше, нежели в других.

В разработке данных проблем видятся перспективы дальнейших исследований диссертационной темы.

Список литературы

Литература на русском языке

1. Аблеев С.Р., Кузьминская С.И. Исторические прецедентные феномены как медийный манипулятивный инструмент // Цивилизационный суверенитет России: проблемы и дискуссии. М.: ИПЛ, 2017. С. 160–166;
2. Абрамов А.В., Багдасарян В.Э., Бышок С.О. и др. Пандемия COVID-19: конец привычного мира? // Вестник Московского государственного областного университета. 2020. № 2. С. 3–83;
3. Александер Дж. Смыслы социальной жизни: Культурсоциология. М.: Изд. «Праксис», 2013. 640 с.;
4. Алексеева Т.А. Мыслить конструктивистски: открывая многоголосый мир // Сравнительная политика. 2014. № 1 (14). С. 4–21;
5. Алексеева Т.А., Минеев А.П., Лошкарев И.Д. и др. «Квантовый подход» к международным отношениям: научное издание. М.: АНО «Редакция журнала «Знание-сила», 2018. 110 с.;
6. Аникин Д.А. Легитимация политического порядка в предреволюционном обществе и механизмы политики памяти // Манускрипт. 2016. Т. 12–2. № 74. С. 19–21;
7. Аникин Д.А., Беклямишев В.О. Исторические аналогии в дискурсе Русской православной церкви Московского патриархата о внутривославном кризисе 2018–2019 гг. // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2023. № 1. С. 3–16;
8. Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1978. 687 с.;
9. Артамонова Ю.Д., Демчук А.Л. Когнитивная теория метафоры в современной российской политологии: Методологические проблемы // Политическая наука. 2017. № 2. С. 16–19;
10. Артог Ф. Порядок времени, режимы историчности // Неприкосновенный запас. 2008. № 3 [Электронный ресурс]. — URL:

<https://magazines.gorky.media/nz/2008/3/poryadok-vremeni-rezhimy-istorichnosti.html>

11. Артог Ф. Типы исторического мышления: презентизм и формы восприятия времени // Отечественные записки. 2004. № 5 [Электронный ресурс]. – URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2004/5/typy-istoricheskogo-myshleniya-prezentizm-i-formy-vozpriyatiya-vremeni.html>
12. Арутюнова Н.Д. Логический анализ языка. Семантика начала и конца. М.: Индрик, 2002. 648 с.;
13. Ахмедова С.Н.к. Феномен прецедентности в современных лингвистических исследованиях // Филология и литературоведение. 2015. № 2 [Электронный ресурс]. — URL: <https://philology.snauka.ru/2015/02/1186>
14. Беклямишев В.О. Вторая мировая война, «испанка» или Чернобыль? Пандемия COVID-19 в зеркале исторических аналогий (по материалам американского и российского медиадискурса) // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 2. С. 84–96. doi.org/10.18384/2224-0209-2020-2-1002
15. Беклямишев В.О. Исторические аналогии в президентских дискурсах России, Грузии и Франции о Пятидневной войне в августе 2008 года // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2022. № 1. С. 77–92;
16. Беклямишев В.О. К вопросу об изучении исторических аналогий в политическом дискурсе: описание проблемного поля // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2021. № 6. С. 92–107;
17. Беклямишев В.О., Буров А.С. Особенности «рассудочно-эмпирического» типа исторического сознания современной молодежи (на примере исторической аналогии между современной Россией и «брежневским» СССР) // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2020. № 2. С. 105–114.
18. Беклямишев В.О., Стоцкий А.С., Никитин В.Ю. Исторические аналогии в современном политическом дискурсе и в историческом сознании российской

- молодежи // Доклады Международной научно-практической конференции «История современности: информационные ресурсы, методы и исследовательские практики в России и за рубежом». М.: РГГУ, 2019. С. 51–57;
19. Белковский С.В. Использование исторических материалов в современной газетной публицистике [Электронный ресурс] // Медиаскоп. 2013. № 2. Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/node/1368>
 20. Болотнова Н.С. Регулятивность в публичном аргументативно-полемиическом медиадискурсе информационно-медийной языковой личности // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016. Т. 7. № 172. С. 138–145;
 21. Бубнов А.Ю. Историческая политика и борьба интерпретаций коллективного прошлого в публичной сфере // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2017. № 4. С. 3–12;
 22. Бубнова Н.И. Закусив удила: противостояние Дональда Трампа и американских СМИ // Россия и современный мир. 2017. № 4. С. 222–236;
 23. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политическом интердискурсе. Екатеринбург, 2006. 213 с.;
 24. Вахштайн В.С. Фрейм-анализ как политическая теория // Социология власти. 2013. № 4. С. 13–44;
 25. Верч Дж. Нарративные инструменты, истина и быстрое мышление в национальной памяти [Электронный ресурс]. — URL: <http://geftr.ru/archive/24775>
 26. Газизов Р.Р. Манипулятивные технологии региональных СМИ: тенденции и направления развития в политическом дискурсе 2007-2008 гг. // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2009. Т. 151. Кн. 5. Ч. 1. С. 92–98;
 27. Гордон А.В. Великая французская революция как явление русской культуры (к постановке вопроса) // Исторические этюды о Французской революции. Памяти В.М. Далина (к 95-летию со дня рождения). М: ИВИ РАН, 1998. С. 219–245;

- 28.Гудков Д.Б. Прецедентная ситуация и способы ее актуализации // Язык, сознание, коммуникация. М., 2000. Вып. 11. С. 40–46;
- 29.Гэри Э. «Как это было»: семиотические подходы к изучению отсылок к советскому прошлому. Резюме // Laboratorium. Журнал социальных исследований. 2012. № 2. С. 246–252;
- 30.Дулесов Е.П. Милитарная метафора в дискурсе русских националистов начала XX в. / Язык и литература в научном диалоге. Ижевск. 2016. С. 24–30;
- 31.Дьяченко Д.В. Понятие исторического факта и специфика редакторской работы с ним [Электронный ресурс] // Медиакоп. 2016. Вып. 3. Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/?q=node/2148>
- 32.Зерубавель Я. Смерть памяти и память смерти: Масада и Холокост как исторические метафоры // История и коллективная память: сборник статей по еврейской историографии. М.: Гешарим, 2008. С. 193–231;
- 33.Иванов Е.А. Логика. Учебник. М.: БЕК, 1998. 309 с.
- 34.Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. 3-е изд., стер. М.: Едиториал УРСС, 2004. 264 с.;
- 35.Козеллек Р. «Пространство опыта» и «Горизонт ожиданий» — две исторические категории // Социология власти. 2016. № 28 (2). С. 149–173;
- 36.Крылова М.Н. «Молчит, как партизан». Прецедентные сравнения из сферы истории // Русская речь, 2017. № 6. С. 31–35;
- 37.Крюкова И.В. Перформативное высказывание и перформативный глагол // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2009. № 4. С. 52–54;
- 38.Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.;
- 39.Мазур Л.Н. Аналогии исторической метод // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. М.: Аквилон, 2014. С. 15–16;

- 40.Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 207 с.;
- 41.Малинова О.Ю. Обоснование политики 2000-х годов в дискурсе В. В. Путина и формирование мифа о «лихих девяностых» // Политическая наука. 2018. № 3. С. 45–69;
- 42.Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. 2019. № 9. С. 285–312;
- 43.Малинова О.Ю. Проблема политически «пригодного» прошлого и эволюция официальной символической политики в постсоветской России // Политическая концептология. 2013. № 1. С. 114–130;
- 44.Малинова О.Ю. Темпоральность и другие свойства символического в политике // Символическая политика. 2014. № 2. С. 5–17;
- 45.Мангейм К. Проблема поколений [Электронный ресурс]. – URL: <http://soc.gaugn.ru/biblio/mangeim.pdf>;
- 46.Миллер А.И. Россия: власть и история // Pro et Contra. № 3–4. 2009. С. 6–23;
- 47.Нахимова Е.А. Имена русских царей как прецедентное поле в современных российских СМИ // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2009. № 2. С. 12–19;
- 48.Нахимова Е.А. Интертекстемы, прецедентные имена, текстовые реминисценции и метафоры // Политическая лингвистика. 2006. № 19. С. 186–196;
- 49.Нахимова Е.А. Прецедентное имя Керенский в современных отечественных СМИ // Политическая лингвистика. 2008. Т. 1. № 24. С. 48–55;
- 50.Нахимова Е.А. Прецедентное имя Наполеон в отечественных СМИ // Политическая лингвистика. 2007. № 23. С. 109–111;
- 51.Нахимова Е.А. Прецедентное поле «монархи» в отечественных СМИ // Лингвокультурология. 2008. № 2. С. 163–171;

- 52.Нахимова Е.А. Прецедентное поле «Смутное время» в современных СМИ // Известия Уральского государственного университета: Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2008. Т. 60. № 24. С. 118–126;
- 53.Нестик Т.А. Социальная психология времени. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. 496 с.;
- 54.Новикова А.А. Историческая память о деятелях реставрации Мэйдзи (сводный реферат) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература (реферативный журнал). Сер. 9. «Востоковедение и африканистика ». 2015. № 1. С. 192–204;
- 55.Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004. 336 с.;
- 56.Нойштадт Р., Мэй Э. Современные размышления о пользе истории для тех, кто принимает решения. М., 1999. 384 с.;
- 57.Нора П. Всемирное торжество памяти [Электронный ресурс]. — URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html>
- 58.Олешкевич В.В. Журналистский текст и его влияние на адресата (на примере дела «Pussy Riot») // Труды института бизнес-коммуникаций. Т. 9. СПб.: СПбГУПТД, 2021. С. 82–88;
- 59.Олик Дж., Хлевнюк Д. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. 2012. № 1. С. 40–74;
- 60.Орлов А.А. Региональные и глобальные измерения в комплексе проблем безопасности на Южном Кавказе // Вестник МГИМО. 2011. № 3 (18). С. 58–60;
- 61.Павленко О.В. Конструктивистский подход к исследованию международных отношений: возможности и пределы // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2015. № 6 (149). С. 53–67.
- 62.Пахалюк К.А. Политика памяти как ценность и дискурс // Новое прошлое. 2020. № 4. С. 232–239;

- 63.Райко Д.Н. Аналогии на уроках истории: от установления подобия к раскрытию закономерностей и освоению социального прогнозирования // Школьные технологии. 2016. № 5. С. 124–128;
- 64.Сафронова Ю.А. В плену нарративных шаблонов? [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.istorex.ru/post/сафронова-ю-а-в-плену-нарративных-шаблонов>;
- 65.Сафронова Ю.А. Историческая память: введение: учебное пособие. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. 220 с.;
- 66.Сергеева Е.В. Исторические аналогии как элемент коммуникации риска в политическом дискурсе // Историческое сознание и социальная память в условиях конфликта цивилизаций: сборник статей международной научной конференции. Саратов. 2015. С. 110–116;
- 67.Силантьева В.Н. Происхождение прецедентных текстов // Вестник Алтайского государственного университета. 2010. № 2 (50). С. 106–111;
- 68.«Символические аспекты политики памяти»: сборник статей // под ред. В.В. Лапина и А.И. Миллера. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2021. 312 с.;
- 69.Солопова О.А. Будущее России в экспортном исполнении // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: «Лингвистика». 2012. № 2 (261). С. 22–28;
- 70.Солопова О.А. Кризис «настоящего» в российском политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2007. № 22. С. 67–73;
- 71.Солопова О.А. Лингвополитическая прогностика: сопоставительное исследование моделей будущего России в политических дискурсах России, США и Великобритании XIX в. (1855–1881) и XXI в. (2000–2014): дис. ... доктора филологических наук: 10.02.20. Екатеринбург. 2016. 606 с.;
- 72.Солопова О.А. Метафорическое моделирование образов прошлого, настоящего и будущего в дискурсе парламентских выборов в России (2003 год) и Великобритании (2001 год): дис. ... канд. филологических наук: 10.02.20. Екатеринбург, 2006. 244 с.;

73. Солопова О.А. Образ будущего в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2006. № 19. С. 210–215;
74. Сунгуров А.Ю. Как возникают политические инновации: «фабрики мысли» и другие институты-медиаторы. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 283 с.;
75. Томова Н.А. Аналогия // Философская антропология. 2020. № 1. С. 102–119;
76. Улбутов Д.И., Крот Н.С. Определение исторических аналогий как показатель сформированности исторического мышления старшеклассников // Педагогика и психология образования. 2019. № 1. С. 77–91;
77. Цыганок А.Д. Война 08.08.08. Принуждение Грузии к миру. М.: Вече, 2011. 288 с.;
78. Челпанов В.Г. Учебник логики. М.: Научная Библиотека, 2010. 128 с.;
79. Шапошникова И.В. «Методология лингвистических исследований в России» второй Сибирский лингвистический семинар руководителей научных проектов и школ // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. № 4 (2). С. 186–198;
80. Шевцова Д.А. Образы будущего в колумнистике газеты «Московский комсомолец» // Научный диалог. 2016. Т. 8. № 56. С. 97–106;
81. Эрлих С.Е. Метафора мятежа: декабристы в политической риторике путинской России. СПб.: Нестор-История, 2009. 274 с.;
82. Яноу Д., Ван Хульст М. и др. Фреймы политического: от фрейм-анализа к анализу фреймирования // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10. № 1–2. С. 87–113.

Источники на русском языке

83. Арбатов А. Грядет ли холодная война? [Электронный ресурс]. — URL: <https://globalaffairs.ru/articles/gryadet-li-holodnaya-vojna/>
84. «Бессимптомников — до 50%, и они могут распространять вирус». Профессор Сергей Нетесов — о том, что поможет России победить в борьбе

- с COVID-19 [Электронный ресурс]. — URL: <https://iz.ru/994913/valeriia-nodelman/bessimptomnikov-do-50-i-oni-mogut-rasprostraniat-virus>
85. В университете Пирогова считают, что подвиг врачей останется в истории [Электронный ресурс]. — URL: <https://ria.ru/20200430/1570843831.html>
86. Вакцина от фейков. Как мир борется с дезинформацией о пандемии [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4308964>
87. Вассерман предположил сроки окончания пандемии коронавируса [Электронный ресурс]. — URL: <https://ria.ru/20200319/1568869588.html>
88. Вирус во благо. Сергей Строкань о том, поможет ли пандемия России и остальному миру [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4322198>
89. Вступительное слово на встрече с руководством партий, представленных в Государственной Думе. 11 августа 2008 года [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/1067>
90. Гейдар Джемаль: Никакой разницы между грузино-осетинским конфликтом и российско-чеченским нет [Электронный ресурс] // ИА «Регнум». — URL: <https://regnum.ru/news/polit/1061049.html>
91. Глава Башкирии сравнил пандемию COVID-19 с фашизмом [Электронный ресурс]. — URL: <https://ria.ru/20200428/1570686650.html>
92. Глава Минэкономики исключил повторение дефолта 1998 года [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4323767>
93. Гость Максим Решетников. Познер. Выпуск от 16.04.2020 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.1tv.ru/shows/pozner/vypuski/gost-maksim-reshetnikov-pozner-vypusk-ot-16-04-2020>
94. "Дефолта не будет": стоит ли верить Минэкономразвития [Электронный ресурс]. — URL: <https://ria.ru/20200419/1570196890.html>
95. Дмитрий Медведев выступил с заявлением в связи с признанием независимости Южной Осетии и Абхазии. 26 августа 2008 года. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/1223>

96. Дынкин А. А. Танец черных лебедей. Мировая премьера. [Электронный ресурс]. — URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/tanets-chernykh-lebedey-mirovaya-premera/?sphrase_id=35102260
97. Ельцин-1998, Решетников-2020: Дефолта не будет — все просчитано! [Электронный ресурс]. — URL: <https://svpressa.ru/economy/article/262917/>
98. Заявление для прессы и ответы на вопросы журналистов по окончании российско-испанских переговоров 1 октября 2008 года [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/1581>
99. Интервью телекомпании Тэ-Эф-1, 26 августа 2008 года [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/1229>
100. Комментарий Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на выступление Министра иностранных дел Великобритании Д. Милибэнда в Киеве 27 августа 2008 года [Электронный ресурс]. — URL: https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xIEMTQ3OvzcA/content/id/327134
101. Корона российской инфекции [Электронный ресурс]. — URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/04/01/84635-korona-rossiyskoy-infektsii>
102. «Коронавирус — один из самых серьезных вызовов человечеству с момента Великой Отечественной войны». Глава РФПИ Кирилл Дмитриев о борьбе с эпидемией в России и в мире [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4301510> (дата обращения: 15.11.2021).
103. Коронавирус вырабатывает у ЕС иммунитет к обвинениям против России [Электронный ресурс]. — URL: <https://iarex.ru/articles/74088.html>
104. Кремль считает истеричными опасения повтора 1990-х из-за коронавируса [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4321022>
105. Кризис-2020: Россию к зиме ждет дефолт страшнее 1998-го [Электронный ресурс]. — URL: <https://svpressa.ru/economy/article/262485/>

106. Лавров: Берите пример с России и признайте реалии [Электронный ресурс]. — URL: <https://inosmi.ru/world/20080911/243952.html>
107. Лукьянов Ф.А. Забыть холодную войну [Электронный ресурс]. — URL: <https://rg.ru/2018/09/04/fedor-lukianov-metody-solidnoj-holodnoj-vojny-ne-rabotaiut.html>
108. Министр экономического развития исключил повторение дефолта 1998 года [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2020/04/16/828266-1998>
109. «Мир будет другим». Экс-глава МИД РФ Игорь Иванов — о международных отношениях в период пандемии [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4326474>
110. Михаил Касьянов: Новые девяностые [Электронный ресурс]. — URL: <https://newtimes.ru/articles/detail/193339>
111. Михаил Саакашвили сравнил себя с Давидом Строителем [Электронный ресурс] // «Коммерсантъ». — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/439566>
112. Обращение президента Грузии Михаила Саакашвили [Электронный ресурс]. — URL: <https://civil.ge/ru/archives/173336>
113. Обращение Президента Республики Южная Осетия Э. Кокойты. 20 сентября 2008 [Электронный ресурс]. — URL: <https://cominf.org/node/1166478323>
114. Обращение президента Саакашвили к нации – 13 августа 2008 [Электронный ресурс]. — URL: <https://civil.ge/ru/archives/173145>
115. Предварительный отчет о 5953-м заседании Совета Безопасности ООН, 10 августа 2008 [Электронный ресурс]. — URL: <https://undocs.org/ru/S/PV.5953>
116. Птичий, свиной и новый. Чему научила прошлая пандемия [Электронный ресурс]. — URL: <https://ria.ru/20200312/1568487650.html>

117. Путин сравнил влияние коронавируса с финансовым кризисом 2008-2009 годов [Электронный ресурс]. — URL: <https://vz.ru/news/2020/4/24/1036102.html>
118. Путин сравнил ситуацию с COVID-19 и финансовый кризис 2008-2009 годов [Электронный ресурс]. — URL: <https://ria.ru/20200424/1570523537.html>
119. Путин сравнил ситуацию с коронавирусом и финансовый кризис 2008-2009 годов [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.mk.ru/economics/2020/04/24/putin-sravnil-situaciyu-s-koronavirusom-i-finansovyy-krizis-20082009-godov.html>
120. Российский вирусолог сравнил эпидемии коронавируса и Эболы [Электронный ресурс]. — URL: <https://iz.ru/1002296/2020-04-20/rossiiskii-virusolog-sravnil-epidemii-koronavirusa-i-eboly>
121. Россияне должны победить коронавирус, как победили в ВОВ, считает онколог [Электронный ресурс]. — URL: <https://ria.ru/20200430/1570840721.html>
122. Саакашвили критикует Запад за «молчание» [Электронный ресурс]. — URL: <https://civil.ge/ru/archives/173189>
123. Саакашвили: Россия хочет навязать нам «сделку мюнхенского типа» [Электронный ресурс]. — URL: <https://civil.ge/ru/archives/173171>
124. Саакашвили: США недооценили надлежащим образом российскую угрозу [Электронный ресурс]. — URL: <https://civil.ge/ru/archives/173147>
125. Случаи пандемий в мире в XX веке [Электронный ресурс]. — URL: <https://ria.ru/20200312/1568463184.html>
126. Советские рецепты эффективны против коронавируса [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/03/30/826638-sovetskie-retsepti>
127. Стенографический отчет о встрече с участниками международного клуба «Валдай» [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/1383>

128. США вышли на первое место в мире по числу заболевших COVID-19 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.interfax.ru/world/701138>
129. Трамп сравнил COVID-19 с «испанкой» [Электронный ресурс]. — URL: <https://vz.ru/news/2020/3/22/1030137.html>
130. Ученый сравнил уровни смертности от коронавируса и свиного гриппа [Электронный ресурс]. — URL: <https://ria.ru/20200429/1570761403.html>
131. Федеральные СМИ: апрель 2020 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/federal/7455/>
132. Федеральные СМИ: март 2020 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/federal/7383/>
133. Цхинвали отметил «день независимости» [Электронный ресурс]. – режим доступа, URL: <https://civil.ge/ru/archives/173598>
134. Эксперт рассказал, по чьему сценарию с коронавирусом идет Россия [Электронный ресурс]. — URL: <https://ria.ru/20200331/1569395926.html>

Литература на иностранных языках

135. Abelson R. P. Script processing in attitude information and decision-making / Cognition and social behavior. Hillsdale (NJ): L. Erlbaum. 1976. P. 33–45;
136. Akrivoulis D. E. Metaphors Matter: The Ideological Functions of the Kosovo–Holocaust Analogy // Journal of Balkan and Near Eastern Studies. 2015. Vol. 17. Issue 2. Pp. 222–242;
137. Aldrich R. J. Strategic culture as a constraint: intelligence analysis, memory and organizational learning in the social sciences and history // Intelligence and National Security. 2017. Vol. 32. Issue 5. Pp. 625–635;
138. Angström J. Mapping the competing historical analogies of the war on terrorism the Bush presidency // International Relations. 2011. Vol. 25. Issue 2. Pp. 224–242;
139. Ariely G. Historical analogies under dispute: Reactions of Israeli Jews to analogies between the Holocaust and the plight of African asylum seekers in Israel // Memory Studies. 2020. doi: 10.1177/1750698020907942

140. Augoustinos M. History as a rhetorical resource: Using historical narratives to argue and explain // *How to analyse talk in institutional settings: A casebook of methods*. London: Continuum. 2001. Pp. 135–145;
141. Axelrod R., Forster L. How historical analogies in newspapers of five countries make sense of major events: 9/11, Mumbai and Tahrir Square // *Research in Economics*. 2017. Issue 71. Pp. 8–19;
142. Aydın-Düzgit S. De-Europeanisation through discourse: a critical discourse analysis of AKP's election speeches // *South European Society and Politics*. 2016. Vol. 21. Issue 1. Pp. 45–58;
143. Baines G. Vietnam analogies and metaphors: the cultural codification of South Africa's Border War // *Safundi*. 2012. Vol. 13. Issue 1–2. Pp. 73–90;
144. Bantigny L. Historicités du XXe siècle // *Vingtième siècle. Revue d'histoire*. 2012. Vol. 117. Issue 1. Pp. 13–25;
145. Bates B. Circulation of the World War II/Holocaust analogy in the 1999 Kosovo intervention: Articulating a vocabulary for international conflict // *Journal of Language and Politics*. 2009. Vol. 8. Issue 1. Pp. 28–51;
146. Batteau J., Princen S., Rigney A. Lessons from the past? Cultural memory in Dutch integration policy // *European Journal of Political Research*. 2018. Vol. 57. Pp. 740–758;
147. Bennett C.J., Howlett M. The lessons of learning: Reconciling theories of policy learning and policy change // *Policy Sciences*. 1992. Vol. 25. Pp. 257–294;
148. Bennett W.L., Lawrence R.G. News icons and the mainstreaming of social change // *Journal of Communication*. 1995. Vol. 45. Issue 3. Pp. 20–39;
149. Berrocal M. Constructing threat through quotes and historical analogies in the Czech and the US «Ukraine Discourse» // *Journal of Language and Politics*. 2019. Vol. 18. Issue 6. Pp. 870–892;
150. Bourdon J. Outrageous, inescapable? Debating historical analogies in the coverage of the Israeli–Palestinian conflict // *Discourse & Communication*. 2015. Vol. 9. Issue 4. Pp. 1–16;

151. Brändström A., Bynander F., Hart P. Governing by Looking Back: Historical Analogies and Crisis Management // *Public administration*. 2004. Vol. 82. Issue 1. Pp. 191–210;
152. Buzan B., Wæver O., de Wilde J. *Security: A New Framework for Analysis*. London: Lynne Rienner Publishers. 1998. 239 p.;
153. Cameron E. Securitization, memory and the (historic) debate on Scottish independence / *Memory and Securitization in Contemporary Europe*. London, NY: Palgrave Macmillan. 2018. Pp. 51–75;
154. Carpenter R. America's tragic metaphor: Our twentieth-century combatants as frontiersmen // *Quarterly Journal of Speech*. 1990. Vol. 76. Issue 1. Pp. 1–22;
155. Chayinska M., McGarty C. The Power of Political Déjà Vu: When Collective Action Becomes an Effort to Change the Future by Preventing the Return of the Past // *Political Psychology*. 2021. Vol. 42. Issue 2. Pp. 201–217;
156. Chilton P. *Analysing political discourse: theory and practice*. London & NY. 2004. 240 p.;
157. Crawford N. C. The Passion of World Politics: Propositions on Emotions and Emotional Relationships // *International Security*. 2000. Vol. 24. Issue 2. Pp. 116–156;
158. Dasic M., Nedeljkovic S., Zivojinovic D. Historical analogies in foreign policy decision making: Case of Serbia – U.S. relations after 2000 // *Serbian political thought*. 2018. Vol. 62. Pp. 119–139;
159. Davis J. W. Abusing the Holocaust Analogy? // *Security Studies*. 2006. Vol. 15. Issue 4. Pp. 706–712;
160. Delouis A. When history becomes a metaphor for the present and the future: recent far-right discourse about immigration in the UK [online] // *Lexis*. 2014. Vol. 8: <https://journals.openedition.org/lexis/205>
161. Desch M. C. The Myth of Abandonment: The Use and Abuse of the Holocaust Analogy // *Security Studies*. 2006. Vol. 15. Issue 1. Pp. 106–145;
162. Dreyer N. Genocide, Holodomor and Holocaust Discourse as Echo of Historical Injury and as Rhetorical Radicalization in the Russian–Ukrainian

- Conflict of 2013–18 // *Journal of Genocide Research*. 2018. Vol. 20. Issue 4. Pp. 545–564;
163. Drie van J., Boxtel van C. Historical Reasoning: Towards a Framework for Analyzing Students' Reasoning about the Past // *Educational Psychology Review*. 2008. Vol. 20. Pp. 87–110;
 164. Droumpouki A. M. Trivialization of World War Two and Shoah in Greece: uses, misuses and analogies in light of the current debt crisis // *Journal of Contemporary European Studies*. 2013. Vol. 21. Issue 2. Pp. 190–201;
 165. Dyson St., Preston T. Individual Characteristics of Political Leaders and the Use of Analogy in Foreign Policy Decision Making // *Political Psychology*. 2006. Vol. 27. Issue 2. Pp. 265–288;
 166. Edelman M. J. *Constructing the Political Spectacle*. Chicago: University of Chicago Press. 1988. 142 p.;
 167. Edwards J.A. Staying the course as world leader: Bill Clinton and the use of historical analogies // *White House Studies*. 2007. Vol. 7. Issue 1. Pp. 53–71;
 168. Edy J.A. Journalistic uses of collective memory // *Journal of Communication*. 1999. Vol. 49. Issue 2. Pp. 71–85;
 169. Edy J.A., Daradanova M. Reporting through the lens of the past: from challenger to Columbia // *Journalism*. 2006. Vol. 7. Issue 2. Pp. 131–151;
 170. Eyerman R. The past in the present: culture and the transmission of memory // *Acta Sociologica*. 2004. Vol. 47. Issue 2. Pp. 159–169;
 171. Feis H. Some notes on historical record-keeping, the role of historians, and the influence of historical memories during the era of the Second World War / The historian and the diplomat: The role of history and historians in American foreign policy. NY: Harper & Row. 1967. Pp. 91–122;
 172. Finney P. On Memory, Identity and War // *Rethinking History*. 2002. Vol. 6. Issue 1. Pp. 1–13;
 173. Fischer N. Palestinian non-violent resistance and the Apartheid Analogy // *Interventions International Journal of Postcolonial Studies*. 2020. Vol. 23. Issue 2. Pp. 2–16;

174. García-Gavilanes R., Mollgaard A., Tsvetkova M., Yasseri T. The memory remains: Understanding collective memory in the digital age // *Science Advances*. 2017. Vol. 3 Issue 4 [online]. — URL: <https://advances.sciencemag.org/content/3/4/e1602368>
175. Garofano J. Historical Analogies and the Use of Force // *Journal of Cold War Studies*. 2004. Vol. 6. Issue 2. Pp. 64–68;
176. Gaufman E. Memory, media, and securitization: Russian media framing of the Ukrainian crisis // *Journal of Soviet and Post-Soviet Politics and Society*. 2015. Vol. 1. Issue 1. Pp. 141–175;
177. Ghilani D., Luminet O., Flassbeck C., etc. Looking forward to the past: An interdisciplinary discussion on the use of historical analogies and their effects // *Memory Studies*. 2017. Vol. 10. Pp. 274–285;
178. Gibson S. History in action: the construction of historical analogies in televised debates concerning the Iraq war // *Papers on Social Representations*. 2012. Vol. 21. Issue 2. Pp. 1–35;
179. Gilovich, T. Seeing the past in the present: The effect of associations to familiar events on judgments and decisions // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1981. Vol. 40. Issue 5. Pp. 797–808;
180. Goffman E. *Frame Analysis. An Essay on the Organisation of Experience*. Boston. 1974. 600 p.;
181. Gong G. The beginning of history: Remembering and forgetting as strategic issues // *The Washington Quarterly*. 2001. Vol. 24. Issue 2. Pp. 45–57;
182. Gray C. S. Strategic Culture as Context: The First Generation of Theory Strikes Back // *Review of International Studies*. 1999. Vol. 25. Pp. 49–69;
183. Hecló H. *Modern social politics in Britain and Sweden: From relief to income maintenance*. New Haven, CT: Yale University Press. 1974. 349 p.;
184. Hehir A. The impact of analogical reasoning on us foreign policy towards Kosovo // *Journal of Peace Researches*. 2006. № 43. Issue 1. Pp. 67–81;

185. Hellsten I. Door to Europe or outpost towards Russia? Political metaphors in Finnish EU-journalism // *Journalism at the Crossroads. Perspectives on Research*. Tartu. 1997. Pp. 121–141;
186. Hemmer Ch. Historical Analogies and the Definition of Interests: The Iranian Hostage Crisis and Ronald Reagan's Policy Toward the Hostages in Lebanon // *Political Psychology*. 1999. Vol. 20. Issue 2. Pp. 267–289;
187. Hilton D.J., Liu J.H. History as the narrative of a people: From function to structure and content // *Memory Studies*. 2017. Vol. 10. Issue 3. Pp. 297–309;
188. Hoffmann M. Zwischen Kyffhauser Und Vogelschiss: Rechtspopulisten Forcieren Ein Vergessenes Bild // *Angewandter Geschichte*. 2019. Vol. 8. Issue 3. Pp. 138–147;
189. Houghton D. Historical analogies and the cognitive dimension of domestic policymaking // *Political Psychology*. 1998. Vol. 19. Issue 2. Pp. 279–303;
190. Houghton D. Spies and Boats and Planes: An Examination of U.S. Decision-Making during the Pueblo Hostage Crisis of 1968 // *Journal of Cold War Studies*. 2015. Vol. 17. Issue 4. Pp. 4–40;
191. Jeffery R. Evaluating the «China threat»: power transition theory, the successor-state image and the dangers of historical analogies // *Australian Journal of International Affairs*. 2009. Vol. 63. Issue 2. Pp. 309–324;
192. Jervis R. Cooperation Under the Security Dilemma // *World Politics*. 1978. Vol. 30. Issue 2. Pp. 167–214;
193. Jervis R. Perception and misperception in international politics. NJ: Princeton University Press. 1976. 544 p.;
194. Jespersen Ch. Analogies at war // *Pacific Historical Review*. 2005. Vol. 74. Issue 3. Pp. 411–426;
195. Johnston A. I. Strategic Cultures Revisited: Reply to Colin Gray // *Review of International Studies*. 1999. Vol. 25. Pp. 519–523;
196. Johnston A. I. Thinking about Strategic Culture // *International Security*. 1995. Vol. 19. Issue 4. Pp. 32–64;

197. Jurgelevičiūtė D. Istorinių analogijų vaidmuo užsienio politikos procese // *Politologija*. 2011. Vol. 62. Issue 2. Pp. 43–73;
198. Jutila M. Securitization, history, and identity: Some conceptual clarifications and examples from politics of Finnish war history // *Nationalities Papers*. 2015. Vol. 43. Issue. 6. Pp. 927–943;
199. Kaarbo J., Kenealy D. Precedents, parliaments, and foreign policy: historical analogy in the House of Commons vote on Syria // *West European Politics*. 2017. Vol 40. Issue 1. Pp. 62–79;
200. Kahneman D., Tversky A. Availability: a heuristic for judging frequency and probability // *Cognitive Psychology*. 1973. Vol. 5. Pp. 207–232;
201. Kamali Y., Jooshani S. S. Reasoning in Foreign Policy Making from the Analogy Perspective: The Case Study of Iran's Nuclear Issue // *Asian Politics & Policy*. 2019. Vol. 11. Issue 2. Pp. 208–226;
202. Katzenstein P. The culture of national security: norms and identity in world politics. NY: Columbia University Press. 1996. 560 p.;
203. Khong Y. Analogies at War: Korea, Munich, Dien Bien Phu, and the Vietnam Decisions of 1965. NJ: Princeton University Press. 1992. 304 p.;
204. Kirkwood S. History in the service of politics: constructing narratives of history during the European refugee «crisis» // *Political Psychology*. 2019. Vol. 40. Issue 2. Pp. 297–313;
205. Kirkwood S., McKinlay A., McVittie C. The mutually constitutive relationship between place and identity: The role of place-identity in discourse on asylum seekers and refugees // *Journal of Community & Applied Social Psychology*. 2013. Vol. 23. Issue 6. Pp. 453–465;
206. Kitzinger J. Media templates: patterns of association and the (re)construction of meaning over time // *Media, Culture & Society*. 2000. Vol. 22. Issue 1. Pp. 61–84;
207. Klymenko L. Understanding the Donbas War in Terms of World War II: A Metaphor Analysis of the Armed Conflict in Eastern Ukraine // *Formerly Global Review of Ethnopolitics*. 2020. Vol. 19, Issue 5. Pp. 483–500;

208. Kornprobst M. Comparing Apples and Oranges? Leading and Misleading Uses of Historical Analogies // *Millennium*. 2007. Vol. 36. Issue 1. Pp. 29–49;
209. Lakoff G. Metaphor and War: The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf // *Peace Research*. 1991. Vol. 23. Pp. 25–32;
210. Lakoff G. *Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind*. Press Chicago, London: The University of Chicago. 1987. 632 p.;
211. Lee F.L., Chan J.M., Leung D.K. When a historical analogy fails: Current political events and collective memory contestation in the news // *Memory Studies*. 2019. Vol. 12. Issue 2. Pp. 130–145;
212. Leira H. Political change and historical analogies // *Global Affairs*. 2017. Vol. 3. Issue 1. Pp. 81–88;
213. Levy D., Sznajder N. *Human Rights and Memory*. University Park: The Pennsylvania State University Press, 2010. 192 p.;
214. Levy J. S. Learning and foreign policy: sweeping a conceptual minefield // *International Organization*. 1994. Vol. 48. Issue 2. Pp. 279–312;
215. Link J. Historische Analogien: Strukturen und Funktionen // *Kulturrevolution. Zeitschrift Für Angewandte Diskurstheorie*. 1991. Vol. 24. Pp. 3–9;
216. Lovell J. P. «Lessons» of US Military Involvement Preliminary Conceptualization In Foreign Policy Decision Making / Perception, Cognition and Artificial Intelligence. NY: Praeger. 1984. Pp. 129–157;
217. Macdonald S. Hitler's Shadow: Historical Analogies and the Iraqi Invasion of Kuwait // *Diplomacy & Statecraft*. 2002. Vol. 13. Issue 4. Pp. 29–59;
218. Macdonald S. *Rolling the Iron Dice: Historical Analogies and Decisions to Use Military Force in Regional Contingencies*. London: Greenwood Publishing Group. 2000. 247 p.;
219. MacMillan M. *Dangerous Games: The Uses and Abuses of History*. NY: Random House. 2009. 208 p.;

220. Makhortykh M. #NoKievNazi: Social media, historical memory and securitization in the Ukraine crisis / *Memory and Securitization in Contemporary Europe*. London, NY: Palgrave Macmillan. 2018. Pp. 219–247;
221. Makhortykh M. Historical memory and securitisation of the Russian intervention in Syria // *International Politics*. 2020. Vol. 57. Pp. 1063–1081;
222. Mallard G. From Europe's past to the Middle East's future: The constitutive purpose of forward analogies in international security // *American Journal of Cultural Sociology*. 2018. Vol. 6. Issue 3. P. 532–562;
223. May E. «Lessons» of the past: the use and misuse of history in American foreign policy. NY: Oxford University Press. 1973. 240 p.;
224. Mintz A., DeRouen K. *Understanding Foreign Policy Decision Making*. NY. Cambridge University Press. 2010. 224 p.;
225. Myson I. Helping students put shape on the past; systematic use of analogies to accelerate understanding // *Teaching History*. 2006. Vol. 122. Pp. 26–33;
226. *On Media Memory: Collective Memory in a New Media Age*. London: Palgrave Macmillan. 2011. 316 p.;
227. Onuf N.G. *World of our making. Rules and Rule in Social Theory and International Relations*. Columbia: University of South Carolina Press. 1989. 352 p.;
228. Paris R. Kosovo and the Metaphor War // *Political Science Quarterly*. 2002. Vol. 117. Issue 3. Pp. 424–451;
229. Pehar D. Historical rhetoric and diplomacy - an uneasy cohabitation / *Language and Diplomacy*. Ed by Kurbalija J., Slavik H. 2001. Pp. 117–138;
230. Pogrud B. *Drawing Fire: Investigating the Accusations of Apartheid in Israel*. NY: Rowmann & Littlefield. 2014. 360 p.;
231. Prémont K., David Ch.-Ph., Boucher V. The Clash of Historical Analogies and Their Influence on Decision-Making: The Case of Iraqi Reconstruction Under George W. Bush // *Diplomacy & Statecraft*. 2018. Vol. 29. Issue 2. Pp. 298–327;

232. Rasmussen M. The history of a lesson: Versailles, Munich, and the social construction of the past // *Review of International Studies*. 2003. Vol. 29. Issue 4. Pp. 499–519;
233. Record J. *Making War, Thinking History: Munich, Vietnam and presidential use of force from Korea to Kosovo*. Annapolis: Naval Institute Press. 2002. 201 p.;
234. *Using social research in public policy making*. Lexington: Lexington Books. 1977. 256 p.;
235. Reiter D. Learning, realism, and alliances: the weight of the shadow of the past // *World Politics*. 1994. Vol. 46. Issue 4. Pp. 490–526;
236. Rosenfeld G. D. An American Führer? Nazi Analogies and the Struggle to Explain Donald Trump // *Central European History*. 2019. № 52. Pp. 554–587;
237. Rosenfeld G.D. Who was “Hitler” before Hitler? Historical analogies and the struggle to understand Nazism, 1930–1945 // *Central European History*. 2018. Vol. 51. Issue 2. Pp. 249–281;
238. Saltzman I. Z. Making war, thinking history: David Ben-Gurion, analogical reasoning and the Suez Crisis // *Israel Affairs*. 2016. Vol. 22. Issue 1. Pp. 45-68;
239. Samman A. Crisis theory and the historical imagination // *Review of International Political Economy*. 2015. Vol. 22. Issue 5. Pp. 966–995;
240. Sangar E. Défendre Duffer’s Drift: l’influence de la mémoire collective et du régime d’historicité sur le choix des enseignements historiques en temps de crise [online] // *Temporalités*. URL: <http://journals.openedition.org/temporalites/3085>
241. Schmitt O. When are strategic narratives effective? The shaping of political discourse through the interaction between political myths and strategic narratives // *Contemporary Security Policy*. 2018. Vol. 39. Issue 4. P. 1–25;
242. Schuman H., Rieger C. Historical analogies, generational effects, and attitudes toward war // *American Sociological Review*. 1992. Vol. 57. Pp. 315–326;
243. Schuman H., Scott J. Generations and collective memories // *American Sociological Review*. 1989. Vol. 54. Issue 3. Pp. 359–381;

244. Searle J. The Construction of Social Reality. London: Penguin Books. 1995. 246 p.;
245. Seixas E. C. War Metaphors in Political Communication on Covid-19 [online] // Frontiers in Sociology. 2021. Vol. 5. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fsoc.2020.583680/full>
246. Shimko K. L. Metaphors and Foreign Policy Decision Making // Political Psychology. 1994. Vol. 15. Issue 4. Pp. 655–671;
247. Smeekes A., Van Acker K., Verkuyten M., Vanbeselaere N. The legacy of Nazism: Historical analogies and support for the far right // Social Influence. 2014. Vol. 9. Issue 4. Pp. 300–317;
248. Snow. D.A., Benford R.D. Ideology, frame resonance, and participant mobilization // International Social Movement Research. 1988. Vol. 1. Pp. 197–217;
249. Spellman B., Holyoak K. If Saddam is Hitler then who is George Bush? Analogical mapping between systems of social roles // Journal of Personality and Social Psychology. 1992. Vol. 62. Issue 6. Pp. 913–933;
250. Stein A. Whose memories? Whose victimhood? Contests for the holocaust frame in recent social movement discourse // Sociological Perspectives. 1998. Vol. 41. Issue 3. Pp. 519–540;
251. Steinberg J. The Copenhagen Complex // Journal of Contemporary History. 1966. Vol. 1. Issue 3. Pp. 23–46;
252. Straughn J. B., Fein L. C., Ayers A. G. Divided Memory and the “New Cold War” Thesis: The Rise and Decline of a Double-Edged Analogy // Journal of Political and Military Sociology. 2019. Vol. 46. № 1. Pp. 92–123;
253. Stuckley M.E., Antczak F.J. The Battle of Issues and Images: Establishing Interpretive Dominance // Communication Quarterly. Vol. 42. Issue 2. Pp. 120–132;
254. Synder J. The Soviet Strategic Culture: Implications for Limited Operations. Santa Monica: RAND. 1977 [online]. – URL: <https://www.rand.org/pubs/reports/R2154.html>

255. Taylor A., Rourke J. T. Historical Analogies in the Congressional Foreign Policy Process // The Journal of Politics. 1995. Vol. 57. Issue 2. Pp. 460–468;
256. Tierney D. Pearl harbor in reverse: moral analogies in the Cuban missile crisis // Journal of Cold War Studies. 2007. Vol. 9. Issue 3. Pp. 49–77;
257. Valentino B.A., Weinberg E.M. More than words? “Genocide,” Holocaust analogies, and public opinion in the United States // Journal of Human Rights. 2017. Vol. 16. Issue 3. Pp. 276–292;
258. Vertzberger Y. I. Foreign policy decision-makers as practical-intuitive historians: applied history and its shortcomings // International Studies Quarterly. 1986. Vol. 30. Issue 2. Pp. 223–247;
259. Wagoner B. Bartlett’s concept of schema in reconstruction // Theory & Psychology. 2013. Vol. 23. Issue 5. Pp. 553–575;
260. Wertsch J.V., Karumidze Z. Spinning the past: Russian and Georgian accounts of the war of August 2008 // Memory Studies. 2009. Vol 2(3). Pp. 377–391;
261. Zaslavsky A. The dark forces: Popular analogies in Russian politics // Demokratizatsiya. 2001. Vol. 9. Pp. 75–89;
262. Zerubavel Y. Boundaries, bridges, analogies and bubbles: Structuring the past in Israeli mnemonic culture // Journal of Israeli History. 2020. Vol. 38. Issue 1. Pp. 5–23;
263. Zinken J. Ideological imagination: intertextual and correlational metaphors in political discourse // Discourse & Society. 2003. Vol. 14. Issue 4. Pp. 507–523.

Источники на иностранных языках

264. 5 Hurricane Response Lessons That Apply to Coronavirus [online]. – URL: <https://www.nytimes.com/2020/03/19/us/hurricane-lessons-coronavirus.html>
265. America has suffered great loss before. Here's how we may learn to cope with coronavirus death toll [online]. – URL: <https://www.usatoday.com/story/news/nation/2020/04/17/coronavirus-death-toll-vietnam-spanish-flu-loss/2985542001/>

266. America Is at War, and There's Only One Enemy [online]. – URL: <https://www.nytimes.com/2020/03/18/opinion/coronavirus-trump-war.html?searchResultPosition=6>
267. America needs to be on a war footing [online]. – URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2020/03/20/america-needs-be-war-footing/>
268. Another Virus Victim: The U.S. as a Global Leader in a Time of Crisis [online]. – URL: <https://www.nytimes.com/2020/03/20/world/europe/trump-leadership-coronavirus-united-states.html>
269. Band of Seniors. Is World War II the right analogy? [online]. – URL: <https://www.wsj.com/articles/band-of-seniors-11584632300?mod=searchresults&page=1&pos=2>
270. Call It 'Coronavirus' [online]. – URL: <https://www.nytimes.com/2020/03/23/opinion/china-coronavirus-racism.html>
271. Challenge for Policy Makers: Rescue Economy Without Fueling Populist Backlash [online]. – URL: <https://www.wsj.com/articles/challenge-for-policy-makers-rescue-economy-without-fueling-populist-backlash-11584475764>
272. China's Chernobyl? The coronavirus outbreak leads to a loaded metaphor. [online]. – URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2020/02/12/chinas-chernobyl-coronavirus-outbreak-leads-loaded-metaphor/>
273. China's Coronavirus Culpability [online] – URL: <https://www.wsj.com/articles/chinas-coronavirus-culpability-11587504774>;
274. Cities That Went All In on Social Distancing in 1918 Emerged Stronger for It [online]. – URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2020/04/03/upshot/coronavirus-cities-social-distancing-better-employment.html>
275. Conférence de presse conjointe de MM. Nicolas Sarkozy, Président de la République, et Mikheil Saakachvili, Président de la Géorgie, sur les efforts de l'Union européenne en faveur de la résolution du conflit russo-géorgien concernant les régions séparatistes de Géorgie, l'Ossétie du Sud et l'Abkhazie, à Tbilissi le 8

septembre 2008 [online]. – URL: <https://www.elysee.fr/nicolas-sarkozy/2008/09/08/conference-de-presse-conjointe-de-mm-nicolas-sarkozy-president-de-la-republique-et-mikheil-saakachvili-president-de-la-georgie-sur-les-efforts-de-lunion-europeenne-en-faveur-de-la-resolution-du-conflit-russo-georgien-concernant-les-regions-separati>

276. Conférence de presse de M. Nicolas Sarkozy, Président de la République, sur l'action de l'Union européenne face au conflit armé russo-géorgien concernant l'Ossétie du Sud et l'Abkhazie, à Bruxelles le 1er septembre 2008. [online]. — URL: <https://www.elysee.fr/nicolas-sarkozy/2008/09/01/conference-de-presse-de-m-nicolas-sarkozy-president-de-la-republique-sur-laction-de-lunion-europeenne-face-au-conflit-arme-russo-georgien-concernant-lossetie-du-sud-et-labkhazie-a-bruxelles-le-1er-septembre-2008>
277. Coronavirus Cases Rise Sharply, as U.S. Braces for Most Challenging Days Ahead [online]. – URL: <https://www.wsj.com/articles/global-coronavirus-cases-increase-sharply-led-by-the-u-s-11586076886>
278. Coronavirus Closes School for Nearly 30 Million Children in U.S. [online]. – URL: <https://www.wsj.com/articles/coronavirus-closes-school-for-nearly-30-million-children-in-u-s-11584356400>
279. Coronavirus Forces Teachers to Learn a Different Tune [online]. – URL: <https://www.wsj.com/articles/coronavirus-forces-teachers-to-learn-a-different-tune-11588372654>
280. Coronavirus is different from AIDS [online]. – URL: <https://www.washingtonpost.com/outlook/2020/04/06/coronavirus-is-different-aids>
281. Emperor Joseph's Solution to Coronavirus [online]. – URL: <https://www.wsj.com/articles/emperor-josephs-solution-to-coronavirus-11586214561>
282. Federalism and the Coronavirus Lockdown [online]. – URL: <https://www.wsj.com/articles/federalism-and-the-coronavirus-lockdown-11585609012>

283. Fighting coronavirus feels like fighting a war. That might bring us together [online]. – URL: <https://www.washingtonpost.com/outlook/2020/04/21/fighting-coronavirus-feels-like-fighting-war-that-might-bring-us-together/>
284. Friedman T. Now a Word From X [Электронный ресурс] // “Foreign Affairs”. — URL: <https://www.nytimes.com/1998/05/02/opinion/foreign-affairs-now-a-word-from-x.html>
285. From Ebola to coronavirus, Trump always sees disease as a foreign threat [online]. – URL: https://www.washingtonpost.com/outlook/trump-ebola-coronavirus-xenophobia/2020/03/19/21dff870-694f-11ea-abef-020f086a3fab_story.html (accessed 01.12.2021).
286. Get Ready for the Return of Inflation [online]. – URL: <https://www.wsj.com/articles/get-ready-for-the-return-of-inflation-11587659836>
287. Global Cases of Coronavirus Top 1.6 Million [online]. – URL: <https://www.wsj.com/articles/countries-world-wide-log-record-coronavirus-cases-11586425347>
288. House Speaker Nancy Pelosi Endorses Joe Biden for President [online]. – URL: <https://www.wsj.com/articles/house-speaker-nancy-pelosi-endorses-joe-biden-for-president-11587990753>
289. How Coronavirus Is Eroding Privacy [online]. – URL: <https://www.wsj.com/articles/coronavirus-paves-way-for-new-age-of-digital-surveillance-11586963028>
290. How Fast the Economy Crashed and Washington Responded—in Charts [online]. – URL: <https://www.wsj.com/articles/how-fast-the-economy-crashed-and-washington-respondedin-charts-11585334137>
291. How New York Survived the Great Pandemic of 1918 [online]. – URL: <https://www.nytimes.com/2020/03/20/opinion/coronavirus-1918-flu-pandemic-new-york.html>
292. How the Coronavirus Might Reduce Income Inequality [online]. – URL: <https://www.wsj.com/articles/how-the-coronavirus-might-reduce-income-inequality-11587304801>

293. How to Avoid Another Great Recession [online]. – URL: <https://www.wsj.com/articles/how-to-avoid-another-great-recession-11585574692>
294. Jackson and Wilson Had Nothing on Trump in an Epidemic [online]. – URL: <https://www.wsj.com/articles/jackson-and-wilson-had-nothing-on-trump-in-an-epidemic-11587924232>
295. Joe Biden Points to Ebola Experience in Pitching Coronavirus Plan [online]. – URL: <https://www.wsj.com/articles/joe-biden-points-to-ebola-experience-in-pitching-coronavirus-plan-11585483202>
296. Obama's Bad Stimulus Example [online]. – URL: <https://www.wsj.com/articles/obamas-bad-stimulus-example-11584745388>
297. Out of Work and Tips, Restaurant Workers Face Their Own Coronavirus Crisis [online]. – URL: <https://www.wsj.com/articles/out-of-work-and-tips-restaurant-workers-face-their-own-coronavirus-crisis-11585313366>
298. Remarks by President Trump in Address to the Nation [online]. – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-address-nation/>
299. Remarks by President Trump, Vice President Pence, and Members of the Coronavirus Task Force in Press Briefing [online]. – URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-vice-president-pence-members-c-oronavirus-task-force-press-briefing/>
300. Rice C. No Higher Honor: A Memoir of My Years in Washington [online]. — URL: <https://www.rulit.me/books/no-higher-honor-a-memoir-of-my-years-in-washington-read-344266-192.html>
301. Since imploring his opponents not to politicize coronavirus, Trump has repeatedly politicized it [online]. – URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2020/03/13/since-imploring-his-opponents-not-politicize-coronavirus-trumps-repeatedly-politicized-it/>

302. Steven Rattner on Coronavirus Stimulus: 'Better to Go Too Quickly and Too Heavily' [online]. – URL: <https://www.wsj.com/articles/steven-rattner-on-coronavirus-stimulus-better-to-go-too-quickly-and-too-heavily-11585091015>
303. Stop calling covid-19 a war [online]. – URL: <https://www.washingtonpost.com/outlook/2020/04/20/stop-calling-covid-19-war/>
304. The coronavirus is Trump's Chernobyl [online]. – URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2020/03/09/coronavirus-is-trumps-chernobyl/>
305. The Democrats' 2020 Coronavirus Hindsight [online]. – URL: <https://www.wsj.com/articles/the-democrats-2020-coronavirus-hindsight-11587317439>
306. The History of Pfizer and Penicillin, and Lessons for Coronavirus [online]. – URL: <https://www.wsj.com/articles/the-history-of-pfizer-and-penicillin-and-lessons-for-coronavirus-11584723787>
307. The Imperative of Personal Sacrifice, Today and During World War II [online]. – URL: <https://www.nytimes.com/2020/04/03/magazine/personal-sacrifice-coronavirus-world-war-ii.html>
308. The Politics of a Pandemic. Trump wants us to see him as defeating a foreign enemy. [online]. – URL: <https://www.nytimes.com/2020/03/29/opinion/coronavirus-pandemic-politics.html>
309. The Republican president who vetoed a Great Depression rescue package in an election year [online]. – URL: <https://www.washingtonpost.com/history/2020/04/13/hover-trump-great-depression-coronavirus-economy/>
310. Tribune de M. Nicolas Sarkozy, Président de la République, dans "Le Figaro" du 18 août 2008, sur l'action de la France et de l'Union européenne en faveur du règlement du conflit entre la Géorgie et la Russie, intitulée "La Russie doit se retirer sans délai de la Géorgie" [online]. — URL: <https://www.elysee.fr/nicolas-sarkozy/2008/08/18/tribune-de-m-nicolas-sarkozy->

president-de-la-republique-dans-le-figaro-du-18-aout-2008-sur-laction-de-la-france-et-de-lunion-europeenne-en-faveur-du-reglement-du-conflit-entre-la-georgie-et-la-russie-intitulee-la-russie-doit-se-retirer-sans-del

311. Trump ‘didn’t know people died from the flu.’ It killed his grandfather [online]. – URL: <https://www.washingtonpost.com/history/2020/03/07/flu-trump-grandfather-death-coronavirus/>
312. Trump and Roosevelt: A Study in Contrasts. [online]. – URL: https://www.washingtonpost.com/business/on-small-business/trump-and-roosevelt-a-study-in-contrasts/2020/03/20/c3c39c50-6aa8-11ea-b199-3a9799c54512_story.html
313. Trump Is Not the Coronavirus [online]. – URL: <https://www.wsj.com/articles/trump-is-not-the-coronavirus-11586300015>
314. Trump Struggles to Balance Mitigating Epidemic, Protecting Economy [online]. – URL: <https://www.wsj.com/articles/trump-struggles-to-balance-mitigating-epidemic-protecting-economy-11583847590>
315. Trump taunts Biden about swine flu, misleadingly cites coronavirus polling to make himself look better [online]. – URL: <https://www.washingtonpost.com/nation/2020/03/13/trump-biden-coronavirus-tweet/>
316. Trump’s Chernobyl. [online]. – URL: <https://www.nytimes.com/2020/03/13/opinion/trump-coronavirus-chernobyl.html?searchResultPosition=1>
317. Trump’s comparison between coronavirus and the 2009 pandemic isn’t as useful as he thinks [online]. – URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2020/03/16/trumps-comparison-between-coronavirus-2009-pandemic-isnt-useful-he-thinks/>
318. Trump’s False Claims About His Response to the Coronavirus [online]. – URL: <https://www.nytimes.com/2020/03/13/us/politics/fact-check-trump-coronavirus.html>

319. Wartime President? Trump Rewrites History in an Election Year [online]. – URL: <https://www.nytimes.com/2020/03/22/us/politics/coronavirus-trump-wartime-president.html>
320. We Should All Be More Like the Nuns of 1918 [online]. – URL: <https://www.nytimes.com/2020/03/20/opinion/coronavirus-nuns.html>
321. What happens if parades aren't canceled during pandemics? Philadelphia found out in 1918, with disastrous results. [online]. – URL: <https://www.washingtonpost.com/nation/2020/03/12/pandemic-parade-flu-coronavirus/>
322. What Will It Take to Flatten the Coronavirus Curve? [online]. – URL: <https://www.wsj.com/articles/what-does-it-mean-to-flatten-the-curve-to-fight-coronavirus-11585301402>
323. Why Trump wants to be seen as a 'wartime' President. [online]. – URL: <https://edition.cnn.com/2020/03/24/politics/fault-lines-trump-coronavirus-wartime-president/index.html>